

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА

*Материалы международной научно-практической конференции,
посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона
от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»
(1–2 июня 2021 г.)*

Омск
ОмА МВД России
2021

УДК 342.9 (082)

ББК 67

А43

Редакционная коллегия:

В. А. Гусев — доктор юридических наук, доцент (председатель);
О. И. Бекетов — доктор юридических наук, профессор (зам. председателя);
М. А. Бучакова — доктор юридических наук, доцент;
О. А. Дизер — доктор юридических наук, доцент;
В. И. Сургутсков — кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь);
О. Ю. Филиппов — кандидат юридических наук, доцент

Актуальные проблемы полицейского права : мат-лы междуна-
А43 дунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию вступления
в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О по-
лиции» / пред. редкол. В. А. Гусев. — Омск : Омская академия
МВД России, 2021. — 272 с.

ISBN 978-5-88651-772-9

Сборник содержит материалы международной научно-практической конференции, посвященной актуальным проблемам полицейского права и полицейской деятельности. В докладах и сообщениях участников конференции рассматриваются закономерности и предпосылки возникновения и развития отрасли полицейского права, отечественный и зарубежный опыт деятельности полиции, современное состояние и тенденции развития полицейского законодательства, вопросы деятельности отдельных служб и подразделений полиции по профилактике правонарушений и др.

Предназначен для научных работников, преподавателей, курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников служб и подразделений органов внутренних дел и других правоохранительных органов.

УДК 342.9 (082)

ББК 67

ISBN 978-5-88651-772-9

© Омская академия МВД России, 2021

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА

А. С. Алмагамбетова

Основные направления модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан

В 2019 г. по поручению первого Президента Республики Казахстан (далее — РК), озвученному 5 октября 2018 г. в Послании народу Казахстана «Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни», началась модернизация органов внутренних дел.

Целью реформы было обозначено создание современной, технологичной, пользующейся доверием населения системы органов внутренних дел. Утвержденная Правительством РК Дорожная карта по модернизации органов внутренних дел на 2019–2021 гг. стала основным программным документом, которым были определены основные направления реформирования:

1. *Оптимизация организационно-штатной структуры*, в рамках которой были упразднены свыше 100 излишних управленческих звеньев и около 1,5 тыс. руководящих должностей. На 11% сократилась численность системы ОВД. По количеству полицейских на 100 тыс. населения Казахстан достиг среднеевропейского показателя (снижение с 471 до 372) (Бельгия — 412, Чехия — 383, Франция — 340).

2. *Улучшение системы оплаты труда и социальной защиты сотрудников*. На первом этапе, с 1 июля 2019 г., осуществлено дифференцированное повышение заработной платы (до 65%). Расширен Перечень должностей, предполагающих право на получение компенсации за наем жилья. В настоящее время этой социальной гарантией охвачено почти 72% нуждающихся в жилье сотрудников.

3. *Отбор и подготовка кадров*. Оптимизирована система ведомственного образования: из 12 учебных заведений сохранены 6 лучших. По программам бакалавриата обучаются только следователи. Кандидаты для других служб готовятся из числа выпускников гражданских вузов на 3–6-месячных курсах, в зависимости от специализации. В образова-

тельный процесс внедрены новые специальные курсы и дисциплины. Для обеспечения практикоориентированности учебного процесса создан пул из опытных действующих сотрудников. На базе Алматинской академии открыты Первый и Второй факультеты для подготовки руководящего состава.

4. *Внедрение новой системы критериев оценки деятельности полиции*, включающей в себя показатели, объективно отражающие качество реализации возложенных на ОВД задач и оценку населением состояния безопасности и эффективности деятельности полиции. Качественные критерии формируются на основе социологических исследований. Итоги проведенного в 2020 г. опроса показали, что полиции полностью доверяют 37% респондентов; частично — 38,4%; 31% опрошенных оценили уровень безопасности в стране как вполне удовлетворительный; 57,4% — достаточно удовлетворительный. Аналогичный процент опрошенных чувствуют себя в полной безопасности в районе проживания; 38,5% — достаточно безопасно.

5. *Борьба с коррупцией*. Реализован трехсторонний План с Агентством по противодействию коррупции и гражданским сообществом. Ликвидированы регистрационно-экзаменационные подразделения, их функции по принятию экзаменов на получение удостоверений на право управления транспортным средством переданы в Госкорпорацию «Правительство для граждан». Проводится цифровизация уголовного и административного производства. Автоматизированы 95% государственных услуг, оказываемых органами внутренних дел. Все сотрудники патрульной полиции и более 60% сотрудников пенитенциарных учреждений оснащены носимыми видеожетонами. Запущен новый порядок приема сообщений о преступлениях и происшествиях через мобильное приложение «Police 102». Это позволяет гражданам обращаться в полицию любым удобным для них способом, в том числе посредством видео- и аудиозвожков, социальных сетей, мессенджеров. Внедряется сплошное видеонаблюдение в пенитенциарных учреждениях и отделах полиции. Результатами этой работы стало снижение на 43% за последние три года количества коррупционных преступлений.

6. *Модернизация уголовно-исполнительной системы*. Создаются условия для трудовой занятости осужденных, их количество за год увеличено с 38 до 49%. В эту сферу активно привлекается бизнес.

В 2020 г. приняты законодательные поправки, улучшающие правовое положение осужденных. Функционируют системы видеопереговоров осужденных с родственниками, а также электронные магазины для зака-

за разрешенных товаров. В учреждениях установлены терминалы для подачи жалоб и обращений осужденных в электронном виде в прокуратуру, суд и антикоррупционную службу.

Следующие два направления определены Посланием главы государства от 1 сентября 2020 г. «Казахстан в новой реальности: время действий».

Проводится работа по освобождению МВД РК от некоторых непрофильных функций. В сентябре 2020 г. Указом Президента все функции в сфере гражданской защиты переданы во вновь образованное Министерство по чрезвычайным ситуациям.

Выработаны подходы по переводу местной полицейской службы на принципы сервисной модели. Прежде всего, это новые форматы работы с населением. Организовываются отчетные встречи с населением руководителей и участковых инспекторов полиции (далее — УИП).

В городских и районных отделах полиции по принципу центров обслуживания населения созданы приемные для граждан.

Запущены медиапортал «POLISIA.KZ» и телестудия МВД РК.

По принципу «шаговой доступности» обеспечен эффект постоянного присутствия полиции в общественных местах. Введено гибкое патрулирование. По опыту развитых стран устанавливаются современные модульные посты полиции с созданием условий для несения службы и приема граждан в круглосуточном режиме.

В своей деятельности сотрудники патрульной полиции используют электронные планшеты и терминалы для безналичной оплаты штрафов.

В целях повышения статуса УИП разработан законопроект, расширяющий их полномочия в сфере профилактики правонарушений.

В ряде регионов запущены пилотные проекты по апробированию сервисной модели полиции. Все это осуществляется в тесном сотрудничестве с международными и межправительственными организациями.

На заключительном этапе предусмотрена разработка Концепции перехода казахстанской полиции на сервисную модель.

Р. З. Амиров

Историко-правовые аспекты кадрового обеспечения деятельности полиции Российской империи: военизированные императивы

К общим закономерностям процесса возникновения государств, сопровождавшегося образованием государственного механизма, следует отнести изначальное осуществление полицейских функций как самим населением (прежде всего сельской общиной), так и воинскими формированиями. Все это заложило военизированные начала в процесс создания и деятельности полицейских органов. Одной из основных проблем формируемой на регулярной основе российской полиции стало обеспечение ее качественным кадровым составом. Изначально сама полицейская деятельность отличалась сложностью и непопулярностью в обществе. Приказная бюрократия препятствовала формированию новых элементов механизма «регулярного государства», создаваемого Петром I. Постоянные войны отвлекали на военную службу, которая оценивалась значительно выше гражданской, наиболее способных и подготовленных для управленческой деятельности людей. Таким образом, в начальный период образования полиции Российской империи ее комплектование военнослужащими было обусловлено объективными причинами. Например, уже с момента образования генерал-полицмейстерства в Санкт-Петербурге в июне 1718 г. в его распоряжение было направлено 90 военнослужащих, а в 1727 г. при Главной полицмейстерской канцелярии состояли: 1 прапорщик, 3 сержанта, 4 капрала, 33 солдата, 4 воинские команды в составе 2 капитанов, 2 поручиков, 4 капралов, 40 солдат [1, с. 44].

В XVIII в. руководящий состав полиции формировался, как правило, из армейских офицеров. В докладе полицмейстерской канцелярии от 13 марта 1733 г. «Об учреждении полиции в городах» указывалось на необходимость назначения на должности полицмейстеров офицеров местных гарнизонов [2, с. 157]. Данная практика имела место и в XIX в., но в основном распространялась на отставные воинские чины. Так, именным Указом от 17 февраля 1819 г. устанавливался порядок замещения должности земского исправника отставными в связи с ранением офицерами армии, согласно которому не требовалось их избрание дворянским собранием [3]. Что касается нижних чинов, то также имелась тенденция к замене кадровых военнослужащих на отставных. Если в 1733 г. предписывалось направлять в распоряжение городской полиции из состава гарнизонов губернских и провинциальных городов унтер-офицера, капрала

и по 6–8 рядовых, то с 1753 г. городские полицейские команды должны были комплектоваться из нестроевых унтер-офицеров и солдат. Проблемы кадрового обеспечения деятельности полиции возникали постоянно и неизменно вызывали потребность прибегать к исключениям из установленных правил. Так, в 1819 г. по предложению министра юстиции Сенат предписал назначать полицейских служителей из числа нижних чинов военного ведомства [4].

Неспособность имевшегося состава полиции эффективно исполнять значительный объем полицейских функций (выходящий за рамки собственно правоохранительных) компенсировалась, в частности, практикой прикомандирования воинских формирований для содействия полиции. С 1732 г. «для караулу и прочаго полицейского исправления» в петербургскую полицию ежегодно направлялись 6 унтер-офицеров, 16 капралов и 120 рядовых. По оценке московского обер-полицмейстера В. И. Толстого (1765–1770), разъезды гусарской воинской команды позволяли эффективно пресекать «драки и беспорядки, а иногда и воровство», с чем полицейские служители самостоятельно не справлялись [5, л. 1]. Несмотря на это, Военная коллегия весьма неохотно командировала военнослужащих для содействия полиции. Соответствующая тенденция имеет место на всем протяжении истории Российского государства, свидетельствуя о том, что отсутствие согласованности в межведомственном взаимодействии, недооценка комплексного характера внешней и внутренней безопасности государства может обернуться его политическим кризисом и даже распадом (Российская империя в 1917 г., СССР в 1991 г.). Позднее аналогичную позицию в рапорте на имя императора Александра I излагал и московский военный губернатор А. А. Беклешов (1804–1806), отмечая, что «в самой публике, и в разъездах команда в полном виде воинского штата боле на удержание порядка сама по себе имеет влияние, и составляет самой службе боле чести, нежели просто гражданская стража... в публике почитаемая за инвалидов, следовательно, не уважаемых как должно» [6, л.101–102]. Практика прикомандирования военнослужащих к полиции продолжалась и в последующие годы. Наставление по гарнизонной службе (1819 г.) предписывало воинским начальникам выделять солдат и офицеров по требованию полицейских чиновников «для препровождения на съезжий двор людей, взятых в буйстве или в других противных поступках» [7, с. 51].

При правлении Николая I усилилась милитаризация полицейской деятельности. В соответствии с Указом Сената от 30 июля 1831 г. отставные по ранению офицеры в системе МВД определялись на должности

полицмейстеров, городничих и исправников в тех уездах, где они назначались от Короны [8]. Хотя Положением от 4 октября 1832 г. существенно ограничивался перечень должностей, которые могли замещаться военнослужащими, в отношении полицейских команд прежний порядок сохранялся [9]. Офицеры назначались на должность полицмейстеров в военных поселениях и на окраинах Империи. Принимались меры для повышения качества кадрового состава полиции. Сенатским Указом от 30 июля 1846 г. о комплектовании полиции Санкт-Петербурга устанавливалось, «чтобы прием по означенной полиции отставленных от военной службы за дурное поведение не был допускаем» [10]. В дальнейшем данное требование было распространено в отношении всех, а не только столичных полицейских команд.

Реформы, проводимые Александром II, затронули и полицию, которой он отводил одно из главных мест в системе государственного управления, отмечая, что «нужды государственные теперь же настоятельно требуют некоторых, по крайней мере временных, изменений и улучшений в устройстве полиции, особенно же в личном ее составе» [11]. В ходе преобразований Министерством внутренних дел совместно с Военным министерством разрабатывались правила укомплектования всех полицейских команд (как губернских, так и уездных) вольнонаемными людьми из бессрочноотпускных и отставных нижних воинских чинов. Однако новые правила комплектования полиции имели некоторые исключения. По представлению Наместника Кавказа в соответствии с высочайше утвержденным положением Кавказского комитета от 2 марта 1874 г. в Закавказском крае полицейские и пожарные команды по-прежнему формировались из военнослужащих [12]. Положением об управлении Туркестанского края от 12 июня 1886 г. разрешалось направлять в распоряжение уездных начальников, полицмейстера и приставов необходимое количество нижних чинов из состава местных войск для несения полицейской службы (п. 72) [13].

Таким образом, привлечение военнослужащих к комплектованию полиции было вызвано необходимостью укрепления ее более подготовленными кадрами, по роду своей деятельности знакомыми со спецификой государственной службы, с изначальной военизированной полицией. Недостаточность полицейских сил и средств компенсировалась прикомандированием воинских команд. Исторический опыт нашел свое отражение и в современных условиях в процессе кадрового обеспечения МВД России, особенно в период сокращения численности Вооруженных Сил.

Список источников

1. *Кириллов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. Кн.1.
2. *Чистяков О. И.* Российское законодательство X–X веков : в 9 т. М., 1987. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков.
3. *Полное собрание законов Российской империи : собрание 1-е : с 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. XXXVI. № 27682.* URL: http://nir.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 11.04.2021).
4. *Полное собрание законов Российской империи : собрание 1-е : с 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. XXXVI. № 27699.* URL: http://nir.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 11.04.2021).
5. *Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 784.* URL: <http://rgvarchive.ru> (дата обращения: 11.04.2021).
6. *Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 339.* URL: <http://rgvarchive.ru> (дата обращения: 11.04.2021).
7. *О службе в гарнизоне, или О разводах, караулах и часовых. 1819.* URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007495918> (дата обращения: 11.04.2021).
8. *Полное собрание законов Российской империи : собрание 2-е : с 12 декабря 1825 г. Т. VI. № 4731.* URL: http://nir.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 11.04.2021).
9. *Полное собрание законов Российской империи : собрание 2-е : с 12 декабря 1825 г. Т. VII. № 5644.* URL: http://nir.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 11.04.2021).
10. *Полное собрание законов Российской империи : собрание 2-е : с 12 декабря 1825 г. Т. XXI. № 20270.* URL: http://nir.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 11.04.2021).
11. *Полное собрание законов Российской империи : собрание 2-е : с 12 декабря 1825 г. Т. XXXVII. № 39087.* URL: http://nir.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 11.04.2021).
12. *Полное собрание законов Российской империи : собрание 2-е : с 12 декабря 1825 г. Т. XLIX. Отд. I. № 53212.* URL: http://nir.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 11.04.2021).
13. *Полное собрание законов Российской империи : собрание 3-е : с 1 марта 1881 г. Т. VI. № 3814.* URL: http://nir.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 11.04.2021).

П. А. Астафичев

Национальная безопасность: концептуальные основы современных стратегий обеспечения

Понятие «национальная безопасность» в современном обществе нуждается в адекватном понимании [1, с. 165–168]. В настоящий период наблюдаются тенденции как необоснованного сужения, так и неправомерного расширения содержания данной категории [2, с. 23–31]. В итоге можно констатировать не только дефекты правосознания, но и ошибки в оперативно-розыскных, правоприменительных действиях. В связи с этим представитель закона должен четко знать, какие именно признаки положены в основу категории «национальная безопасность», какие угрозы национальной безопасности на самом деле имеются в общественных отношениях и, следовательно, какие меры необходимо предпринимать государственной власти для обеспечения состояния подлинной защищенности общества от названных угроз.

Термин «национальная безопасность», на наш взгляд, характеризует состояние защищенности государственно-организованного общества как такового, исключая частности и фрагментарные аспекты, не оказывающие существенного угрожающего воздействия на публичную власть. Прежде всего, это защита общества от планирования, развязывания и ведения агрессивных войн; противодействие реабилитации нацизма; исключение применения оружия массового поражения, запрещенных средств и методов ведения войны; эффективное пресечение и недопущение геноцида, экоцида; комплексное противодействие международному терроризму. Соответствующие деяния запрещены уголовным законодательством РФ и подпадают под категорию «преступления против мира и безопасности человечества» (глава 34 УК РФ). Кроме того, национальной безопасности угрожают запрещенные уголовным законом преступления против государственной власти, в числе которых государственная измена, шпионаж, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж, действия против территориальной целостности страны, диверсия, возбуждение массовой ненависти или вражды, экстремизм во всех его проявлениях, разглашение государственной тайны (глава 29 УК РФ).

Этим, пожалуй, содержание понятия «национальная безопасность» исчерпывается. К слову, глава 29 УК РФ оперирует такими терминами, как преступления «против основ конституционного строя и безопасности государства», что как нельзя более точно характеризует явление

в исследуемом нами контексте. Категории «национальная безопасность» и «безопасность государства» близки вплоть до их тождественности, причем они неразрывно связаны с демократическим конституционным строем. В связи с этим национальная безопасность не имеет ничего общего с возрождением квазисоветской государственной идеологии [3, с. 29–32], принудительным воспитанием граждан в национальном ортодоксальном духе и т. п. Задача обеспечения национальной безопасности возлагается, главным образом, на правоохранительную систему, специализированные службы обеспечения национальной безопасности при безусловном содействии позитивно настроенного против государственной преступности общества. Даже в уголовном законодательстве мы обнаруживаем ряд преступлений, которые направлены против безопасности кого-либо или чего-либо, но это совсем не национальная безопасность. Понятие «национальная безопасность» не должно истолковываться чрезмерно широко. В противном случае правоохранительные органы утрачивают многие важные теоретико-методологические принципы своего функционирования, рассредоточивая организационные усилия на выполнение второстепенных организационных задач и даже на имитацию эффективной государственной деятельности.

Противоположная тенденция необоснованного сужения содержания понятия «национальная безопасность» характерна для результатов сравнения категорий «безопасность человечества» и «безопасность государства». В прямом смысле слова, конечно, угрозы безопасности государства не охватываются термином «безопасность человечества». Государства находятся не только в состоянии гармонии международных отношений, между ними возникают отношения институциональной конкуренции, приводящие к существенному конфликту ряда их публичных интересов [4, с. 143–154]. Однако международный мир и безопасность — это общая задача всех наций и народностей. Полагаем, что понятие «национальная безопасность» охватывает своим содержанием не только категорию «безопасность государства», но также многие другие важные меры, направленные на обеспечение безопасности человечества в целом.

Важно подчеркнуть, что современная Россия не отрицает выше-названных ценностей. Напротив, она их активно поддерживает, о чем неоспоримо свидетельствуют законодательство и правоприменительная практика, а также внешняя политика страны. Вместе с тем в процессе обеспечения национальной безопасности в России имеется ряд вопросов, которые еще только предстоит разрешить правоохранительной системе. В их числе более точное определение понятия «экстремистская деятель-

ность» (включение в состав данной категории признаков реабилитации и пропаганды нацизма, разграничение законной политической оппозиционной деятельности и политического экстремизма), уточнение порядка проведения публичных протестных акций (митингов, демонстраций, шествий, пикетирований) и др. Обращает на себя внимание тот факт, что значительное количество дел, рассмотренных Конституционным Судом РФ в 2020–2021 гг., посвящены именно этой проблематике, причем высший орган судебного конституционного правосудия нередко поддерживал правовую позицию заявителей и либо истолковывал оспариваемые нормы в пользу лиц, обратившихся в Конституционный Суд РФ, либо вообще дисквалифицировал оспариваемые законоположения [5; 6]. Это не только акты действующего правосудия, но и весьма недвусмысленная рекомендация законодателю об изменении ряда приоритетов в законодательной политике. Считаем, что их теоретико-методологическая основа в значительной степени базируется на более точном для современных социально-политических реалий истолковании научной категории «национальная безопасность».

Список источников

1. *Прокофьев В. А.* Национальная безопасность и национальные интересы России: проблемы правового обеспечения // Правовое и политическое взаимодействие. Ростов н/Д, 2004.
2. *Балашова Т. Н.* Национальный интерес и национальная безопасность в контексте миграции населения: взаимосвязь и взаимодействие // Общество и право. 2008. № 1.
3. *Решетников С. Н., Уразаев Э. Э.* Национальная безопасность и вопросы общероссийской национальной идеологии // Современное право. 2010. № 6.
4. *Ермишина С.* Национальное самосознание и национальная безопасность // Социальная и духовная безопасность России. М., 1995.
5. *По делу о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И. А. Никифоровой* : постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 2021 г. № 19-П. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *По делу о проверке конституционности статьи 3.4 Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан*

дан на проведение публичных мероприятий в Самарской области» в связи с жалобой граждан Н. П. Барановой, А. Г. Круглова и Д. И. Сталина : постановление Конституционного Суда РФ от 4 июня 2020 г. № 27-П. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

Г. Х. Афзалетдинова

К вопросу об особенностях норм полицейского права

Необходимо констатировать, что у теоретиков права не выработано однозначной позиции относительно сущности, юридической природы, логики действия, правопонимания такого явления, как полицейское право.

В настоящее время преобладает точка зрения, что полицейское право, отмежевываясь от административного, в процессе своего развития не приобрело статуса самостоятельной отрасли права и регламентирует общественные отношения, связанные с полицейской деятельностью государства, с возможным применением мер принуждения. В теории права также существует мнение о том, что полицейское право представляет собой «крупную комплексную нормативную общность, представленную как отдельными отраслями права, так и комплексными правовыми институтами и иными структурно упорядоченными нормативными образованиями внутригосударственного и трансграничного действия...» [1, с. 65].

Полицейское право в государстве отражает не только охранительно-принудительный, но и регулятивный потенциал права. Обращение к указанной нормативной общности направлено на повышение результативности действия охранительной функции права и, как следствие, оптимизации правоохранительной деятельности государства в целом.

Полицейское право состоит из правовых норм, которые объединяются в институты, укрупненные блоки. Рассмотрим особенность нормы полицейского права. Она представляет собой первичный элемент полицейского права, формально-определенное правило поведения, регулирующее поведение субъектов. Норма полицейского права обеспечивает субъективные права (например, права сотрудника полиции, регламентированные ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее в сборнике — Закон о полиции) и возлагает обя-

занности на участников общественных отношений посредством предоставления прав, свобод, законных интересов, возложения обязанностей, запретов, применения мер поощрения. Преимущественно в правовом регулировании используются запреты и обязанности, направленные на обеспечение возможности гражданам использовать предоставленные им права и свободы. В случае неисполнения добровольно субъектами требований, содержащихся в нормах уголовного и административного права, специально уполномоченными субъектами применяются меры принуждения.

В полицейском праве выделяются следующие нормы: обязывающие, уполномочивающие, запрещающие, поощрительные.

Обязывающие нормы возлагают на граждан, должностных лиц правоохранительных органов императивные требования по совершению действий, значимых для общества и государства в целом (например, регламентированные в ст. 12 Закона о полиции).

Уполномочивающие нормы предоставляют субъектам права, свободы и законные интересы в целях совершения ими действий, значимых в первую очередь для отдельной личности.

Поощрительные нормы предусматривают меры поощрения в отношении субъектов в связи с выполнением обязанностей сверх установленных показателей, которые выступают проявлением действия механизма льготирования.

Иную правовую природу имеют *запрещающие нормы*, которые реализуют охранительную функцию рассматриваемого права. В них содержатся требования воздерживаться от нарушения установленных правил, противоправной деятельности, поведения, противоречащего общественным интересам (например, п. 1.2 ст. 8.37 КоАП РФ содержит запрет на нарушение правил охоты). За запрещающей нормой следуют нормы полицейского права, определяющие санкцию за нарушение установленного правила, совершение противоправных действий.

В процессе действия полицейского права указанные нормы функционируют не автономно друг от друга, а в единстве. В результате этого полицейское право имеет охранительную окраску.

Общественные отношения возникают в связи с осуществлением полицейской деятельности, которая направлена на защиту ценностей, значимых для всего общества и для каждого индивида (общественная безопасность, правопорядок, права, свободы и законные интересы и др.).

Исследование проблемы полицейского права актуализирует обращение к полицейскому государству. Данные понятия представляют собой различные феномены, ограниченные их специфическим предназначением и правовой природой. Поэтому действие полицейского права не обусловлено наличием полицейского государства. Существовавшие ранее полицейские государства трансформировались в современные конституционные государства, по форме являющиеся правовыми, с присущими им культурными, ментальными особенностями.

В заключение подчеркнем, что нормы полицейского права направлены на обеспечение общественного порядка, общественной безопасности (т. е. преимущественно публичных интересов), правовых ценностей; создание основы функционирования современного государства как сильного правового регулятора общественной жизни, в том числе и посредством использования мер принуждения в интересах общего блага, иными словами, всего общества.

Список источников

1. Червонюк В. И. Современное полицейское право в контексте правовой государственности (в трех выпусках) // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2.

О. И. Бекетов

Феномен «чрезвычайного» в административном, полицейском праве и политической практике

Слово «чрезвычайный», в отличие от многих других, используемых в правовой науке, не заимствованное, а сугубо русскоязычного происхождения. В юридическом употреблении оно характеризует исключительно многообразное явление, нуждающееся в дополнительном углубленном освещении как с правовой (прежде всего с административно-правовой и полицейско-правовой), так и с политической точек зрения. Проблематика «чрезвычайного» в праве, «чрезвычайной ситуации», «чрезвычайного положения», «режима повышенной готовности», иных смежных правовых форм, их соотношения с методом правового регулирования, место и роль в управленческой парадигме современных государств в силу известных существующих реалий внезапно обрели новую актуальность, предварительно получив фундаментальное обоснование в философских источниках [1; 3]. Полагаем, что ценность может представить исследование феномена «чрезвычайного» именно с позиций административного

и полицейского права, прежде всего, в силу наибольших связей указанных отраслей с публичным управлением, исполнительной властью и теми ее структурами, которые прямо предназначены применять насилие для обеспечения общественного порядка и безопасности.

До учреждения и повсеместного введения в нашей стране режима повышенной готовности наиболее распространенным (в том числе и за рубежом) был режим чрезвычайной ситуации, устанавливаемый на определенной территории, на которой происходит какое-либо угрожающее событие (авария; опасное природное явление; техногенная катастрофа; распространение заболевания, представляющего высокую опасность для окружающих; стихийное или иное бедствие, которое может повлечь или повлекло за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей). При всех особенностях его можно охарактеризовать как режим повседневной деятельности, имеющий целью нормализацию обстановки путем введения некоторых административных ограничений и мобилизации ресурсов. Режим чрезвычайной ситуации по российскому законодательству может вводиться органами власти субъекта РФ на территории региона, а Правительством РФ — на территории всей страны [4].

В отличие от чрезвычайной ситуации чрезвычайное положение представляет собой особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, независимо от организационно-правовых форм, допускающий установленные законом отдельные весьма чувствительные ограничения прав и свобод граждан, организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

Чрезвычайное положение на всей территории РФ или в ее отдельных местностях вводится исключительно указом Президента РФ лишь при наличии обстоятельств, представляющих собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю РФ и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер [5].

В сравнении с чрезвычайной ситуацией чрезвычайное положение — это значительно более суровый, можно сказать, исключительный режим, который после путча 1991 г. в нашей стране ни разу не вводился.

При всей «чрезвычайности» режима, в котором население нашей страны провело уже полтора года и в условиях которого мы продолжаем пребывать до сих пор, это все же региональный режим даже

не чрезвычайной ситуации, а ему предшествующий, более мягкий режим повышенной готовности, который регионы вводили прежде всего как режим функционирования собственных органов публичной власти, перманентно корректировали его. И сейчас этот режим в основных чертах соответствует указам глав субъектов РФ, принятым в марте 2020 г. То, что хотя к прежней нормальной жизни мы не вернулись, но стали более рутинно воспринимать новую реальность, чуть больше года назад вполне осознаваемую в качестве «чрезвычайной», подводит нас к вопросу о том, что означает «чрезвычайное» с политической точки зрения [6].

Не секрет, что сама легитимация государственной власти, государственного насилия, которое государство монополизирует, всегда основана на том, что эта государственная сила защищает нас (и само себя) от какой-либо опасности. Одна из теорий происхождения государства основывается на том, что оно возникло, когда надо было с кем-то воевать и для этого нужно объединяться, мобилизовывать ресурсы, руководить; именно таким образом из разрозненного родоплеменного порядка возник «вождистский» тип власти, который потом эволюционировал в более сложные формы государственности. Можно утверждать, что любая государственность из «чрезвычайного» происходит и заинтересована в его сохранении. К тому же под предлогом общей «чрезвычайщины» и необходимости отражения угроз можно не проводить никаких модернизаций и реформ, нарушающих привычное существование [7, с. 43]. При этом если какой-либо режим функционирования или институт обозначить как чрезвычайный, тем самым подразумевается, что есть и рутинный. Если есть исключение, то есть и правило, норма, от которых указанное исключение отталкивается. Казалось бы, «чрезвычайное» в праве не может быть установлено надолго, на десятилетия, но многие примеры из административного и полицейского права говорят об обратном. Приведем некоторые достаточно яркие примеры «рутинизированной чрезвычайности».

1. Институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Его прототипом выступил гласный полицейский надзор, Положение о котором было утверждено российским императором Александром III 12 марта 1882 г. Он был учрежден в качестве одной из чрезвычайных мер, направленных на противодействие усиливавшемуся революционному движению, используемым методам террора. Дополнительным толчком к его установлению стало убийство 1 марта 1881 г. народовольцами императора Александра II. Существовая почти сто

пятьдесят лет, он превратился в регулярный, современный, хорошо отлаженный и эффективный механизм предупреждения рецидивной преступности.

2. Досмотры в аэропортах, введенные в 1970-х гг. для предупреждения и пресечения актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации, ставшие вполне привычным атрибутом нашего времени.

3. Режим повышенной готовности. Мог быть отнесен к разделу о чрезвычайном законодательстве в дореволюционном полицейском праве. Находится в процессе рутинизации, мы постепенно привыкаем к нему и практически перестаем замечать его изначально «чрезвычайный» характер.

4. Повышенная строгость административной ответственности за несанкционированное участие в публичных мероприятиях, введение уголовной ответственности за повторность.

5. Установление и применение административной и уголовной ответственности за экстремизм.

6. Развитие антитеррористического законодательства, предусматривающего в том числе право применения вооруженными силами оружия и боевой техники для пресечения полета воздушного судна путем его уничтожения, установленное большинством цивилизованных государств.

7. Учреждение и параллельное функционирование трех полицейских структур (общей полиции, военной полиции и войск национальной гвардии), сопровождающееся непрерывным расширением их полномочий.

«...Полиция постоянно действует в состоянии, подобном „чрезвычайному положению“. Вопросы общественного порядка и безопасности, решения о которых она должна выносить в каждом отдельном случае, конфигурируют зону неразличимости между насилием и правом...» [1, с. 106].

8. Всеобщая фиксация административных правонарушений в области дорожного движения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, дающая свыше 100 млн привлечений к административной ответственности в год.

Очевидно, что этот список примеров может быть расширен.

Джорджо Агамбен в своих исследованиях глубоко анализирует эволюцию чрезвычайного положения (оно же чрезвычайное правление), применение которого постепенно распространялось, в том числе и как ответ на терроризм, и превращало исключение в правило. «...Осознанное использование вечного чрезвычайного положения (даже если оно

и не было объявлено формально) стало одной из главных практик современных государств...» [2, с. 9].

«На фоне неудержимого развития явления, названного „гражданской войной в мировом масштабе“, чрезвычайное положение все более и более стремится стать доминирующей управленческой парадигмой современной политики. Превращение временной и исключительной меры в управленческую технологию угрожает радикально преобразовать — и фактически уже ощутимо преобразовало — структуру и смысл различных традиционных конституционных форм» [2, с. 9].

«...Сегодня мы наблюдаем со всей очевидностью: с того момента как „чрезвычайное положение... стало правилом“, оно все чаще и чаще оказывается управленческой технологией, а не вынужденной чрезвычайной мерой, и обнаруживает свою природу основополагающей парадигмы правового порядка» [2, с. 16].

Таким образом, расширение и укрепление зоны «чрезвычайного» в государственном управлении и, соответственно, в административном, полицейском и в других тесно с ними взаимосвязанных отраслях законодательства выступает долговременной абсолютно доминирующей тенденцией и вместе с тем наиболее выраженной характерной чертой государственного и правового развития нашего времени.

Список источников

1. Агамбен Д. Средства без цели. Заметки о политике. URL: <https://klex.ru/s71> (дата обращения: 13.05.2021).
2. Агамбен Д. НОМО SACER. Чрезвычайное положение. URL: https://platona.net/load/knigi_po_folosofii/ehtica_i_estetika/Agamben_dz_homo_sacer_chrezvychainoi_polozhenie/36-1-0-2248 (дата обращения: 13.05.2021).
3. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=584987&r=1> (дата обращения: 13.05.2021).
4. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ст. ст. 1, 10, 11). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О чрезвычайном положении : федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ст. ст. 1, 3). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Шульман Е. Статус. 17 марта 2020. URL: <http://echo.msk.ru/programs/status/2606714-echo/> (дата обращения: 28.05.2021).
7. Шульман Е. Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью. М., 2021.

В. Ф. Выштикалюк, И. Н. Тихонов, Р. Н. Филимонов

Историческое развитие полицейских функций в России

Решение внутренних государственных задач — одно из важнейших направлений государственной деятельности по защите граждан от преступных посягательств и защите государственных интересов.

Начиная с образования первых государств, защитой внутренних интересов занимались специально назначенные люди. На примере древней Греции таковыми были архонты, ассессоры, астиномахи и токсоты, чьи полицейские функции были весьма разнообразны, но нацелены на защиту государственных и гражданских интересов, будь то отлов разбойников или контроль портовых сообщений и транспортировка товаров [1, с. 107].

Россия не была исключением в области защиты своих интересов и интересов своих граждан. Так, одними из первых полицейских, которые обеспечивали соблюдение закона и порядка на территории городов Киевской Руси, были княжеские дружинники. Их функции были настолько разнообразны, что включали в себя защиту княжества от внутренних и внешних угроз, розыск лиц, сбор налогов, поддержание чистоты на улицах и прочие действия, выполняемые несколькими ведомствами современной России. На момент существования дружин их деятельность не регламентировалась нормативными правовыми актами и выполнение их полицейских функций регулировалось волей князя, которому служила дружина, в зависимости от текущей политической ситуации.

Позднее на смену дружинникам пришли более узко квалифицированные специалисты — опричники, в чьи обязанности уже не входили защита государства от внешней угрозы и поддержание чистоты дворов и улиц, а также решение иных муниципальных задач. Это подразделение занималось внутренними государственными вопросами, большая часть из которых имела политическую направленность. Но, в отличие от дружины, «избранная тысяча» действовала не только согласно воле царя, но и своду законов того времени. Стоит отметить, что соблюдение законов никем полноценно не контролировалось.

Опричников сменила профессиональная структура — полиция, образованная Петром I в 1718 г. В ее обязанности входил не только политический аспект, но и защита граждан, благоустройство городов, а в сравнении с предшественниками деятельность полицейских регламентировалась законодательно.

Петровская полиция просуществовала в России до начала XX в., претерпев ряд функциональных изменений. Так, постепенно в обязанности полиции перестали входить функции по благоустройству и поддержанию

чистоты в городах, остались только задачи, направленные на раскрытие и расследование преступлений.

Колоссальный опыт, полученный за 200 лет, позволял полицейским успешно бороться с преступностью, но после революции в России на смену полиции пришла милиция, в чьих рядах оказалось немало первоклассных специалистов из числа бывших полицейских.

Функционально милиция не отличалась от полиции. Ее задачами, как и у полиции царской России, были обеспечение правопорядка, защита государственных интересов, государственной собственности и граждан, однако имелся «политический вектор» деятельности с уклоном на интересы государства, а не отдельных лиц.

Советская милиция не менее успешно боролась с преступностью, чем царская полиция, в том числе в тяжелые для страны годы. Помимо выполнения полицейских функций, сотрудники милиции нередко привлекались для оказания помощи при возникновении различных чрезвычайных ситуаций, участвуя в спасательных и контртеррористических операциях.

Начиная с 2011 г. после реформирования милиции в России снова образовалась полиция, однако она больше является продолжателем милиции, чем царской полиции, поскольку функционально далека от своего предшественника в царской России [2, с. 96].

Рассматривая объем функциональных обязанностей полиции России, их можно условно разделить на три категории:

1) полицейские функции от Древней Руси до России XVIII в., включающие в себя правоохранительную и муниципальную деятельность без нормативного регулирования, основанную на воле правящей элиты и сводах общих законов;

2) полицейские функции XVIII – начала XX вв., включающие в себя правоохранительную и муниципальную деятельность, основанную на правовом регулировании;

3) полицейские функции начала XX — XXI вв., включающие в себя правоохранительную деятельность, основанную на правовом регулировании.

Список источников

1. *Иванов А. А., Румянцев Н. В.* Организация полицейской службы в древнегреческих полисах // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 8.

2. *Ратушняк В. Н.* Основные задачи и функции российской полиции // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 6/2.

О. А. Кнаус

Реформа МВД СССР 1968–1969 гг. (по материалам УВД Иркутского облисполкома)

Научное осмысление истории развития отечественных правоохранительных органов позволяет осуществить выбор оптимальной для современности системы профилактики и раскрытия преступлений, обеспечения охраны общественного порядка, безопасности общества и государства, сформировать организационную систему управления подразделений МВД России, которая отвечала бы современным запросам.

Анализ итогов реформы МВД России 2011 г. вызывает научный интерес к изучению аналогичных процессов становления и развития МВД СССР в 1960-х гг. прошлого века как базиса для понимания причин его последующего коренного реформирования.

История иркутской милиции как части аппарата государственного принуждения неотрывно связана с изменениями, происходившими практически во всех сферах [1, с. 30–34]. 1960-е гг. — период самых значительных достижений СССР как внутри страны, так и в мире. Необходимо отметить, что, несмотря на общий подъем экономики, меры, предпринятые государством, начало которым было положено в 1960 г. с принятием новых основ уголовного законодательства СССР по борьбе с преступностью, оказались недостаточными [2]. К середине 60-х гг. XX в. деятельность органов охраны порядка была осложнена их организационной разобщенностью. В системе охраны общественного порядка отсутствовал аппарат по борьбе с преступностью в масштабах всего Советского государства, а материально-техническое, финансовое, кадровое и социальное обеспечение милиции было недостаточным.

В целях преодоления указанных недостатков в период с июня 1966 г. по ноябрь 1968 г. в СССР были предприняты организационные и практические меры, направленные на совершенствование деятельности государственных органов по борьбе с преступностью, отправной точкой которых стало постановление Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. № 571 «О мерах по усилению борьбы с преступностью». Этот и следующие принятые за ним в 1966–1968 гг. нормативные документы, касающиеся деятельности органов правопорядка, стали очередной попыткой реформирования правоохранительной системы СССР, что называется, малыми затратами, с применением лишь организационно-правовых механизмов для достижения поставленной цели — снижения уровня преступности в стране. Положительным моментом в ходе реализации этих мер стало восстановление централизованного управления советской милиции.

Иной подход к реформированию правоохранительной системы был применен в постановлении ЦК КПСС, Совмина СССР от 19 ноября 1968 г. № 902–316 «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению», реализацию положений которого впоследствии назовут «золотым веком советской милиции». Впервые на законодательном уровне были заложены расходы на проведение реформы, только в 1969 г. составившие 72 млн рублей бюджета СССР и 53 млн рублей внутренних источников МВД, под которыми понимались мероприятия, обеспечивающие получение дополнительных доходов, в том числе улучшение трудового использования заключенных.

Выполняя указанные программные документы, Иркутский областной Совет депутатов (далее — Иркутский облисполком) в целях реализации требований постановления в части материального обеспечения милиции вынес решение от 7 января 1969 г. № 9 «О неудовлетворительном строительстве служебных помещений отделов внутренних дел райгорисполкомов», согласно которому только в 1969 г. предлагалось выделить 174 служебных помещения для участковых, 121 служебную квартиру и 190 служебных телефонов. Причем все взятые на себя обязательства исполнительные комитеты районов выполнили в полном объеме [3].

Необходимо обратить внимание на то, что вопреки распространенному мнению о значительном улучшении материального обеспечения в ходе реформирования МВД СССР в 1968–1969 гг. архивные материалы указывают на обратное. Так, согласно новому штатному расписанию УВД Иркутского облисполкома был понижен статус начальника отдела уголовного розыска УВД, который стал иметь звание по должности полковник (ранее комиссар милиции 3-го ранга). Кроме того, были уменьшены должностные оклады и звания по должностям практически у всех сотрудников аппарата уголовного розыска. В уголовном розыске территориальных ОВД оклады руководителей также были снижены на 10–20 рублей, но при этом были повышены предельно допустимые звания по должности для ряда сотрудников среднего звена. Тем не менее в последующие годы (до 1984 г.) наблюдались планомерное увеличение штатной численности подразделений, улучшение их материального обеспечения, повышение должностных окладов, надбавок, пенсий и иных социальных выплат [3].

Негативным фактором в ходе реформирования, по нашему мнению, стало повышение роли партийных органов в деятельности МВД. Для укрепления рядов во все ОВД были введены должности заместителей начальников по политико-воспитательной работе, а в аппарате УВД был

организован соответствующий отдел штатной численностью 12 сотрудников. Комплектовались эти должности, как правило, лицами из числа партийных функционеров, причем иногда ранее не имевших ни отношения к ОВД, ни соответствующего образования. Нередко ими являлись парторги какой-либо организации, предприятия или инструкторы райкомов, обкома КПСС и ВЛКСМ, ставшие неудобными вышестоящему руководству. Первое, что было организовано с их стороны, — соцсоревнования. Если до реформы материалы коллегий УВД отражали насущные проблемы состояния правопорядка по различным направлениям и выработку мер по их преодолению, то с 1969 г. — социалистические обязательства и ход их выполнения с раздачей переходящих вымпелов, премий и иных поощрений. Планы работ УВД и горрайорганов на год соответственно трансформировались в соцобязательства. Причем указанные документы являлись программными, принимались на коллегиях, объявлялись приказом начальника УВД и охватывали практически все сферы деятельности ОВД.

Анализируя же результаты противодействия преступности в иркутском регионе, необходимо отметить, что в постреформенный период, несмотря на предпринятые меры, количество зарегистрированных преступлений выросло с 12 441 в 1970 г. до 19 670 в 1980 г. [4].

Оценивая результаты проведения реформы МВД СССР, следует указать, что принятые Советским государством меры были направлены на улучшение материального обеспечения, повышение профессионального уровня сотрудников, престижа их службы, внедрение современных методов в раскрытие преступлений и повышение доверия граждан к правоохранительным органам. Однако негативные факторы, связанные с недостатками партийной номенклатуры того времени, в первую очередь формализм в решении поставленных целей, не позволили в целом реализовать главную задачу реформирования — снижение уровня преступности.

Список источников

1. Суходолов А. П. Историко-экономические и региональные аспекты размещения и развития промышленности Иркутской области // Иркутский Историко-Экономический Ежегодник. Иркутск, 2008.
2. URL://<https://irkutskstat.gks.ru/folder/28768> (дата обращения: 17.03.2021).
3. Архив ГУ МВД России по Иркутской области. Ф. 8.
4. Архив ГУ МВД России по Иркутской области. Ф. 14.

В. В. Кирюхин

Становление европейской полицейской системы: моделирование современного пространства внутренней безопасности

Одна из существенных причин, по которой люди заинтересованы в государстве, заключается в безопасности. Обеспечение внутренней безопасности в европейской культурной традиции уже на протяжении многих веков связывается с полицией.

Хрестоматийной считается версия, что слово «полиция» является заимствованием греческого слова πόλις и производных слов πολιτεία–πολιτική, которое транзитом через латинский язык (politeia) попало в европейское языковое пространство [1, с. 15].

В. Ф. Дерюжинский считал, что термины «police», «policite» впервые встречаются в законодательстве Карла VI в 1399 г. [2, с. 4], немецкий исследователь А. Исели называет 1360 г. годом появления во Франции термина «policié» [3].

С высокой долей вероятности появление во французском языке слова «полиция» стало возможным благодаря переводу латинской версии «Политики» Аристотеля оригинальным мыслителем, философом, королевским советником Карла V (1364–1380) Н. Оресме. Пролог, сделанный им в переводе «Политики», довольно своеобразен и примечателен: «Политика — это искусство и наука управлять королевствами, городами и общинами. И для этой науки не найдется книг более разумных, искусных и тщательно составленных, чем книги Аристотеля. Политика — это наука, с помощью которой можно упорядочить и усовершенствовать царства, города и всевозможные общины, поддерживать их в хорошем состоянии и реформировать, если это необходимо» [4].

Систематизация переводов на французский язык философских, политических, богословских текстов явилась подлинным стимулом политического сознания, поскольку включала формулирование на французском языке новых понятий, которые ранее были неразрывно связаны либо с античной философией, либо с теологией.

Однако до XVII в. с морфологическими вариантами «policié», «pollicié» традиция, прежде всего, связывала все государственные дела, всю светскую деятельность (res politicae), а после реформации и церковные дела (res ecclesiasticae).

В эпоху Нового времени усилия королевской власти европейских государств по административной централизации достигают своего апогея.

Стремление к абсолютизму опиралось на профессиональную бюрократию, вооруженные силы, систематизированное законодательство; поддерживалось соответствующей идеологией; обуславливало создание полицейских формирований для обеспечения внутренней безопасности.

Во Франции комиссия под председательством канцлера П. Сегье разработала эдикт «*Édit de création de l'office de la Lieutenant de Police de Paris*» [5, с. 147–148], который обрел законную силу 15 марта 1667 г. Эдиктом учреждалась новая государственная должность — лейтенант полиции, к которой в 1674 г. добавляется приставка генерал (*general*), а термин «полиция» обретает современное звучание. Он стал применяться для обозначения учреждения, институционализировавшего полицейские (управленческие) функции, финансируемые государственной казной. Иначе говоря, функции надзора за общественным пространством существовали до названных полицейских учреждений в качестве делегированных полномочий различным профессиональным или городским корпорациям (например, нидерландским шуттериям, запечатленным на полотнах великих фламандцев Ф. Халса «Дурная компания» и Рембрандта «Ночной дозор»).

Таким образом, полиция превратилась в самостоятельный и специализированный орган, сокращая непрофессиональные методы обеспечения внутренней безопасности.

Помимо лейтенанта полиции в Париже в 1667 г., еще несколько европейских городов создали постоянные и оплачиваемые должности, отвечающие за надзор в урбанистическом пространстве (Санкт-Петербург в 1718 г., Марсель в 1749 г., Гант в 1752 г. и др.).

Современная форма полицейских правоохранительных органов была реализована в 1829 г. Р. Пилом, сформировавшим полицейскую службу, территориальные полицейские силы, ответственные за обеспечение правопорядка в Большом Лондоне (*Metropolitan Police Service*).

Закон о столичной полиции 1829 г. вводил принципы централизации, государственного контроля, превенции, профессионализма и оплаты.

Принцип централизации предполагал создание новой системы управления городов на основе единого управления под руководством министра внутренних дел, магистратов. Большая часть полицейского законодательства раннего периода была неэффективна, потому что оно не обеспечивало какого-либо источника централизованного контроля, а конечным контролем всегда был отдельный приход или округ.

Принцип государственного контроля устанавливал контроль за поддержанием порядка при проведении общественных работ, соблюдением

санитарных норм владельцами земель, фабрик, допуская вмешательство в частное производство и коммерцию в целях устранения проблем, представляющих угрозу населению.

Принцип превенции предусматривал предотвращение преступности, а также антисанитарии, бродяжничества, что в итоге вело к сбережению населения.

Принцип оплаты работы служащих вводил еженедельную зарплату.

Принцип профессионализма исходил из необходимости заменить устаревшую приходскую систему управления и охраны общественного порядка, ввести специальных служащих, имеющих определенный опыт и общественное признание.

Столичная полиция Лондона стала образцом не только для последующей реформы национальной Британской полиции, но и полиции современного типа на всем европейском пространстве.

Создание институционального образования в XVII в. в виде службы полиции в Париже во главе с начальником (*lieutenant-general de la police*) вдохновило многих европейских монархов, в том числе Петра I, на создание полицейских формирований в своих государствах как практических безальтернативных сил по поддержанию внутреннего порядка.

Значение реформы британской полиции Р. Пила 1829 г. вышло далеко за пределы Лондона, и она явила собой образец для последующей реформы законодательства и организации национальной полиции европейских государств. Его реформа показала, что эффективная полиция может значительно уменьшить использование войск против гражданских лиц; что она может защитить жизнь, собственность и может быть совместима с конституционными концепциями свободы.

Многовековые «партнеры» Британии на том берегу Ла-Манша признали эффективность английского эксперимента, и в 1854 г. Наполеон III ввел лондонскую модель полиции во французской столице.

На протяжении всей истории государственная деятельность полиции сужалась до той, которую мы сегодня называем правоохранительной. В области верховенства права полиция, конечно, не отказывается от своих резервов власти: вместо этого она переживает новый этап перераспределения своих полномочий и стратегических целей. Тот факт, что религиозная жизнь, производство и обмен товаров, призрение нищих уже практически не контролируются полицией, не означает, что наследие полицейского права осталось прошлым в других областях. И казалось бы, что борьба с эпидемиями (чума, холера) — это тоже перевер-

нутая страница полицейской истории, но жизнь диктует свои правила и оказывается, что деятельность полиции в условиях новой пандемии явилась весьма эффективным инструментом обеспечения санитарной безопасности.

Список источников

1. Кильдюшов О. В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и политической практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 3.
2. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право : пособие для студентов. Изд. 2-е, доп. СПб., 1908.
3. Iseli A. Gute Policey. Öffentliche Ordnung in der Frühen Neuzeit. Stuttgart, 2009.
4. Autrand F. Charles V le Sage. Paris, 1994.
5. Édit de création de l'office de la Lieutenant de Police de Paris (15 mars 1667) // Delamare N. La Traité de la police, ou l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prerogatives de ses magistrats toutes les loix et tous les reglemens qui la concernent ... Paris, 1722.

Е. Н. Козинникова

«Положение чрезвычайной охраны» как форма чрезвычайного правового режима в Российской империи в конце XIX — начале XX веков

Период конца XIX — начала XX вв. ознаменовался действием на территории Российской империи режима исключительного положения, который историко-правовая наука характеризует как чрезвычайный правовой режим. Его введение было обусловлено социально-политическими факторами, негативное проявление которых к 70–80 гг. XIX в. достигло крайней формы — разраставшееся революционное движение перешло к решительным действиям: совершению террористических актов, убийствам высших государственных чинов, требованиям радикальной смены формы правления в сторону конституционной монархии [1, с. 32–37].

Убийство террористами императора Александра II 1 марта 1881 г. убедило, что регулировать общественные отношения в обычном порядке «ординарной» системой норм и правил в сложившейся ситуации неэффективно.

14 августа 1881 г. Александр III утверждает «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [2, с. 283–284], а уже 4 сентября на территории государства начинает действовать режим исключительного положения [3, с. 261–266].

Названным документом предполагалось введение на территории Российской империи режима *исключительного положения* — особого правового режима, носившего строго временный характер, предполагавшего расширение дискретных полномочий административных властей и в некоторой части ограничение правового статуса подданных. Исключительное положение имело две формы: *режим усиленной охраны*, *режим чрезвычайной охраны*. Выбор формы исключительного положения зависел от степени сложности и опасности социально-политической ситуации в конкретной местности.

Для введения *режима усиленной охраны* достаточным было наличие «преступных посягательств против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ» [3, с. 261–266]. При наличии таковых генерал-губернатор по согласованию с министром внутренних дел мог объявить подвластную ему территорию в состоянии усиленной охраны.

Срок непрерывного действия положения усиленной охраны составлял один год, после этого оно требовало продления либо полной отмены с прекращением действия временных актов, изданных в период его действия.

При объявлении местности в состоянии усиленной охраны административная власть получала особые права по наведению порядка на подчиненной ей территории: губернаторы могли «издавать обязательные постановления» и даже самостоятельно устанавливать за их нарушения взыскания, «не превышающие трехмесячного ареста или денежного штрафа в 500 рублей» [3, с. 261–266] (что фактически означало наделение их правом чрезвычайного нормотворчества); разрешать в административном порядке дела о нарушениях изданных ими постановлений; запрещать любые собрания (народные, общественные и частные); закрывать на определенный срок любые торговые и промышленные предприятия; запрещать отдельным личностям пребывание на территории, находящейся в состоянии усиленной охраны, с возможностью их высылки и т. д. [3, с. 261–266]. Местные начальники полиции и жандармских управлений получили право осуществлять предварительное задержание на срок до двух недель лиц, «внушающих основательное подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним, а равно

в принадлежности к противозаконным сообществам», а также производить в любое время обыски «во всех без исключения» помещениях, накладывать арест «на всякого рода имущество» (ст. 21) [3, с. 261–266].

Положение усиленной охраны, впервые объявленное 4 сентября 1881 г. сразу в нескольких крупных губерниях, уездах и градоначальствах [2, с. 283–284], ежегодно расширяло сферу действия и продлевалось вплоть до 1917 г., в то время как положение *чрезвычайной охраны* впервые было объявлено лишь в 1905 г. [4, с. 283–284].

Дело в том, что действие режима чрезвычайной охраны предполагало еще большее расширение полномочий административных властей, в связи с этим и процедура его объявления была чрезвычайно сложной: министр внутренних дел обращался с представлением в Комитет министров, который должен был выпустить по этому поводу особое положение, требующее утверждения императора.

Срок, на который могло быть объявлено положение чрезвычайной охраны, не должен был превышать 6 месяцев.

Введение в местности состояния чрезвычайной охраны позволяло властям, по сути, полностью обходить судебный порядок рассмотрения дел, а также игнорировать большинство гражданских прав и свобод, которые имелись у населения на тот момент. Идейным обоснованием такой политики являлась доктрина «*raison d'état*», в соответствии с которой государственная необходимость ставилась выше индивидуальной свободы: если в нормальных условиях государственной и общественной жизни государство признавало и гарантировало индивидуальную свободу, то в условиях чрезвычайных оно жертвовало ею ради интересов безопасности и существования государства.

В местностях, объявленных в положении чрезвычайной охраны, генерал-губернаторы приобретали статус главноначальствующих. Им предоставлялось право: налагать секвестр на недвижимые и арест на движимые имущества и доходы с них; разрешать экстренные, приостанавливать и закрывать очередные собрания сословных, городских и земских учреждений и в каждом отдельном случае определять вопросы, подлежащие устранению из обсуждения данных собраний; приостанавливать периодические издания на все время объявленного чрезвычайного положения; закрывать учебные заведения на срок не более одного месяца; устранять от должности на время объявленного положения чрезвычайной охраны как чиновников всех ведомств (за исключением лиц, занимающих должности первых трех классов), так и лиц, служащих по выборам в сословных городских и земских учреждениях [3, с. 261–266].

За нарушение своих постановлений главноначальствующий имел право в административном порядке заключать лиц в тюрьму или крепость на три месяца, подвергать аресту на тот же срок, а также денежному штрафу до 3 тыс. рублей [3, с. 261–266].

Что же касается рассмотрения дел о преступлениях и проступках военным судом, то, в отличие от порядка, установленного положением усиленной охраны, при охране чрезвычайной главноначальствующему предоставлялось право изъятия из общей подсудности не отдельных конкретных дел, а определенных категорий преступлений и проступков, с передачей их к производству военного суда. Введение в местности состояния чрезвычайной охраны позволяло властям полностью обходить судебный порядок рассмотрения дел.

В 1905–1907 гг. положение чрезвычайной охраны было введено в Петербургской, Московской, Харьковской, Киевской губерниях, а также в Одесском и Николаевском градоначальствах.

Несмотря на то что положение чрезвычайной охраны предполагало гораздо более жесткие меры, введение данного режима не смогло стабилизировать социально-политическую обстановку в Российской империи и предотвратить изменение государственного строя революционным путем. Исключительное положение как чрезвычайный правовой режим в Российской империи не достигло своей главной цели — не устранило угроз безопасности государственному строю, не предотвратило революций.

Исследуя институт чрезвычайного положения в дореволюционной России как исключительную правовую меру в единой системе мер обеспечения безопасности государства, следует обратить внимание на то, что длительное использование исключительного режима как способа нейтрализации экстремальной общественно-политической ситуации и средства политической профилактики эффективным не является. Широкий круг чрезвычайных полномочий местных администраций, обусловленный заботой о выживании государства, при длительном использовании превращает институт исключительного положения в репрессивный инструмент политической власти и негативно влияет на социально-политическую обстановку в стране.

Список источников

1. Козинникова Е. Н. Чрезвычайный правовой режим исключительного положения: нормативные основы введения в имперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4(76).

2. *Именной*, данный Сенату, высочайший указ «Об издании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны» от 4 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. I, ст. 383.

3. *Высочайше* утвержденное «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. I, ст. 350.

4. *Именной* Высочайший указ, данный Сенату от 14 декабря 1905 г. «О правилах чрезвычайной охраны на железных дорогах» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 25. Ч. 1. Ст. 27043.

О. А. Кожевников

Конституционно-правовые аспекты обеспечения сотрудниками полиции правопорядка во время проведения публичных мероприятий

Современный этап общественного развития Российского государства и общества характеризуется значительным увеличением числа проявлений общественной активности населения, направленных на удовлетворение политических, культурных, коммуникативных и иных потребностей граждан и их объединений. Одной из самых распространенных форм такой активности в последнее время является организация и проведение различных массовых публичных мероприятий. Обеспечение правопорядка сотрудниками правоохранительных органов при проведении публичных мероприятий уже длительное время находится в фокусе научных исследований [1–4], однако актуальность данных вопросов с течением времени не утихает.

Статья 31 Конституции РФ гарантирует право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Указанная гарантия является одним из основополагающих и неотъемлемых элементов правового статуса личности в России, что подтверждено целым рядом решений Конституционного Суда РФ [5–10]. Во взаимосвязи с иными конституционными правами и свободами, обозначенными в Конституции РФ, право на публичные мероприятия обеспечивает гражданам реальную возможность оказывать влияние на деятельность органов государственной власти и мест-

ного самоуправления путем поддержания диалога между различными институтами гражданского общества и государством. Важно отметить, что содержание права на проведение публичных мероприятий не исключает их протестного характера, в том числе и в виде критики как отдельных действий и решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и проводимой государственной политики в целом.

Данные обстоятельства должны учитываться и ориентировать представителей публичной власти и их реакцию при организации и проведении публичных мероприятий. Нет сомнений, что преимущественно реакция органов публичной власти должна быть нейтральной, независимо от политических, культурных и иных взглядов их инициаторов и участников. Полагаем, что именно такой подход представителей публичной власти к вопросам организации и проведения публичных мероприятий во-многом способствует поддержанию взаимного доверия государства и общества друг к другу, а также соблюдению баланса частных и публичных интересов граждан и властей.

Вместе с тем соблюдение терпимости и нейтральности властей не означает, что они должны быть лишь простыми наблюдателями и не иметь действенных механизмов и рычагов воздействия в случае злоупотребления гражданами своими конституционными правами, в том числе и правом на проведение и участие в публичных мероприятиях. Очевидно, что любая форма публичного мероприятия связана с серьезными рисками (скопление большого количества людей в определенном месте, возникновение конфликтных ситуаций, в том числе по не зависящим от организаторов и участников обстоятельствам), которые следует, прежде всего, нивелировать профилактическими мерами. Поэтому очень важно, чтобы сами граждане не забывали о конституционном запрете осуществлять права и свободы человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц, а уполномоченные представители властей не уходили от исполнения своей конституционной обязанности по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина и своевременно, на законных основаниях использовали все предусмотренные законодательством РФ средства для предотвращения любых акций (действий), не отвечающих конституционной природе права на мирные собрания.

Взаимная ответственность по обеспечению конституционной основы проведения мирных публичных мероприятий закреплена в нормах Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Так, с одной стороны,

регламентирована обязанность подачи организатором публичного мероприятия уведомления о его проведении в целях заблаговременного доведения до уполномоченных органов государственной власти и местного самоуправления необходимой информации о форме, месте (маршруте движения), времени начала и окончания публичного мероприятия, предполагаемом количестве участников, способах обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, а также об организаторах и лицах, уполномоченных выполнять распорядительные функции по организации и проведению публичного мероприятия. С другой стороны, на органы публичной власти также возложены обязанности, исходя из достоверных данных о планируемом публичном мероприятии, его характере и масштабах, обеспечить соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, принять все необходимые меры, в том числе профилактического и организационного характера, направленные на обеспечение безопасности как самих участников публичного мероприятия, так и иных лиц.

Особая роль по обеспечению надлежащих условий для организации и проведения гражданами публичных мероприятий, защите прав, свобод, безопасности граждан и общественного порядка при их проведении возложена на органы внутренних дел, включая полицию.

Общие правовые ориентиры участия сотрудников ОВД в обеспечении правопорядка при проведении публичных мероприятий установлены Законом о полиции. Так, согласно чч. 4 и 5 ст. 5, ч. 2 ст. 9 Закона о полиции действия сотрудников полиции должны быть обоснованными и понятными для граждан; при обращении к гражданину, в том числе проводящему одиночное пикетирование, сотрудник полиции обязан: назвать свои должность, звание, фамилию, предъявить по требованию гражданина служебное удостоверение, после чего сообщить причину и цель обращения; в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъяснить ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина; сотрудник полиции в случае обращения к нему гражданина обязан назвать свои должность, звание, фамилию, внимательно его выслушать, принять соответствующие меры в пределах своих полномочий либо разъяснить, в чью компетенцию входит решение поставленного вопроса.

В рамках возложенной обязанности по защите прав граждан и обеспечению законности при проведении публичных мероприятий ч. 1 ст. 12 указанного закона на полицию возложены обязанности по неза-

медлительному прибытию на место совершения преступления, административного правонарушения, происшествия; пресечению противоправных деяний, устранению угрозы безопасности граждан и общественной безопасности, документированию обстоятельств совершения преступления, административного правонарушения, обстоятельств происшествия и т. д.; совместно с представителями органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и организаторами публичных мероприятий сотрудники полиции обязаны обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок в ходе проведения указанных мероприятий.

Названные обязанности в системе российского законодательства сопровождаются предоставлением сотрудникам полиции целого ряда прав, в числе которых и право доставлять граждан в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом. В силу положений КоАП РФ гражданин может быть подвергнут сотрудниками полиции мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении в виде доставления для составления протокола об административном правонарушении и (или) административного задержания в исключительных случаях, если без применения указанных мер невозможно выявление совершенного административного правонарушения, установление личности нарушителя, правильное и своевременное рассмотрение дела об административном правонарушении и исполнение принятого по его результатам постановления.

Следует отметить, что вся деятельность полиции во время проведения массовых публичных мероприятий должна быть направлена на надлежащую защиту организаторов и участников мирных публичных мероприятий от возможных неправомерных действий любых лиц, пытающихся оказать на них давление, затруднить или сорвать мероприятие. Указанная цель находится в полном соответствии с руководящими принципами по свободе мирных собраний, принятыми Венецианской комиссией на 83-м пленарном заседании (Венеция, 4 июня 2010 г.). В документе особо отмечено, что действия по охране порядка при проведении собраний должны соответствовать принципам прав человека — законности, необходимости, соразмерности и недискриминации, а также действующим нормам в области прав человека. В частности,

государство имеет позитивную обязанность принимать необходимые разумные меры, позволяющие проводить мирные собрания без опасений, что их участники могут подвергнуться физическому насилию; сотрудники правоохранительных органов должны также защищать участников мирного собрания от любого лица или группы лиц (в том числе от агентов-provokаторов и несогласных с демонстрантами), которые пытаются каким-либо способом сорвать данное собрание или затруднить его проведение; задержание следует применять только в наиболее сложных ситуациях, когда неприменение этой меры может привести к совершению тяжких уголовных преступлений (п. 5.3 раздела А, п. 108 раздела В).

Перечисленные права и обязанности сотрудников полиции в совокупности с положениями международно-правовых актов, решений Конституционного Суда РФ подразумевают, что применение сотрудниками полиции мер принуждения к участникам мирных публичных мероприятий может происходить только в целях их защиты от непосредственной угрозы их жизни и здоровью в случае, если они не способны позаботиться о себе самостоятельно либо если опасности участникам публичного мероприятия и иным лицам невозможно избежать иными способами. Вмешательство в нормальный ход публичного мероприятия со стороны уполномоченного представителя ОВД не может и не должно быть произвольным, а должно учитывать соразмерность применяемого объема ограничений прав участников мероприятия с действительной необходимостью, диктуемой имеющимися обстоятельствами, возможностью практического достижения цели, ради которой избирается соответствующая мера воздействия, с соблюдением разумных пределов продолжительности ее применения. Иное понимание роли и места сотрудника полиции в обеспечении правопорядка при проведении публичного мероприятия, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ своих решениях, может быть истолковано как произвольное применение мер принуждения по отношению к организаторам и участникам публичных мероприятий, особенно в тех случаях, когда их результатом оказывается фактическое приостановление или даже прекращение публичного мероприятия, что нарушает конституционное право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование, предусмотренные ст. 31 Конституции РФ.

Стоит подчеркнуть, что в указанных оценках с Конституционным Судом РФ солидарен и Верховный Суд РФ, который в целях обеспечения единства судебной практики применения законодательства о публичных

мероприятиях в постановлении Пленума от 26 июня 2018 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» разъяснил судам общей юрисдикции свою позицию, а именно: «Вмешательство органа публичной власти в право проведения мирных публичных мероприятий должно основываться на законе, быть необходимым и соразмерным преследуемой этим органом правомерной цели. В каждом конкретном случае суду надлежит исследовать все выдвигаемые органом публичной власти доводы и представленные им доказательства, а также оценивать их на предмет наличия относимых и достаточных оснований для осуществленного вмешательства».

Несмотря на негативную реакцию в последнее время на деятельность Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), все же хочется вспомнить и его позицию о роли органов публичной власти в обеспечении права на публичные мероприятия и правопорядка при их проведении. ЕСПЧ в своих решениях неоднократно указывал, что государство должно воздерживаться от применения произвольных мер, могущих нарушить право на мирные публичные акции, и оно не обладает полной свободой действий даже в случае нарушения их участниками установленных правил проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования [11; 12]. Публичные власти должны проявлять определенную толерантность по отношению к мирным собраниям даже тогда, когда они могут вызвать некоторое нарушение обыденной жизни, включая помехи уличному движению, поскольку иначе свобода собраний лишилась бы своего существа [13; 14].

Необходимо остановиться и на другой негативной тенденции реализации гражданами конституционного права на проведение публичных мероприятий. Это участвовавшие случаи применения насилия в отношении сотрудников полиции, обеспечивающих общественный порядок на подобных мероприятиях. Если становится нормой нападать на полицейских, то очевидно, что совершается не просто нападение на гражданина как такового, а на лицо, которому государство доверило защиту граждан. Опасность роста подобных преступлений состоит в том, что они подрывают конституционные основы государства, так как правоохранительные органы созданы для обеспечения именно государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим справедливо, что законодательство РФ также закрепляет повышенную ответственность лиц за применение

насилия в отношении сотрудника полиции как представителя власти. При этом, как указал Конституционный Суд РФ в своем определении от 28 мая 2020 г. № 1316-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подкопаева Ивана Романовича на нарушение его конституционных прав положением статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации», любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия. Соответственно, применение насилия в отношении полицейского как представителя власти в связи с исполнением им должностных обязанностей по охране общественного порядка при проведении массовых публичных мероприятий не может рассматриваться как допустимое проявление мирного собрания и противоречит самой сути права на мирные собрания.

В России еще продолжается период становления цивилизованных отношений между гражданами и представителями власти, в том числе и в форме различных проявлений общественной активности. Нам еще предстоит многое увидеть, преодолеть и узнать, но одно обстоятельство представляется крайне важным: только право, только четкое и неукоснительное соблюдение и гражданами, и представителями власти положений действующего законодательства в их конституционной интерпретации позволят нам не скатиться в пропасть революций, беспорядков и хаоса, а постепенно и уверенно идти к формированию цивилизационных основ взаимодействия граждан, общества и власти.

Список источников

1. *Кумышева М. К., Кодзокова Л. А.* Правовые основы деятельности ОВД при проведении массовых мероприятий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-deyatelnosti-ovd-pri-provedenii-massovyh-meropriyatiy> (дата обращения: 28.05.2021).

2. *Иванова С. И., Черкасова Е. К.* Правовые основания принятия решения о необходимости охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий силами сотрудников ОВД. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovaniya-prinyatiya-resheniya-o-neobhodimosti-ohrany-obshchestvennogo-poryadka-pri-provedenii-massovyh-meropriyatiy-silami> (дата обращения: 28.05.2021).

3. *Абазов И. С.* Особенности и специфика тактических действий подразделений ОВД при обеспечении охраны общественного порядка на массовых мероприятиях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-spetsifika-takticheskikh-deystviy-podrazdeleniy-ovd-pri-obespechenii-ohrany>

obschestvennogo-poryadka-na-massovyh (дата обращения: 28.05.2021).

4. Султанова Р. М., Чуманов Ю. В. Роль имиджа сотрудников полиции при обеспечении общественной безопасности во время массовых мероприятий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-imidzha-sotrudnikov-politsii-pri-obespechenii-obschestvennoy-bezopasnosti-vo-vremya-massovyh-meropriyatiy> (дата обращения: 28.05.2021).

5. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 18 мая 2012 г. № 12-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 4-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 17 марта 2017 г. № 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 33-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2020 г. № 27-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. *По делу «Примов и другие против России»* : постановление Европейского суда по правам человека от 12 июня 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. *По делу «Мучник и Мордовин против России»* : постановление Европейского суда по правам человека от 12 февраля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. *По делу «Акгел и Гел (AkgolandGol) против Турции»* : постановление Европейского суда по правам человека от 17 мая 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. *По делу «Берладир и другие против России»* : постановление Европейского суда по правам человека от 10 июля 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. В. Куянова

О системе и источниках полицейского права

Административно-правовые преобразования в сфере управления защитой безопасности и благополучия России характеризуются чрезвычайной напряженностью с учетом возрастающих угроз, опасностей и рисков, вызванных коронавирусной инфекцией и ее модификациями. Государство и общество могут обеспечить сохранение и наращивание благоприятных, безопасных условий жизнедеятельности на основе специально подготовленной, научно проработанной концепции, в которой в единое целое увязывались бы цели, ресурсы, средства, временные рамки и исполнители [1, с. 391]. Для решения данной задачи государственная власть проводит комплексную и последовательную политику. Силы безопасности — полиция и должностные лица органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций — призваны обеспечить соблюдение нового порядка и поэтому быстро становятся публичным лицом реакции государства на опасность распространения вируса.

С учетом этого действующая система полицейского права РФ, базирующаяся на предметном критерии распределения правовых норм (объекты полицейской защиты, субъекты, методы полицейской деятельности и др., а вслед за ними и источники полицейского права), на наших глазах претерпевает существенные изменения [2, с. 47]. Так, в экстремальных условиях пандемии полицейское право РФ переживает период переосмысления, обновления и пополнения понятийного аппарата.

Полицейское право — «регулятивно-охранительная система, обладающая реальной (закрепленной в действующем законодательстве и обеспеченной системой действенных гарантий) возможностью управлять действиями индивидуальных и коллективных субъектов права, согласовывающая противоречивые интересы личного, корпоративного и общесоциального характера, подчиняющая эти интересы единой воле государства посредством государственного принуждения» [3, с. 12]. Принуждение выступает либо в качестве стимула, обеспечивающего правомерное поведение субъектов административно-правовых отношений [4], либо в качестве меры административно-правовой ответственности за совершенный административный проступок [5].

Для норм полицейского права действует принцип обязывания — или обязательно действовать определенным образом, или обязательно не действовать определенным образом. Нормативность превращается в правильность, норма — в правило [6, с. 8–9; 7, с. 82–92]. При этом большинство норм полицейского права являются императивными, т. е.

определяют соответствующие правила поведения в административно-публичной сфере в виде категорических предписаний, отступление от которых не допускается [8].

Система современного полицейского права может быть представлена следующими группами норм:

- федеральные [9; 10], региональные [11];
- материальные [12; 13], процессуальные [5; 14–16];
- текущие [17], чрезвычайные [18].

Большая часть источников полицейского права является не законодательными актами, а подзаконными нормативными правовыми актами, издаваемыми (принимаемыми) административно-публичными органами. При этом именно данные источники права в основном и регламентируют компетенцию, формы, методы и процедуры властной деятельности административно-публичных органов. Примечательно, что система указанных органов и учреждений, их компетенция, организационно-правовые формы действующим законодательством до настоящего времени не определены [19, с. 22–25].

Кроме того, в соответствии с законодательством органы государственной власти субъектов РФ вправе принимать меры, ограничивающие передвижение лиц и транспортных средств, направленные на борьбу с пандемией, с учетом территориального и временного характера их действия, не допуская при этом несоразмерного ограничения конституционных прав и свобод граждан [20].

Уже наметились главные преимущества обновленной системы правового регулирования, которые проявляются:

- в направленности регулирования на повышение эффективности обеспечения защиты прав и законных интересов граждан;
- в ориентации на профилактику, а не на наказание*;
- в широком использовании IT-технологий [21; 22].

Таким образом, в рамках пандемии в РФ формируется современная, адекватная требованиям времени и технологическому развитию, эффективная система регулирования общественных отношений. Всем известно, что состояние правопорядка тесно связано не только с безусловной реализацией юридических норм, сколько с социальным эффектом правового регулирования. Надеемся, что новые правила соответствуют базовому принципу любой реформы, а именно: не усложнять жизнь, а упрощать ее.

* Закрепляется широкий набор таких методов, как информирование, выпуск руководств и рекомендаций по соблюдению обязательных требований, меры стимулирования добросовестности, объявление предостережения, осуществление консультирования и т. д.

Список источников

1. Позднякова Е. В. Социальная справедливость как один из механизмов антикризисного управления защитой конституционного строя, безопасности и благополучия России // Вопросы российского и международного права. 2019. № 4(1).

2. Бекетов О. И., Вакутин А. А., Дизер О. А. Теоретические основы формирования отрасли полицейского права : монография. Омск, 2019.

3. Мушкет И. И. Генезис «полицейского права» в контексте эволюции правовой системы России (историко-теоретический анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003.

4. Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации : постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 417. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Кононов П. И. Административное право России. М., 2009.

7. Малахов В. П. Единство и различие административного и полицейского права // Административное и муниципальное право. 2010. № 2.

8. Без маски. URL: https://itv55.ru/upload/iblock/5bf/CheTV_03.pdf (дата обращения: 26.05.2021).

9. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О внесении изменения в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих : постановление Правительства Российской Федерации от 31 января 2020 г. № 66. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Омской области : распоряжение Губернатора Омской области от 17 марта 2020 г. № 19-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. *О биологической безопасности Российской Федерации* : федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. *Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1*, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. *Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2*, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. *Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3*, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 февраля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. *О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показателям* : постановление главного государственного санитарного врача по Омской области от 4 июля 2021 г. № 65. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. *Ордина О. Н.* К вопросу об особенностях источников административного права // Административное право и процесс. 2020. № 8.

20. *О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера* : федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (п. 6 ст. 4.1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/39786/> (дата обращения: 26.05.2021).

22. URL: <https://news.mail.ru/card/298/> (дата обращения: 26.05.2021).

В. Ф. Луговик

Кодификация оперативно-розыскного права: иллюзия или реальность

В поиске новых подходов к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) мы обращаемся к опыту ряда направлений научного поиска. Нельзя сказать, что это устоявшаяся традиция оперативно-розыскной науки, развивавшейся длительное время, во-первых, в закрытом режиме, а во-вторых, в обособленном узко ведомственном формате. Устоявшиеся социально-научные концепции в этой сфере, рассматриваемые как традиционный, позитивный и оправданный подход, серьезно тормозят развитие научной мысли и продвижение новых идей.

Однако классический взгляд на перспективы правового регулирования ОРД в последние годы испытывает серьезное давление со стороны более прогрессивных концепций. Важную роль в этом сыграл ряд факторов:

- 1) принятие закона, регламентирующего ОРД, и развитие оперативно-розыскного законодательства;
- 2) возникновение и развитие концепции негласных (специальных) следственных действий и ее реализация в уголовно-процессуальном законодательстве ряда государств на постсоветском пространстве;
- 3) формирование межведомственной оперативно-розыскной науки и обсуждение проблем ОРД в открытом пространстве;
- 4) проникновение в российское законодательство и правоприменение международных конвенционных стандартов и соответствующих им правовых позиций соблюдения прав и свобод человека и гражданина при негласном правоприменении.

Все это объективно поставило под вопрос базовые постулаты оперативно-розыскной науки и практики относительно места и роли ОРД в системе правоохранительной деятельности, ее целей и задач, пределов негласности, применения реверсивной тактики, принуждения при негласном правоприменении, обеспечения законности, контроля и надзора за ОРД и др.

Бессмысленно отрицать, что российское оперативно-розыскное законодательство и, соответственно, правоприменение не согласуются с высокими стандартами обеспечения законности и ожиданиями общества. Достаточно вспомнить резонансные дела о нарушениях законности и провокациях в ходе осуществления ОРД. И было бы грубым упрощением возлагать ответственность за это исключительно

на правоприменителя и, в частности, на оперативные подразделения: в эту схему вовлекаются следователи, которые в большинстве случаев ясно осознают провокационный характер действий оперуполномоченных; прокуроры, осуществляющие надзор за ОРД и следствием, поддерживающие обвинение; а также судьи, постановляющие приговоры. Представляется, что проблема лежит в русле правового регулирования.

Поделимся сомнениями относительно достаточности правового регулирования ОРД, порождаемыми вопросом: может ли закон, содержащий чуть больше 20 статей (пятая часть которых, по нашему мнению, не являются «рабочими»), регламентировать огромную сферу правоохранительной деятельности и широчайший круг оперативно-розыскных и связанных с ними правоотношений? Даже с учетом разбросанности оперативно-розыскных норм по другим законам, косвенно регулирующим ОРД, положительный ответ дать затруднительно. Пробельность и недостатки правового регулирования ОРД не компенсируются разъяснениями Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) и толкованиями Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ). Более того, в ряде случаев правовые позиции высших судебных органов, ориентированные на позитивное разрешение неурегулированных либо спорно урегулированных ситуаций, не согласуются с буквальным толкованием закона.

В качестве иллюстрации приведем следующую ситуацию. Районный суд Н-ской области констатировал нарушение органами, осуществляющими ОРД, требований законодательства, касающихся мер по соблюдению прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, а также необоснованное накопление в массивах оперативных учетов персональных данных в связи с тем, что результаты прослушивания телефонных переговоров (фонограммы), хранились более шести месяцев с момента прекращения прослушивания без возбуждения уголовного дела и по истечении года были представлены следователю. По мнению суда, согласно ч. 7 ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) фонограммы и другие материалы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются в течение шести месяцев с момента прекращения прослушивания, о чем составляется соответствующий протокол. За три месяца до дня уничтожения материалов, отражающих результаты оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), проведенных на основании судебного решения, об этом

уведомляется соответствующий судья. Учитывая, что по данному уголовному делу эта норма не была соблюдена, суд признал нарушением хранение и последующее использование фонограмм.

Какова же позиция по этому вопросу высших судебных органов? Например, в одном из решений ВС РФ отмечается, что ссылка стороны защиты на недопустимость использования данных, полученных при прослушивании телефонных переговоров, ввиду нарушения ч. 7 ст. 5 Закона об ОРД, а именно по той причине, что они не были уничтожены в установленный срок, является несостоятельной. Тот факт, что они не были уничтожены в 6-месячный срок, не свидетельствует об их недопустимости, так как они были сохранены в интересах правосудия. Суд обоснованно признал результаты проведения этих ОРМ, а также заключения проведенных по ним экспертиз с использованием полученных в установленном порядке образцов голосов осужденных допустимыми доказательствами (апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 19 сентября 2018 г. № 49-АПУ18–9).

В определении от 28 февраля 2019 г. № 561-О КС РФ отмечает, что уничтожение фонограмм и других материалов, полученных в результате прослушивания телефонных и иных переговоров, без учета служебных интересов, направленных на достижение целей и задач оперативно-розыскной деятельности, а также интересов правосудия, связанных с необходимостью защиты прав и свобод человека и гражданина, делало бы бессмысленным проведение оперативно-розыскных мероприятий и противоречило бы публичным интересам, для защиты которых такая деятельность осуществляется (определения Конституционного Суда РФ от 28 января 2016 г. № 86-О, от 19 июля 2016 г. № 1671-О, от 5 июня 2018 г. № 1404-О). При этом сама по себе длительность хранения фонограмм телефонных переговоров, обусловленная необходимостью обеспечения служебных интересов и правосудия, не означает незаконности их получения, недостоверности содержащейся в них информации и невозможности использования в доказывании по уголовному делу, порядок которого, как и основания для возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела, для прекращения уголовного дела или уголовного преследования, устанавливается УПК РФ.

Полагаем, что чрезмерное присутствие высших судебных органов на поле толкования оперативно-розыскного закона свидетельствует о его системных недостатках, которых выявляется все больше, соответственно, ситуацию можно охарактеризовать как период нарастающего кризиса правового регулирования ОРД.

Из сказанного следует, что совершенствование правового регулирования ОРД — объективная необходимость. Какие здесь существуют риски?

1. Дальнейшее размывание предмета оперативно-розыскного права и насыщение одноименного законодательства лицензионно-разрешительными, допускными, контрразведывательными и иными нормами. Это современная и ярко проявляющаяся тенденция.

2. «Латание» оперативно-розыскного закона путем дополнения его нормами, исходя из сиюминутных интересов и потребностей.

3. Игнорирование недостатков правового регулирования ОРД и списывание проблем на правоприменителя (низкое правосознание, недостаточный профессионализм и др.).

Настало время, когда нужно отступить от «измельчения» правовой проблематики ОРД, забыть о частностях и деталях. Важно концептуально определиться, по какому пути пойдет правовое регулирование ОРД. К сожалению, российские правовые концепции регламентации ОРД не являются предметом интеллектуального экспорта даже на постсоветском пространстве.

На наш взгляд, специалисты в области оперативно-розыскного правоприменения именно в уголовно-правовой сфере не имеют какого-либо соприкосновения с законодательным процессом. В этом легко убедиться, проанализировав последние изменения, внесенные в Закон об ОРД. Кроме того, в настоящее время трудно говорить о какой-либо внятной научной концепции правового регулирования ОРД. Парадоксальность ситуации заключается в том, что совокупность взглядов на возможности и способы законодательного регулирования рассматриваемой деятельности стала обретать форму постфактум после опубликования Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» от 13 марта 1992 г. Принятию закона не предшествовало широкое научное обсуждение, можно даже сказать, что его появление, скорее, было неожиданным как для правоприменителя, так и для научной общественности. Но еще более внезапным было принятие Закона об ОРД. Соответственно, исследования в рамках nascore сформированных идей чаще всего направлены на обоснование и даже оправдание положений уже действующего закона.

Каковы же возможные направления правового регулирования ОРД?

I. В последнее десятилетие в научной литературе активно обсуждается проблема совершенствования досудебного следствия, в том числе и негласного расследования преступлений, а по существу все ярче про-

являющейся тенденции к «перемещению» в уголовно-процессуальное законодательство приемов и методов оперативно-розыскной деятельности. В ряде постсоветских республик ОРМ трансформированы в специальные (негласные) следственные действия. Дополнительный повод для дискуссии возник с принятием Казахстаном и Киргизской Республикой новых уголовно-процессуальных кодексов. В них заложены впечатляющие революционные идеи, меняющие устаревший и не отвечающий духу времени подход к доказыванию. Регламентация негласных следственных действий стала проявлением новой правовой идеологии и нового подхода к восприятию результатов негласной деятельности по борьбе с преступностью. Анализ УПК РФ показывает, что законодатель позитивно в самом широком формате воспринял доктрину негласности расследования и раскрытия преступлений. В частности, новый уголовно-процессуальный закон решает проблему одновременного использования в уголовном процессе данных, полученных процессуальным и оперативно-розыскным путем, что является актуальным и для российского уголовного судопроизводства.

II. Совершенствование и кодификация оперативно-розыскного права. Остановимся лишь на наиболее важных аспектах концепции оперативно-розыскного закона.

1. Предваряя разработку закона, важно определить правомерность регламентации ОРД не только в Законе об ОРД, но и в других федеральных законах. В настоящее время действует несколько десятков таких законов, и их количество продолжает увеличиваться. В теории права выделяется несколько способов систематизации законодательства, направленных на устранение пробельности и противоречивости нормативных актов: учет, инкорпорация, консолидация, кодификация. Одним из возможных путей устранения коллизионности в правовом регулировании деятельности по выявлению оперативно-розыскных данных может быть придание Закону об ОРД статуса кодифицирующего нормативного правового акта, т. е. кодекса, закона, обладающего приоритетом относительно других нормативных актов не по силе действия, а исключительно по предмету регулирования. Кодекс — это вид федерального закона. Так в чем же его преимущества и чем он может отличаться от иных федеральных законов? Дело в том, что кодификация предполагает такое упорядочение законодательства, которое направлено на его переработку посредством исключения противоречий, повторений, пробелов, преобразования его характера и направленности. С помощью этого достигаются внутренняя согласованность, системность и полнота правового регулирования соот-

ветствующих общественных отношений. Результатом кодификации является издание нового законодательного акта, который заменяет ранее действовавшие по данному вопросу нормативные акты и называется кодифицированным актом [1].

Практически во всех кодексах зафиксировано, что именно они регламентируют определенную группу правоотношений, а другие законы не могут им противоречить и регулировать данную сферу. Возможно, статус кодекса должен быть повышен, с тем чтобы его изменение или отмена были не простым заурядным событием.

2. Оперативно-розыскное законодательство необходимо освободить от избыточных норм, имеющих декларативный характер и не несущих правовой нагрузки. К ним можно отнести ст. 1 (понятие ОРД), ст. 2 (задачи ОРД) ныне действующего оперативно-розыскного закона. В то же время в законе надлежит по-новому подойти к формулированию принципов оперативно-розыскной деятельности, при этом следует учесть мировой опыт. В международном праве принципы уже давно приобрели статус стержневых правовых положений.

3. В закон целесообразно включить статью «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе». В ней необходимо пояснить ключевые термины, которые можно и нужно наполнить правовым смыслом в отдельной дефиниции.

4. На законодательном уровне следует определить оперативно-розыскную компетенцию органов, подразделений и должностных лиц, осуществляющих данную деятельность.

5. В оперативно-розыском кодексе нужно отказаться от статьи, в которой дается перечень оперативно-розыскных мероприятий. Полагаем, некоторым мероприятиям целесообразно посвятить отдельную статью (статьи), где закрепить процедуру их проведения, другие прописать в статье «Права оперативных подразделений» (например, вместо ОРМ «наведение справок» — право на истребование (получение) информации).

6. В законе следует четко и полно регламентировать контроль и надзор за оперативно-розыскной деятельностью.

7. Предусмотреть принудительные меры обеспечения оперативно-розыскного производства: 1) доставление; 2) задержание; 3) личный допрос; 4) изъятие; 5) приведение в негодность или уничтожение документов, предметов, материалов, веществ; 6) ограничение использования сетей связи и средств связи; 7) приостановление услуг связи.

8. Законодательно закрепить, что оперативно-розыскное производство осуществляется только по проверочным материалам и оперативным

делам, заводимым как в отношении лиц, так и по фактам. Таким образом, оперативно-розыскные органы смогут заводить лишь один вид дела оперативного учета — оперативное дело, что позволит снизить количество заводимых дел и уменьшить объем ненужного бюрократического бумаготворчества.

Список источников

1. *О состоянии законодательства в Российской Федерации. Мониторинг правового обеспечения основных направлений внутренней и внешней политики : доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 г.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

К. С. Насуев

Проблемы реформирования органов внутренних дел Республики Беларусь (1991–2007)

Одной из актуальных научных проблем является осмысление процесса совершенствования институциональных основ выполнения правоохранительной функции, в том числе коренного изменения системы органов внутренних дел властными структурами в постсоветских государствах. Единая для бывших советских республик организационно-правовая модель органов внутренних дел подверглась изменениям разной степени глубины и интенсивности. Представляется, что пришло время для сопоставления полученных результатов, выявления как позитивного, так и негативного опыта ее реформирования в целях приведения в соответствие с потребностями общества и государства. Необходимо отметить, что в СССР сложилась модель системы ОВД с определенными характеристиками, она была многофункциональной, а значит, обладающей сложной структурой (централизованной, закрытой, политизированной и военизированной). Еще в перестроечный период было положено начало трансформации этой модели, однако только в 1990-е гг. этот процесс был активизирован глубокими социально-политическими переменами в обществе, сущность которых состоит в переходе от тоталитарной власти к демократически организованной, от неправового государства — к правовому. Кроме того, необходимость организационно-правовых изменений была вызвана становлением суверенных государств вместо единого прежде СССР [1, с. 201].

27 июля 1991 г. была принята Декларация о государственном суверенитете Белорусской ССР. Особое место в развитии национальной государ-

ственности занимает принятый 27 февраля 1991 г. Закон «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь», согласно которому в случае отсутствия соответствующих актов законодательства Республики Беларусь (далее — РБ) до их принятия на территории страны действует законодательство СССР [2, с. 20, 29].

Формирование правовых основ деятельности белорусской милиции происходило еще на фоне общероссийских процессов. Так, национальным законом, регулирующим деятельность органов внутренних дел РБ, стал закон «О милиции», принятый Верховным Советом БССР 26 февраля 1991 г. [3]. За его основу были взяты идеи, заложенные в российском законе «О милиции», принятом Верховным Советом РСФСР в апреле 1991 г. [4]. Однако между ними были существенные различия как в перечне принципов деятельности милиции, так и в ее структуре.

В августе 1991 г. вступил в силу закон «О некоторых изменениях в системе органов государственного управления Белорусской ССР» [5], в соответствии с которым МВД БССР приобрело новый статус. Оно трансформировалось из союзно-республиканского в республиканский орган управления с переподчинением всех органов внутренних дел СССР на территории Беларуси. Вслед за этим Президиум Верховного Совета РБ утвердил текст Присяги рядового и начальствующего состава ОВД и Дисциплинарный устав ОВД. Затем было разработано и утверждено Положение «О прохождении службы личным составом органов внутренних дел» и ряд других документов, заложивших фундамент современной системы органов внутренних дел [6, с. 43].

После провозглашения суверенитета Республики Беларусь 19 сентября 1991 г. для определения перспектив развития законодательной, исполнительной и судебной власти появились различного рода концепции в качестве планов стратегического развития, в числе которых — Концепция судебно-правовой реформы, принятая Верховным Советом РБ 23 апреля 1992 г. [7]. Седьмой раздел был посвящен органам внутренних дел и государственной безопасности, поскольку преобразование судебной системы мыслилось лишь в контексте реформы всей правоохранительной системы. В этом разделе раскрывалось состояние ОВД: «В условиях резкого ухудшения криминогенной обстановки органы внутренних дел не в состоянии в полной мере обеспечить надежную охрану прав и свобод граждан... охрану общественного порядка». Согласно тексту Концепции средством решения проблемы виделось сужение предмета ведения МВД, освобождение его «от несвойственных ему функций», а именно: предварительного следствия; экспертно-криминалистических

исследований; исправления и перевоспитания осужденных; надзора за лицами, осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы; паспортизации населения; регистрации въезда и выезда граждан; охраны объектов и имущества (вневедомственной охраны); обеспечения пожарной безопасности. Подобную трансформацию пережила и система МВД России. В результате уже к началу 2000-х гг. ОВД и их центральный аппарат, оставаясь важным ведомством, утратили свое ключевое значение в государстве. В целом это соответствовало процессам дифференциации и специализации звеньев государственного аппарата, протекающим в современных демократических государствах. Между тем развитие системы ОВД РБ пошло иным путем. Негативно оценивая отказ от реструктуризации органов внутренних дел, В. Н. Бибило объясняет его «выжидательной позицией органов политической власти, имитирующих реформы» [8, с. 200–209]. С. А. Трахимёнок, напротив, поддерживает сохранение советской модели, полагая, что «аргументов у сторонников дальнейшей реструктуризации МВД по данным видам деятельности не было, да и в настоящее время они не появились» [9].

В 1994 г. РБ приняла Конституцию, был введен институт президентства. В соответствии с Основным законом РБ было разработано новое Положение о Министерстве внутренних дел, подчиненном непосредственно Президенту [10]. В 2007 г. был принят Закон «Об органах внутренних дел» [11], направленный на комплексное совершенствование механизма правового регулирования деятельности ОВД. Он определил систему ОВД, правовые и организационные основы ее деятельности, установил обязанности и права ОВД и их сотрудников, гарантии правовой и социальной защиты сотрудников. Впервые в этом законе органы внутренних дел были определены как «государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с возложенными задачами» [12, с. 40].

Список источников

1. Андреева И. А., Зайцева Е. С. История органов внутренних дел России. Омск, 2017.
2. Василевич Г. А. 1991 год: хроника пикирующей страны. Минск, 1991.
3. О милиции : закон Республики Беларусь от 26 февраля 1991 г. № 637-XII. URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/199/2131 (дата обращения: 08.04.2021).
4. О милиции : закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *О некоторых* изменениях в системе органов государственного управления Республики Беларусь : закон Республики Беларусь от 25 августа 1991 г. № 1015-XII. URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/1994/2107 (дата обращения: 08.04.2021).

6. Григорьев А. В. Современная система и функции органов внутренних дел Республики Беларусь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 2.

7. *О Концепции* судебно-правовой реформы : постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-XII. URL: <https://belzakon.net> (дата обращения: 09.04.2021).

8. Бибило В. Н. Перспективы развития судебной власти по Концепции судебно-правовой реформы Республики Беларусь. Минск, 2010.

9. Трахимёнок С. А. Принципы реформирования органов внутренних дел Беларуси в рамках концепции судебно-правовой реформы 1992 г.: история и современность // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2012. № 2.

10 *Положение* о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь : указ Президента Республики Беларусь от 25 августа 1998 г. № 419. URL:https://studopedia.ru/20_66763_o-ministerstve-vnutrennih-del-respubliki-belarus.html (дата обращения: 02.04.2021).

11. *Об органах* внутренних дел Республики Беларусь : закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=N10700263> (дата обращения: 09.04.2020).

12. *О некоторых* мерах по совершенствованию системы органов и подразделений внутренних дел Республики Беларусь : указ Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2003 г. № 603. URL: <https://www.mvd.gov.by/uploads/dgim/603.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).

Р. Р. Олейник

Деятельность органов внутренних дел по снижению уровня детской беспризорности и безнадзорности в послевоенные годы

Проблема детской беспризорности и безнадзорности остается актуальной темой исследований на протяжении многих лет. По данным МВД России, в 2019 г. было выявлено 75,5 тыс. беспризорных и безнадзорных детей, что на 6,8 тыс. больше, чем годом ранее [1]. Стоит отметить, что еще в марте 2017 г. Правительством РФ была утверждена

Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г. и составлен План мероприятий на 2017–2020 гг. по ее реализации [2]. В нашей стране накоплены как позитивные, так и негативные практические знания по ликвидации детской беспризорности, которые, несомненно, могут быть полезны и интересны.

Основной причиной детской беспризорности и безнадзорности нередко служили последствия войн и революций. Так, Великая Отечественная война породила ряд взаимосвязанных процессов, приведших к росту беспризорности, безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних. Потеря родителей в связи с массовой эвакуацией, гибелью на фронте, тяжелые материально-бытовые условия военного времени вынуждали детей вести бродяжнический образ жизни.

Только благодаря совместной работе государства, общественных организаций и обычных граждан можно было создать целостную систему борьбы с этим социальным явлением. Эффективное функционирование данной системы в дальнейшем способствовало не только сокращению числа беспризорных детей, но и улучшению их жизни.

Функции по подбору беспризорных детей с улиц возлагались на органы внутренних дел. Их силами в общественных местах (магазинах, столовых, рынках, парках, скверах и т. д.) проводились специальные рейды. Помощь сотрудникам милиции оказывали не только образовательные учреждения в лице учителей и старшеклассников, но и дворники, председатели уличных комитетов, сельские исполнители и различные общественные организации. Беспризорников чаще всего задерживали за несанкционированную торговлю на рынках, за несоблюдение предписаний общественного порядка, за нарушение правил дорожного движения.

В июле 1945 г. началась массовая амнистия заключенных, в том числе и из детских воспитательных трудовых колоний. Задачи по организации освобождения бывших воспитанников детских пенитенциарных учреждений и их дальнейшее устройство легли на плечи ОВД. Воспитанникам оказывалась помощь в установлении связи с родителями или с лицами, их заменявшими. При необходимости перед отправкой детей одевали по сезону, проверяли общее самочувствие и обеспечивали едой. Предпринятые меры должны были помочь несовершеннолетним адаптироваться в обществе.

Рост преступности среди несовершеннолетних в большинстве случаев был связан с недостаточностью внимания со стороны воспитателей

учреждений, отсутствием соответствующей профилактической работы среди подростков. В связи с этим с 1946 г. по 1947 г. МВД СССР обращало особое внимание на регулирование организационной работы в детских трудовых колониях [3, с. 114].

В 1947 г. прошла масштабная проверка детских колоний. В результате было установлено, что там не уделяют должного внимания для установления связей несовершеннолетних с родителями в воспитательных целях [4, с. 126]. В ряде колоний даже не было комнаты, оборудованной для свидания детей с родителями. Для решения данной проблемы МВД СССР издало специальную директиву, где были определены мероприятия по улучшению связи детских колоний МВД с родителями воспитанников.

Преступления на дорогах и водных путях сообщения предотвращались органами транспортной милиции, ими была организована работа по пресечению передвижения беспризорных и безнадзорных детей. Помощь в работе ОВД оказывало Министерство путей сообщения СССР.

Таким образом, в послевоенные годы деятельность ОВД по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью основывалась на нормативных документах, направленных на профилактику, надзор за асоциальными подростками, а также усиление уголовной ответственности несовершеннолетних и должностных лиц детских трудовых колоний, совершивших разного рода преступления.

Список источников

1. *Официальный сайт* Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 12.03.2021).

2. *Об утверждении* Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года (вместе с «Планом мероприятий на 2017 — 2020 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года») : распоряжение Правительства РФ от 22 марта 2017 г. № 520-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420395219> (дата обращения: 15.03.2021).

3. *Ермаков Е. Г.* Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1950 гг.): историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

4. *Дынько А. П.* Надзор за деятельностью администраций детских пенитенциарных учреждений в послевоенный период // Общество: политика, экономика, право. 2009. № 1–2.

И. А. Степанян

Полицейская система: подходы к определению сущностных характеристик в современной юридической науке

Проблема определения понятия «полицейская система» вызвала особый интерес в рамках проекта «Европейские полицейские системы» (2013–2016), в ходе которого осуществлялось компаративистское изучение деятельности полиции ведущих стран мира. Следует отметить, что данный период характеризуется активным становлением института полиции во многих странах, его обособлением от иных государственных институтов (армии, юстиции, национальной гвардии и т. д.). Само понятие «полицейская система» не было теоретически глубоко проработано, но использовалось в качестве инструмента сравнительного анализа для охвата разнообразных субъектов полицейской деятельности в странах Европы в XVIII–XIX вв., позволившего представить полицейскую деятельность как сложную совокупность социально-политических, социально-территориальных, профессиональных взаимоотношений [1, с. 308–310]. В рамках проекта понятие «полицейская система» рассматривалось в двух значениях:

- 1) в вертикальном — как иерархическая интеграция между различными полицейскими силами;
- 2) в горизонтальном — как связь и различные взаимодействия, существующие в пространстве между различными субъектами (будь то гражданские или военные, государственные или частные, профессиональные или непрофессиональные организации, вносящие свой вклад в деятельность полиции).

В современной литературе также можно встретить характеристику полицейской системы в этих двух значениях. При этом чаще всего преобладает традиционный взгляд на организацию полицейской системы. В нем преобладают вертикальные связи: иерархия, императивные правила и руководства, формальные информационные системы. Вместе с тем встречается взгляд на современную организацию полицейской системы — она предназначена для обучения и адаптации полицейских к новейшим условиям среды функционирования, при этом преобладают горизонтальная коммуникация и координация [2]. Такие организации имеют внутреннюю логику, которая основана на фиксированных связях между организационными единицами и функциями [3].

Вне всякого сомнения, органы полиции — государственный орган, наделенный мерами принуждения. Однако рассматривать принуждение (принудительный характер деятельности по обеспечению правопорядка)

как единственный сущностный признак применительно к органам внутренних дел полагаем ошибочным, поскольку это будет означать, что правопорядок обеспечивается исключительно принудительными методами, а осуществление полицейских функций — деятельность, связанная исключительно с применением силы, специальных средств, огнестрельного оружия, а также иных средств принуждения. Особенно это неприемлемо в отношении органов полиции стран Европейского союза — обеспечение общественной безопасности в этих странах имеет качественную особенность, которая не может не оказывать воздействия на существенные характеристики национальных органов полиции. Ее обеспечение рассматривается как комплексная политическая, социально-экономическая, правоохранительная и культурная проблема. В подобном значении полиция — это не столько орган государственной власти, сколько *субъект*, на который государством возложена основная ответственность за состояние и обеспечение общественной безопасности.

Список источников

1. Андреева И. А. Сравнительное изучение полицейских систем в европейской науке // Российская полиция: три века служения отечеству : мат-лы юбилейной междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию российской полиции / под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018.
2. Daft R. L. Organization Theory and Design (Tenth Edition ed.). Mason: Cengage Learning, 2009.
3. Fayol H. General and Industrial Management. New York: Pitman. 1949; Taylor F. W. Principles of scientific management. New York, London, Harper & Brothers, 1947.

В. И. Сургутсков

О законодательном определении понятия «правоохранительный орган»

Несмотря на широкое и повсеместное использование как в отечественном законодательстве, так и в юридической теории термина «правоохранительный орган», нормативное определение данного правового явления отсутствует.

Следует отметить, что в первоначальной редакции Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» в качестве разновидности государственной федеральной службы, наряду с военной, была предусмотрена правоохра-

нительная служба, под которой понималась профессиональная служебная деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина. В 2015 г. законодатель был вынужден отказаться от формулировки «правоохранительная служба» и определения, вложенного в ее понятие, и одновременно включил в Закон термин «государственная служба иных видов», не уточнив, о каких разновидностях государственной службы идет речь. Более того, в настоящий период в законодательстве одновременно используется и другой термин — «федеральная государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью» [1–4].

Введение в действие федеральных законов от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации „Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы“», от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» формально свело принятие единого для целого ряда органов государственной власти Закона о правоохранительной службе к нулевой отметке правовой необходимости.

Возникнув в 50-е гг. прошлого столетия, термин «правоохранительный орган» так и не обрел единого понимания, следовательно, не имеет легальной дефиниции. Возникает вполне резонный вопрос об объективной необходимости его дальнейшего использования. В настоящее время к правоохранительным можно причислять любые органы, целью деятельности которых выступает обеспечение законности в сфере публичного управления. Полагаем, что такой широкий подход в силу своей абстрактности и неопределенности не позволяет установить их индивидуальные сущностные характеристики, приводит к очевидному понятийному тупику. Задачи, стоящие перед этими органами, весьма неоднородны по содержанию. Предназначением одних выступают преимущественно противодействие преступности, охрана общественного порядка и общественной безопасности. Такие органы принято называть полицейскими, учитывая характер их

деятельности, обуславливающий возможность широкого применения мер непосредственного принуждения. Деятельность других органов в основном связана с выполнением контрольно-надзорных полномочий, преимущественно на плановой основе, и не предполагает активного использования административно-принудительных средств. Третьи осуществляют так называемые правозащитные функции, оказывая юридическую помощь гражданам в их взаимоотношениях с органами публичной власти, нередко в условиях возникшего конфликта между этими сторонами.

Считаем неверным утверждение, что с помощью простого сложения названных органов должна сформироваться система правоохранительных органов России. Эти органы не разновидности правоохранительных органов, а самостоятельные сложные правовые институты публичной власти и гражданского общества, которые вряд ли нуждаются в объединении путем сведения к единому знаменателю, общему родовому понятию.

Возможно предположить, что термин «правоохранительный орган» постепенно приобретает черты архаизма, однако пока еще не вытеснен из активного употребления ввиду недостаточной разработки современных понятий, обозначающих органы, которые призваны обеспечивать государственную и общественную безопасность, правопорядок, противодействие преступности, защиту прав и свобод граждан.

Список источников

1. *О наркотических средствах и психотропных веществах* (ст. 36.1) : федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *О государственной службе российского казачества* (ч. 3 ст. 5) : федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Об обращении лекарственных средств* (ч. 8 ст. 55) : федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. *О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей* (п. 5 ч. 1 ст. 4) : федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С. Н. Толстоба

Публично-правовая ответственность за ненадлежащее содержание дорог и дорожных сооружений по Соборному уложению 1649 г.

Рост аварийности как в нашей стране, так и в мире оборачивается трудновосполнимыми потерями в экономической, социальной и демографической сферах государства. В современной России перед руководством страны особенно остро стоит вопрос о дорожно-транспортных происшествиях, совершаемых в местах с неудовлетворительными дорожными условиями. Согласно статистике за 2020 г. на дорогах страны произошло 145 073 ДТП с пострадавшими, в 48 879 из них на месте происшествия зафиксированы нарушения обязательных требований к эксплуатационному состоянию автомобильных дорог и дорожных сооружений, что составило 33,7% от общего количества ДТП [1]. Высокая доля числа ДТП, происшедших по причине неудовлетворительных дорожных условий, говорит о важности проблемы и ее актуальности для исследования в аспекте применения мер административной ответственности за правонарушения, выявляемые подразделениями ГИБДД МВД России при осуществлении дорожного надзора.

На наш взгляд, необходимо обратиться к вопросу об истоках русского законодательства, касающегося обеспечения сохранности дорог и дорожных сооружений, начиная с первого печатного кодифицированного источника феодального права — Соборного уложения 1649 г. (далее — Уложение). Оно по праву считается памятником юридической мысли, в котором «в отношении охраны собственности, жизни и здоровья людей, государства и особы царя определены, обобщены и систематизированы правовые понятия, которых в такой степени обобщения и концентрации не было в предшествующем законодательстве» [2, с. 257]. Составители Уложения не знали и не употребляли понятий «преступление» или «проступок» (термины законодательства середины XIX в.), а наказуемые (казнимые) властью деяния формулировались ими, исходя из традиционных религиозных и моральных запретов, на основе сложившейся к тому времени практики судебных прецедентов, правовых казусов и обычаев [3, с. 32]. В связи с этим конкретные статьи профильных глав Уложения, по образному выражению исследователя этого памятника А. И. Ситниковой, представляли собой скорее правовые «сюжеты», чем привычные нам сегодня «составы» правонарушений [4, с. 26]. Так, Уложение можно считать первой в истории русского права серьезной попыткой объединения разрозненных норм о публично-правовой ответственности.

Рассматриваемому вопросу посвящена глава IX «О мытах, и о перевозех, и о мостах», которая содержит 20 статей. Большинство авторов видят в этой главе экономическую составляющую, иначе говоря, главное внимание уделяется проезжим пошлинам, «тем самым как бы объясняется, для чего были введены проезжие пошлины — для поддержания в порядке путей сообщения» [5, с. 68]. Не подвергая сомнению данную точку зрения, полагаем, что необходимо по-новому взглянуть на проблему содержания дорог и дорожных сооружений в Русском государстве в аспекте обеспечения безопасности дорожного движения и зарождающегося института ответственности за ненадлежащее содержание улично-дорожной сети.

В частности, статья 12 главы IX Уложения позволяет сделать вывод о существовании в Русском государстве урегулированных законом правоотношений в области безопасности дорожного движения в части содержания дорог и дорожных сооружений: «А будет кто помещик, или вотчинник в поместьях и в вотчинах своих учнут мыт и перевоз и мостовщину збирати, а мостов и гатей и плотин починивать не велят, а у проезжих служилых и у всяких людей будет в тех местах, где худые мосты и плотины и гати, учнут какие убытки чинитися... в тех местах потонут, или погрязнут лошади, или запасы... на тех помещиках и вотчинниках, у которых те худые мосты и плотины и гати будут, и велеть тем вотчинником, и помещиком в тех местах зделати мосты и гати и плотины новые, чтобы однолично у них на тех мостах и гатях впредь проезжим людям ни за чем простою и убытков не было» [6, с. 15–16]. На примере этой статьи мы видим взаимосвязь безопасности дорожного движения с экономической составляющей деятельности государства. Анализируя ее, можно смело говорить о том, что речь в ней идет о таких современных понятиях, как «дорожно-транспортное происшествие» и «ненадлежащее содержание дорожных сооружений». Иными словами, в ст. 12 определены требование к содержанию дорожных сооружений в безопасном для движения состоянии и меры ответственности за наступление общественно вредных последствий, что перекликается с современной ст. 12.34 КоАП РФ «Несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений». Ответственность по статье несли собственники дорожных сооружений, которые были указаны в законе. Возмещение ущерба пострадавшим производилось за счет виновника. В статье 13 также говорилось о содержании мостов, паромов и плотов, но уже принадлежащих государству. Ответственность же за причиненный ущерб

вследствие ненадлежащего содержания возлагалась на государевых людей («верные головы, целовальники, откупщики»), т. е. должностных лиц, осуществлявших сбор налогов и содержание дорожных сооружений. Статья 14 регламентировала ответственность за умышленное уничтожение или повреждение дорог путем «подтопления или распашки», однако ответственность за эти действия могла и не наступить, если землевладельцы за свой счет прокладывали новую дорогу, но обязательно с теми же техническими характеристиками, которыми обладала старая» [6, с. 16]. Аналогичную норму в современном КоАП РФ мы вряд ли найдем, однако иронизировать не стоит, так как ответственность за данный вид деяний действительно существует и поныне. Это статья 12.33 КоАП РФ «Повреждение дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений либо технических средств организации дорожного движения, которое создает угрозу безопасности дорожного движения, а равно умышленное создание помех в дорожном движении, в том числе путем загрязнения дорожного покрытия».

Таким образом, историко-правовой, а также сравнительный анализ Уложения позволяет сделать вывод о существовании в Русском государстве, начиная с середины XVII в., публично-правовой ответственности за ненадлежащее содержание дорог и дорожных сооружений. Нормы, содержащиеся в Уложении, явились первоисточником для дальнейшего развития института ответственности в области дорожного движения, в том числе касающиеся строительства, ремонта, эксплуатации и содержания улично-дорожной сети.

Список источников

1. *Показатели* состояния безопасности дорожного движения. URL: www.stat.gibdd.ru (дата обращения: 05.04.2021).
2. Маньков А. Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л., 1980.
3. Кирин А. В., Плигин В. Н., Агишева А. Г. [и др.]. Реформа административной ответственности в России : монография. М., 2018.
4. Ситникова А. И. Соборное уложение 1649 г. как законописный правовой памятник // История государства и права. 2010. № 22.
5. Петров Ю. И. Правовое обеспечение сохранности и благоустройства транспортных путей по Соборному уложению 1649 года // Транспортное право и безопасность. 2017. № 1.
6. Полное собрание законов Российской империи : [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 1. СПб., 1830–1851.

Э. Р. Чернова

Деятельность органов милиции по поддержанию паспортного режима в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны органы милиции уделяли повышенное внимание поддержанию паспортного режима в стране. Работа по функционированию паспортной системы велась на основании Положения о паспортах от 10 сентября 1940 г. [1].

Важным в годы войны стало обеспечение контроля, учета и регистрации эвакуированного населения. Все это вело к необходимости ужесточения паспортного режима. У эвакуированных из фронтовой полосы отсутствовали документы. В связи с этим был издан приказ НКВД СССР от 15 августа 1941 г. № 0370 «Об утверждении Положения о прописке эвакуированных», который регулировал выдачу лицам без документов специальных удостоверений, имевших юридическую силу только в местах выдачи [2, с. 252]. Эти меры способствовали эффективному учету граждан.

В связи с ростом дезертирства особо актуальным стал вопрос выдачи паспортов. Военнообязанные не получали временные удостоверения, поскольку это могло способствовать уклонению от призыва. Им было предписано выдавать временные билеты в исключительных случаях, после процедуры проверки.

Ужесточение контроля за паспортным режимом было продиктовано военным временем, так как при оккупации противник захватывал различные документы и подтверждающие аксессуары для изготовления паспортов. К тому же при экстренной эвакуации встречались случаи недобросовестного исполнения своих обязанностей органами милиции, что также могло быть использовано противником.

Милиция привлекалась для обеспечения контроля за соблюдением пропускного режима, регулирования выезда и въезда в города. Начиная с 1942 г. деятельность органов милиции активизировалась в связи с реэвакуацией, когда жители возвращались на свои места жительства. Движение большого потока людей создавало дополнительную нагрузку на милицию. В целях укрепления правопорядка отдельным городам был придан статус режимных, в связи с чем въезд туда был ограничен. Действовало две категории режимных местностей: первая — большие города и центры, отличающиеся важными политико-экономическими критериями, пограничные и запретные города; вторая — остальные города. Принятые меры способствовали регулированию паспортного режима, что было крайне важно в связи со стратегическим значением некоторых

городов в условиях войны. Приобретение населенными пунктами статуса режимных привело к некоторому сокращению преступности, укреплению общественной безопасности.

Удостоверения установленного Главным управлением милиции НКВД СССР образца выдавались гражданам, занятым на предприятиях оборонной промышленности, на железнодорожном транспорте и т. д.

В связи с необходимостью выявления нарушителей паспортного режима 1 сентября 1941 г. был издан Циркуляр НКВД СССР, в соответствии с которым проверкам подлежали общежития, домовладения, бараки, общественные и производственные объекты. Сначала проверялись лица, которые не состояли на учете, имели отказ в прописке, или лица с истекшим сроком прописки. На местах осуществлялась проверка требований Положения о паспортном режиме при приеме граждан на работу, зачислении на учебу, при процедурах прописки и выписки. Контроль за соблюдением паспортного режима продолжился и позже. Так, в 1944 г. в паспортах в обязательном порядке нужно было проставить штамп о выписке или перемене места жительства. Вышеперечисленные меры помогали выявлять нарушителей паспортного режима, преступников и диверсантов.

В 1942 г. произошла перерегистрация населения в связи с необходимостью исполнения предписаний Положения 1941 г. и ужесточения контроля за проведением паспортизации. Перерегистрация велась путем заполнения специального защищенного контрольного листка, содержащего сведения о номере и серии паспорта; фамилию, имя, отчество владельца; дату выдачи. Начальник милиции заверял листок и вклеивал его в паспорт.

При перерегистрации ОВД активно сотрудничали с органами ЗАГС. В ходе данной процедуры выявлялись случаи неуплаты алиментов и т. д. Милиция принимала меры по предотвращению подделки паспортов. Все это было необходимо для контроля за соблюдением паспортного режима, правильностью регистрации граждан и т. д.

Органы милиции в годы Великой Отечественной войны проделали колоссальную работу по контролю за соблюдением ограничений въезда-выезда [3, с. 12]. Главное управление регистрировало лиц, обращавшихся за получением пропуска в режимные города. Их выдача производилась круглосуточно. Кроме того, осуществлялась деятельность по прописке и выписке граждан. Отметим, что все категории граждан были обязаны иметь прописку. Обязательная прописка в течение двух суток распространялась и на лиц, сменивших место проживания. От обязательной прописки освобождались военнослужащие Красной Армии, войск НКВД

СССР, Военно-морского флота, находящиеся на судах и в казармах; сельские жители, прибывающие в города (до пяти суток). Лица, меняющие место жительства, подлежали выписке.

Можно сделать вывод, что паспортный режим облегчил обеспечение строгого учета граждан, что положительно сказывалось на процессе эвакуации, мобилизации. Предпринятые меры по контролю за соблюдением паспортного режима способствовали и упрощению процедуры установления личности, контролю за передвижением граждан по стране, регистрации их по месту жительства, борьбе с дезертирством из армии и с предприятий, поимке преступников и т. д. После войны милиция продолжила работу по поддержанию паспортного режима.

Список источников

1. *Об утверждении Положения о паспортах* : постановление Совета народных комиссаров от 10 сентября 1940 г. № 1667. URL: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 01.04.2021).
2. Краев Д. Н. Особенности регистрации и учета населения органами внутренних дел в 1932–1945 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3(8).
3. Биленко С. В. Советская милиция на защите социалистического Отечества (1941–1945). М., 1986.

Т. О. Чукаев

Вопросы соотношения общественного права с иными отраслями права в отечественной теоретико-правовой мысли

В числе важнейших проблем юриспруденции, не теряющих своей злободневности на протяжении уже нескольких столетий, остаются вопросы систематизации права, определения понятий самой системы права, ее элементов, признаков, критериев типологизации и т. д.

Дискуссии о ценности «отрасли права» и ее критериев не ограничивались публикациями в различных юридических журналах. Эти вопросы были едва ли не самыми спорными в теоретико-правовой науке, по популярности сравнимыми лишь с обсуждением понятия и сущности самого права.

Важный вклад в развитие осмысления права, признание первостепенного значения отрасли права при построении системы права внесли отечественные ученые XIX — начала XX вв. Особое место среди них занимает известный российский юрист, славянофил, председатель Москов-

ского юридического общества, действительный член Московского общества истории и древностей Российских, декан юридического факультета Московского университета, профессор полицейского права В. Н. Лешков (1810–1881). Ученый полагал, что для создания механизма регулирования общественных отношений необходима разработка объемной и сложной отрасли права — «общественное право» [1, с. 84–95]. Понимание системы общественного права, по его мнению, возможно только после компаративного анализа его соотношения с остальными отраслями права. Помимо сходства, он, прежде всего, указывал на тот факт, что у общественного права имеется немало отличий от других отраслей права. В их числе положение, которое занимает общественное право в системе законодательства, действующего в государстве. По мнению В. Н. Лешкова, система права состоит из структурной дифференциации ее частей, от частного (гражданского) до государственного (политического). Нормы гражданского права регулируют отношения, возникающие между отдельными лицами; государственное право легитимирует отношения всех составных элементов государства по отношению к верховной власти и правительству. Общественное право занимает среднее положение, устанавливая отношения частных лиц к их союзам и каждого из этих союзов к государству.

Как ученого-юриста В. Н. Лешкова интересовала связь общественного права с отраслями позитивного права, его место среди них. Так, в ходе сравнительного анализа права общественного и гражданского он проводил исследование по кругу субъектов и объектам, а также по предмету регулирования, часто повторяя, что «право общества» должно соотноситься с «правом государства». Преследуя удовлетворение частных интересов, общественное право похоже на гражданское, но в то же время оно гораздо шире по своему целевому назначению, так как «имеет в качестве предмета не только имущественные и неимущественные отношения, а весь процесс жизни человека в обществе» [2, с. 24]. «Общественное право» и «государственное право» ученый соотносил как реальное и идеальное [3, с. 69].

Последующий ход развития мыслей В. Н. Лешкова характеризовался дистанцированием от понятий «полиция» и «полицейское право», которые заменяются понятиями «общество» и «общественное право» как пространства не только «исполнительной деятельности», но и самостоятельной активности общества, в том числе самостоятельного нормотворчества.

Отсюда же и изменение терминологии — профессор целенаправленно использовал понятие «государственное право» вместо более привычного и распространенного «права публичного»: публичная сфера оказывается

не только гораздо шире государственной, но и принципиально поделена на области политической и неполитической публичной жизни. Радикальная деполитизация общественной сферы позволяла ему последовательно утверждать совместимость земства с самодержавной монархией — рассуждения, характерные для славянофильского направления [4].

В. Н. Лешков различал в основном четыре отрасли права: гражданское (частное), регулирующее имущественные отношения между отдельными лицами; государственное, определяющее устройство государства и деятельность верховной власти, т. е. правительства; «общественное право», нормы которого регулируют непосредственную жизнь людей, соединенных в союзы типа семьи, двора, села, города и т. д.; уголовное право, «обслуживающее» все названные отрасли права [5, с. 78].

Правовед также обосновывал определенные преимущества общественного права перед частным и выдвигал тезис о необходимости законодательного урегулирования сферы общественного права [6, с. 296].

Таким образом, современное содержание учения об отрасли права может быть дополнено теоретико-правовыми воззрениями В. Н. Лешкова, которые способствуют основательному переосмыслению данной категории и в перспективе призваны способствовать развитию системы российского права, а также познанию права в целом.

Список источников

1. Чукаев Т. О. Российская полицеистика в лицах: Василий Николаевич Лешков // *Genesis: исторические исследования*. 2016. № 6.
2. Лешков В. Н. Наша средняя история общественного права с Петра Великого. Ея характер и разделение (читано в годичном заседании Московского юридического общества 25-го февраля 1874 года). М., 1874.
3. Емельянова И. А. «Общественное право» В. Н. Лешкова // *Правоведение*. 1987. № 6.
4. Чукаев Т. О. «Общественное право», «государственное право», «полицейское право»: соотношение понятий в теоретико-правовом учении В. Н. Лешкова // *Российская полиция: три века служения Отечеству* : мат-лы юбилейной междунар. науч. конф. / под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018.
5. Гасаналиев А. Ш. Формирование основных институтов административного права и административно-правовая мысль России XIX–начала XX веков : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 1999.
6. *История правовых учений России. Т. II. XVIII–XIX вв. : учебник*. М., 2014.

РАЗДЕЛ II. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д. В. Андреев

Угрозы, исходящие от продажи гражданами спиртосодержащей продукции

Алкобольные и спиртосодержащие напитки представляют особый вид продукции, оборот которой затрагивает различные сферы жизнедеятельности человека, общества и государства.

Действующее законодательство об обороте алкогольной и спиртосодержащей продукции содержит высокие требования к ее производству и продаже, так как не контролируемая компетентными органами публичной власти продажа создает реальную угрозу общественным отношениям в различных сферах. Выделим наиболее значимые виды угроз.

Угроза здоровью человека. Злоупотребление алкоголем находится на третьем месте среди причин смертности. Если первые две причины — сердечные болезни и онкозаболевания — люди не властны отменить, то алкоголизм — «рукотворное» заболевание [1, с. 188].

Исследования, направленные на установление влияния спиртных напитков на организм человека, в нашей стране проводятся уже давно. Ученые в области медицины единогласно вынесли алкоголю вердикт — вреден для организма человека. Отдельным предметом изучения Н. Тяпугина были спиртосодержащие напитки, изготавливаемые в домашних условиях. Автор утверждает, что крепкие спиртные напитки домашней выработки (самогон) более ядовиты, чем винный спирт или водочная продукция на его основе [2, с. 26].

Следующий вид — *угрозы, касающиеся обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности.* Президентом РФ отмечено, что значительное количество преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Вследствие массового злоупотребления алкогольной продукцией увеличивается число административных право-

нарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения на транспорте. По данным МВД России, в 2020 г. каждое третье расследованное преступление совершено лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения [3].

В своем исследовании Ю. И. Козаренко отмечает, что злоупотребление человеком алкогольной продукцией представляет одну из форм негативной девиации и приводит к деградации личности. Вместе с тем деградация личности прямо связана с физическим и психическим расстройством, которое может провоцировать человека на противоправное поведение [4, с. 19].

Третий вид угроз от продажи гражданами спиртосодержащей продукции, на наш взгляд, *административно-экономические*.

Угрозы, исходящие от нелегальной продажи спиртных напитков, причиняют вред административной (управленческой) сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, которая предусматривает порядок торговли, учета, контроля (надзора) за данной деятельностью, установленный органами публичной власти.

В свою очередь нелегальная деятельность граждан по продаже алкогольной и спиртосодержащей продукции угрожает экономическим интересам государства. Во-первых, действиями граждан, состоящими в розничной продаже спиртосодержащей продукции, наносится вред институту налогообложения. Согласно налоговому законодательству доходы от предпринимательской деятельности и доходы на добавленную стоимость подлежат налогообложению. Во-вторых, действующее законодательство предусматривает акцизные сборы для розничной торговли спиртосодержащей продукцией, которые включают в себя:

- лицензионные сборы на право осуществления розничной торговли алкогольной или спиртосодержащей продукцией;
- сборы за специальные федеральные марки (для алкогольной продукции, изготовленной на территории РФ);
- сборы акцизные за акцизные марки (для алкогольной продукции, импортируемой из другого государства).

Исходя из вышеизложенного, считаем, что бесконтрольная реализация алкогольной и спиртосодержащей продукции создает угрозу широкому спектру общественных интересов и национальной безопасности.

Список источников

1. Дизер О. А. Административно-правовая защита общественной нравственности : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2019.

2. Тяпугин Н. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе. М., 1926.

3. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 12.03.2021).

4. Козаренко Ю. И. Уголовно-правовое значение состояния опьянения : монография. Волгоград, 2016.

И. А. Андреева

Право на изображение сотрудников полиции: зарубежный опыт

С появлением смартфонов, айфонов и других устройств, при помощи которых можно вести фото- и видеосъемку, сотрудники полиции все чаще сталкиваются с явлением, получившим название «*sorwatching*» (с англ. — наблюдение за полицейскими). В зарубежных исследованиях «*sorwatching*» определяется как действия обычных граждан по публичному наблюдению за деятельностью полиции и ее документированию. Обычно они касаются неоднозначных ситуаций полицейского вмешательства. Активисты движения (так называемые *sorwatchers*) превратили наблюдение за полицейскими в почти профессиональную деятельность, создав веб-сайты для публикации различных видеоматериалов, фотографий, свидетельств, занявшись выпуском информационных бюллетеней и даже организацией учебных занятий для добровольцев. Существует множество причин для обоснования этой деятельности: она предотвращает полицейское насилие и злоупотребление властью; формирует у сотрудников полиции ответственность перед гражданами; позволяет оценить эффективность обеспечения безопасности на местном уровне; побуждает население заявлять о своем праве смотреть, наблюдать за полицией — контролировать ее [1].

Однако надежды на то, что *sorwatching* и его вклад в обеспечение прозрачности (публичности и открытости) полицейской деятельности будет способствовать укреплению законности, пока не оправдались. Наоборот, он создает напряженность при контакте полиции с гражданами, и в последние годы находится в центре публичной полемики вокруг вопроса, можно или нельзя снимать сотрудников полиции.

Исследования показывают, что эта новая транспарентность полицейской работы вызывает неожиданный эффект во взаимодействии между полицейскими и гражданами — повышенное недоверие с обеих сторон

и ряд иных негативных следствий. Наличие фотографического или видеоизображения само по себе не способно внести ясность в понимание сложной ситуации полицейского вмешательства. В результате разочарование граждан усиливается, они недоумевают, почему возмутительное поведение полиции остается безнаказанным, а полицейские, благодаря бдительным гражданам (или даже самим нарушителям) ставшие «звездами» интернета, ощущают себя незащищенными (граждане отказывают им не только в презумпции законности, но и в презумпции невиновности), а свою работу — обесцененной. Кроме того, *surwatching* снижает секретность полицейского вмешательства, вызывает контрпродуктивный эффект перегрузки системы внутреннего контроля. К отрицательным последствиям относится и то, что сам процесс съемки, осознание репутационных рисков мешают работе полицейских, трансформируют ее. Поскольку они ожидают, что их профессионализм будет оцениваться по тому, как они будут выглядеть, они стремятся угодить ожиданиям аудитории, а она или плохо осведомлена о реалиях их работы, или имеет о ней фантастические представления [2].

Таким образом, степень проблематизации деятельности по наблюдению за полицейскими с помощью современных средств очень высока. Решение вопроса о возможности или запрете снимать действия полиции, распространять фото- и видеоизображения и т. д. не всегда связано с правом на охрану изображения сотрудника полиции, но любые ограничения действий граждан косвенно обеспечивают охрану этого права. Например, в Швейцарии вопрос о том, может ли частное лицо осуществлять видеосъемку или фотографировать сотрудников полиции в ходе их деятельности, не имеет четкого ответа ни в доктрине, ни в законодательстве. Однако широко применяется статья Уголовного кодекса, запрещающая действия, препятствующие процессуальной деятельности. Эта норма конкретизирована в полицейских регламентах ряда кантонов, предусматривающих право полиции немедленно удалить какое-либо лицо из общественного места, если оно препятствует действиям, направленным на поддержание или восстановление общественной безопасности и порядка, в частности действиям полиции, пожарной охраны или спасательных служб [3].

В Германии, несмотря на различия в разных регионах требований к сотрудникам полиции относительно их идентификации в общественных местах, касающихся фотографирования и съемки полицейских на службе, после многих лет юридических дебатов выработался единый подход: снимать разрешено, запрещается распространять фото- и видео-

материалы или размещать их в сети Интернет без разрешения (решение Конституционного суда 2015 г.).

В Бельгии вопрос урегулирован в 2018 г. судебным решением, закрепившим приоритет принципа свободы информации. Право полицейских на собственное изображение было ограничено, так как при исполнении обязанностей они являются публичными лицами. «Снимать полицейских — это право граждан», поэтому не требуется их согласия, даже молчаливого, в том числе и на опубликование фотографий, не размывая их изображение. Статус государственных служащих, принадлежность к публичной сфере предполагают, что сотрудники полиции должны быть «видимыми» (публичными, доступными) в публичном пространстве, когда выполняют задачу, представляющую общественный интерес. Их право на охрану собственного изображения ограничивается общественными интересами, степень этого ограничения различна в европейских странах. Допустим, во Франции и Швейцарии оно менее жесткое. Ограничение права на изображение возможно лишь в целях осуществления общественного интереса. Во Франции полицейские не могут возражать против того, чтобы их снимали в общественных местах (циркуляр от 23 декабря 2008 г.). Но если снимающий сотрудника полиции или жандармерии не обоснует, что исходил из общественных интересов, то его действия (прежде всего действия по распространению и опубликованию изображения) вполне могут попасть под нарушения права на изображение полицейского, как и любого другого гражданина.

Список источников

1. Meyer M. Copwatching et perception publique de la police. L'intervention policière comme performance sous surveillance. URL: <https://www.ethnographiques.org/2010/Meyer> (дата обращения: 25.05.2021).

2. Meyer M., Tanner S. Filmer et être filmé. La nouvelle visibilité policière à l'ère de la sousveillance. *Réseaux*. 2017. № 1. URL: <https://www.cairn.info/journal-reseaux-2017-1-page-175.htm> (дата обращения: 25.05.2021).

3. Avis du du Préposé la protection des données et à la transparence du 9 avril 2015. URL: <https://www.ppdt-june.ch/fr/Activites/Avis/Protection-des-donnees/2015/Prises-de-vue-de-policiers-Copwatching-20150952.html#17> (дата обращения: 25.05.2021).

А. К. Анес

Применение Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан в деятельности органов внутренних дел

Органы внутренних дел Республики Казахстан широко применяют нормы Уголовно-процессуального кодекса. В течение нескольких лет обсуждался вопрос о введении Административного процедурно-процессуального кодекса. Министерство юстиции и Верховный суд РК представляли проекты этого законодательства. Так, 29 июня 2020 г. был принят Административный процедурно-процессуальный кодекс РК № 350-VI (далее — АППК РК), который вступит в силу с 1 июля 2021 г.

С принятием АППК РК были внесены поправки в некоторые нормативные правовые акты для устранения правовых пробелов и коллизий. С его принятием теряют силу два закона: Закон РК от 27 ноября 2000 г. № 107 «Об административных процедурах», Закон РК от 12 января 2007 г. № 221 «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц», касающиеся рассмотрения обращений.

АППК РК регулирует отношения, связанные с осуществлением административных процедур, внутренних административных процедур государственных органов, а также порядок административного судопроизводства.

Участниками регулируемых АППК РК отношений являются государственные и административные органы, должностные, физические и юридические лица.

Цель принятия АППК РК заключается в установлении эффективных механизмов защиты прав граждан при рассмотрении споров с органами власти в вышестоящем органе и суде, а также в закреплении набора гарантий, которые позволяют гражданам реально участвовать в процессе принятия управленческих решений.

К основным задачам АППК РК относится урегулирование общественных отношений, связанных с осуществлением административных процедур, административного судопроизводства по разрешению споров в сфере государственного управления. В статье 5 АППК РК определены задачи административных процедур:

- полная реализация публичных прав, свобод и интересов физических и юридических лиц;
- достижение баланса частных и общественных интересов в публично-правовых отношениях;

— обеспечение эффективного и прозрачного государственного управления, в том числе посредством участия лиц в принятии управленческих решений;

— укрепление законности в публично-правовой сфере.

Задачей административного судопроизводства является справедливое, беспристрастное и своевременное разрешение административных дел в целях эффективной защиты и восстановления нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов физических лиц, прав и законных интересов юридических лиц в публично-правовых отношениях.

В АППК РК даны принципы, на основе которых реализуются административные процедуры и административное судопроизводство: принцип законности; принцип справедливости; защита прав, свобод и законных интересов; соразмерность; пределы осуществления административного усмотрения; принцип приоритета прав; охрана права на доверие; запрет злоупотребления формальными требованиями; презумпция достоверности; активная роль суда; разумный срок административного судопроизводства; обязательность судебных актов. Следует особо отметить принцип приоритета права, где все сомнения, противоречия и неясности законодательства РК об административных процедурах толкуются в пользу участника административной процедуры, а также принцип активной роли суда.

Суд, не ограничиваясь объяснениями, заявлениями, ходатайствами участников административного процесса, представленными ими доводами, доказательствами и иными материалами административного дела, всесторонне, полно и объективно исследует все фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения административного дела.

Судья может высказать свое предварительное правовое мнение по правовым обоснованиям, относящимся к фактическим и (или) юридическим сторонам административного дела.

Суд по собственной инициативе или мотивированному ходатайству участников административного процесса собирает дополнительные материалы и доказательства, а также выполняет иные действия, направленные на решение задач административного судопроизводства.

Таким образом, были внедрены новые принципы защиты физических лиц от возможных злоупотреблений со стороны субъектов власти.

В АППК РК также даются полные определения участникам административных процедур, их правам и обязанностям, порядку внутренних административных процедур государственных органов, административных процедур, рассмотрению административного дела и порядку

принятия и осуществления по нему решения, порядку административного судопроизводства и мерам процессуального принуждения, пересмотру дела.

В АППК РК закреплены новые положения, отвечающие интересам граждан, независимо от того, содержатся ли они в специальном законе или нет. В частности, АППК РК установлены дополнительные рамочные требования к проведению внутренних и внешних административных процедур госорганов и предприятий, а также им обеспечены прозрачность и доступность для граждан и юридических лиц процессов по обсуждению и принятию административного акта. Предусмотрено, что государственные органы должны будут перестроить свою работу с учетом требований АППК РК. Закрепляются процедурные гарантии, которые должны обеспечить обратную связь с гражданами при принятии управленческих решений органами власти. Так, в статью 74 АППК РК включены нормы об обязанности государственных органов предоставить возможность гражданину выразить свою позицию на предварительное решение по административному делу, о котором участник административной процедуры заранее уведомляется. При этом гражданин вправе предоставить или высказать возражение к предварительному решению по административному делу в срок не позднее двух рабочих дней со дня его получения.

Таким образом, гражданин должен быть уверенным, что принятое решение является законным, последовательным. Орган власти обязан выслушать мнение заинтересованного гражданина перед принятием окончательного решения. Гражданин будет иметь возможность ознакомиться с материалами, которыми административный орган руководствовался при вынесении правового решения. Вводится особый порядок отмены правовых решений, которые благоприятны для граждан.

М. Ю. Водяная

Восстановление деятельности специальных учреждений, выполняющих функции по вытрезвлению граждан

После закрытия медицинских вытрезвителей на протяжении десятилетия правоприменители сталкиваются с проблемой изоляции лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения и не нуждающихся в оказании медицинской помощи для их естественного вытрезвления. Отсутствие регулирования этих вопросов на законодательном уровне также

затрудняет возможность создания специальных учреждений для вытрезвления граждан. Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 464-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения» установил полномочия субъектов Российской Федерации при организации и осуществлении мероприятий по оказанию помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, включая создание таких учреждений. Правила организации деятельности подобных специализированных организаций, в том числе виды помощи, которая там оказывается, должны быть установлены в совместном нормативном правовом акте Минздрава России, Минтруда и социальной защиты России и МВД России. Таким образом, для успешного функционирования данных учреждений нужно обеспечить межведомственное взаимодействие, разделить ответственность между социальными, медицинскими и силовыми структурами [1, с. 163–165]. Однако в настоящее время такой документ не подготовлен. Более того, принятые изменения, на наш взгляд, не позволяют разрешить ряд вопросов. В соответствии с названным законом специальные учреждения по вытрезвлению граждан могут быть образованы как в форме бюджетных организаций, так и на базе государственно-частного или муниципально-частного партнерства, при этом пребывание в них может быть платным. В связи с этим содержание в специальном учреждении будет представлять собой услугу. Государственно-частное и муниципально-частное партнерство осуществляется в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества [2]. Учитывая, что помещение в такое учреждение для вытрезвления может носить недобровольный характер, встает вопрос о легитимности оказываемых услуг. Более того, гражданин по-прежнему может отказаться от любого медицинского вмешательства [3].

Еще один аспект касается платежеспособности граждан, помещаемых на вытрезвление. Не секрет, что лица, допускающие злоупотребление алкогольной и спиртосодержащей продукцией, привлекаемые к административной ответственности по ст. 20.21 КоАП РФ, — это лица, ведущие антиобщественный образ жизни, не имеющие при этом постоянного источника доходов. По статистике, постановление о назначении административного наказания за появление в состоянии опьянения в общественных местах в виде штрафа исполняется в 50–55% случаев.

Вызывает сомнение способность таких лиц оплатить и назначенный штраф, и услуги по вытрезвлению. Следовательно, либо они останутся неоплаченными, либо бремя материальных затрат перейдет на родственников правонарушителя.

Существует также опасение, что, введя плату за содержание в специальном учреждении, мы рискуем получить систему настоящей «охоты» за выпившими людьми, способными оплатить подобную услугу. При этом лица, не имеющие постоянного места жительства и заработка, злоупотребляющие алкоголем, составляющие подавляющее большинство, при пресечении подобных правонарушений не будут доставляться в платные учреждения.

Таким образом, вытрезвитель следует рассматривать как государственное специализированное учреждение социального обслуживания, предназначенное для содержания лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, до их естественного вытрезвления, проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения и установления момента вытрезвления. Подобные услуги должны оказываться на безвозмездной основе.

Список источников

1. *Водяная М. Ю.* Административная ответственность граждан за появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018.

2. *О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации* : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

К. С. Волков

Устные приказы, распоряжения руководителя (начальника) как административно-правовые акты

В связи с отсутствием в российском законодательстве официально сформулированного понятия «административно-правовой акт» и его существенных признаков в научной литературе сложились две диаметрально

но противоположные точки зрения относительно того, какой правовой формы может быть административно-правовой акт (правовой акт управления).

Известные ученые-административисты Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский и Ю. Н. Стариков по форме выражения выделяют словесные (устные) акты управления [1, с. 207]. В противовес их точке зрения высказался не менее авторитетный административист П. И. Кононов, по мнению которого «устные приказы, распоряжения и указания, не фиксируемые каким-либо официально-документальным способом, не могут быть охарактеризованы в качестве правовых актов, обязательным атрибутом которых является официально документальная форма их внешнего выражения» [2, с. 117]. Аргументация такой позиции строится якобы на отсутствии двух признаков, характерных для актов управления, а именно наличия наступления юридически значимых последствий и возможности оспаривания принятого решения, гарантированного ст. 46 Конституции РФ, по причине отсутствия его официально-документального оформления.

Вместе с тем с указанным утверждением согласиться нельзя. Во-первых, согласно п. 13 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации (далее — Дисциплинарный устав), утвержденного Указом Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1377, приказ может быть отдан в письменной или устной форме. Приказ, отданный в письменной форме, выступает основным распорядительным служебным документом (правовым актом), издаваемым руководителем (начальником) на правах единоначалия. Однако это не означает, что письменная правовая форма приказа является единственной, о чем свидетельствует содержание данной нормы, которая допускает устную его форму, хотя, как мы видим, имеющую второстепенное значение по отношению к письменной. Во-вторых, обязательность (беспрекословность) исполнения названных правовых форм правовых актов управления нормативно закреплена в п. 19 Дисциплинарного устава. В-третьих, п. 23 Дисциплинарного устава предусматривает наступление юридически значимых последствий в случае неисполнения отданного приказа руководителя (начальника) в виде привлечения лица, которому он был адресован, к ответственности. В-четвертых, в силу положений п. 21 Дисциплинарного устава лицу (сотруднику), не согласному с приказом, гарантировано право на его обжалование. Более того, такое право закреплено в подпункте 14 ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законо-

дательные акты Российской Федерации», предоставляющем возможность сотруднику обратиться к вышестоящим в порядке подчиненности должностным лицам, в вышестоящие органы или в суд для защиты своих прав и законных интересов.

Таким образом, приведенные П. И. Кононовым доводы о невозможности признать устные приказы, распоряжения и указания должностных лиц, содержание которых не отражено в каких-либо документах, в частности устные приказы, нельзя признать правильными.

Учитывая изложенное, можно сделать следующие выводы: устный правовой акт управления наравне с его письменной формой, отданный специально уполномоченным на то лицом, обладает равнозначной правовой природой, хотя и второстепенной по отношению к письменной форме, предусматривает наступление таких же юридически значимых последствий для лиц (сотрудников), которым он адресован, и никаким образом не лишает (не ограничивает) их возможности на обжалование такого акта управления, гарантированной ст. 46 Конституции РФ.

Список источников

1. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право. М., 2004.
2. Кононов П. И. Основные категории административного права и процесса : монография. М., 2013.

Т. В. Голованова

Организация предоставления государственных услуг органами внутренних дел Российской Федерации

Любая государственная деятельность, включая организацию предоставления государственной услуги, должна опираться на нормативное регулирование. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» выступает основным правовым актом, регламентирующим цели, задачи и порядок предоставления государственных услуг, определяет правовой статус органов исполнительной власти, предоставляющих государственные услуги.

Органы внутренних дел широко вовлечены в процесс предоставления государственных услуг. Приказом МВД России от 30 июня 2017 г. № 430 «Об организации и проведении мониторинга качества предоставления государственных услуг в системе МВД России» утвержден полный

перечень государственных услуг, предоставляемых ОВД. В общей сложности их насчитывается около пятидесяти. Подразделениями по вопросам миграции, Государственной инспекции безопасности дорожного движения ежегодно предоставляется населению несколько десятков миллионов государственных услуг. Наиболее востребованными из них являются: услуги, связанные с выдачей и заменой документа, удостоверяющего личность гражданина на территории Российской Федерации и за ее пределами; оформление и выдача приглашений на въезд в Российскую Федерацию иностранцев и лиц без гражданства; оформление виз иностранным гражданам и лицам без гражданства; постановка и снятие с учета транспортных средств; выдача водительских удостоверений и т. д.

Нормативную основу реализации государственных услуг в системе МВД России регламентирует большое количество правовых актов, однако все они относятся к числу ведомственных.

Значительным упущением в правовом регулировании организации предоставления государственных услуг органами внутренних дел стало то, что Закон о полиции не относит предоставление государственных услуг к основным направлениям деятельности полиции, а также не включает эту деятельность в число обязанностей полиции. В пункте 39 ст. 12 «Обязанности полиции» говорится лишь, что полиция обязана предоставлять по межведомственным запросам органов государственной власти, органов местного самоуправления, предоставляющих государственные или муниципальные услуги, сведения о наличии у лица непогашенной или неснятой судимости, если для предоставления государственной или муниципальной услуги предусмотрено предоставление таких сведений или документа, содержащего такие сведения, в указанные государственные органы или органы местного самоуправления, что совершенно не отражает реальную картину практической реализации деятельности ОВД по предоставлению государственных услуг.

Объясняется это тем, что разработка и принятие Закона о полиции пришлось на период иной структуры органов исполнительной власти, при которой функции миграционного контроля относились к компетенции специального органа исполнительной власти — Федеральной миграционной службы России, а реализация функции ГИБДД не воспринималась в качестве государственной услуги.

На наш взгляд, ст. 2 Закона о полиции необходимо дополнить пунктом 13 следующего содержания: «предоставление государственных услуг», кроме того, следует включить в число обязанностей полиции «предоставление государственных услуг», для чего в ст. 12 ввести п. 46.

В. В. Денисенко

Дуализм правового статуса сотрудников органов внутренних дел (полиции) в административно-деликтных отношениях

Одной из особенностей административно-деликтных отношений, в рамках которых реализуется административная ответственность, выступает множественность субъектов, осуществляющих функцию преследования лиц, совершивших административное правонарушение [1, с. 243]. Данная функция реализуется: судьями, органами, должностными лицами, уполномоченными на рассмотрение дел об административных правонарушениях в соответствии с закрепленной за ними подведомственностью (ст. ст. 23.1–23.89 КоАП РФ); должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях (чч. 1–7 ст. 28.3 КоАП РФ); органами, должностными лицами, уполномоченными применять меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении (ч. 1 ст. 27.1, пп. 1–17 ч. 1 ст. 27.2, пп. 1–11 ч. 1 ст. 27.3, ст. 28.3 КоАП РФ); органами, должностными лицами, исполняющими постановление по делу об административном правонарушении (глава 32 КоАП РФ).

Правомочия преследующих субъектов неодинаковы. Так, есть субъекты, правомочия которых ограничены только составлением протоколов об административных правонарушениях. В их числе, например, инспекторы Счетной палаты РФ (п. 3 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ) либо судебные приставы-исполнители, наделенные только полномочиями по исполнению постановлений о конфискации орудия или предмета административного правонарушения (ч. 1 ст. 32.4 КоАП РФ). Судьи рассматривают дела об административных правонарушениях (ст. 23.1 КоАП РФ) и исполняют отдельные виды административных наказаний (постановления о назначении предупреждения — ст. 32.1 КоАП РФ), но при этом не обладают правомочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях и применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Органы внутренних дел (полиция) не только относятся к числу субъектов, наделенных самыми широкими полномочиями в административно-юрисдикционном процессе, но и занимают доминирующую позицию по числу подведомственных им составов административных правонарушений, дела по которым рассматриваются во внесудебном порядке (ст. 23.3 КоАП РФ), и в еще большей степени по числу составов, по которым им предоставлено право составлять протоколы об административных пра-

онарушениях (ч. 1, п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ). Позиция об особом положении ОВД в системе субъектов, осуществляющих функцию преследования лиц, совершивших административное правонарушение, находит отражение в работах ряда авторов, специализирующихся на полицейской тематике и исследующих вопросы административно-юрисдикционной деятельности полиции [2, с. 104–113; 3, с. 119–124; 4, с. 63–68].

В органах, осуществляющих административно-юрисдикционную деятельность, можно выделить две группы (категории) лиц, обладающих разноуровневой компетенцией:

1) должностные лица, уполномоченные на применение мер административного принуждения в целях предупреждения и пресечения административных деликтов и, как правило, не наделенные полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях;

2) должностные лица, обладающие правом применения мер административного принуждения в полном объеме, включая административно-юрисдикционные полномочия [1, с. 214–217].

Одновременно с реализацией властных полномочий в производстве по делам об административных правонарушениях сотрудники ОВД выступают субъектами, несущими административную ответственность. Иными словами, дуализм правового статуса сотрудников ОВД (полиции) проявляется в том, что они выступают как в качестве преследующих субъектов, так и как преследуемые субъекты административно-деликтных отношений.

Отличительные черты административной ответственности сотрудников ОВД — привлечение их к административной ответственности на общих основаниях либо к дисциплинарной ответственности (ст. 2.5 КоАП РФ), особые требования и порядок применения к ним отдельных видов мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (ч. 4.1 ст. 27.3 КоАП РФ), ограничения по применению к ним отдельных видов административных наказаний (ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ). Вряд ли законодатель готов отказаться от использования варианта с привлечением к дисциплинарной ответственности сотрудников ОВД, совершивших административные правонарушения. Вместе с тем наблюдается тенденция к увеличению числа составов административных правонарушений, за совершение которых сотрудники ОВД подлежат привлечению к административной ответственности на общих основаниях.

Список источников

1. Денисенко В. В. Системный анализ административно-деликтных отношений. СПб., 2001.

2. Головки В. В. Административно-юрисдикционная деятельность: вопросы понятия и содержания // Правоприменение. 2018. № 2.

3. Макарейко Н. В. Административно-юрисдикционные полномочия органов внутренних дел: состояние и перспективы // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2020. № 2.

4. Шапошникова И. А., Мамлеева Д. Р. Компетенция органов внутренних дел по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы права и государства. 2020. № 1, Т. 12.

О. А. Дизер

Трансформация функций полиции по охране общественного порядка в условиях цифровизации

Интенсивный процесс цифровизации коснулся всех сторон общественной жизни, в том числе связанных с защитой прав и свобод граждан в киберпространстве. «Разнообразные информационные технологии проникают во все сферы жизнедеятельности нашего общества, затрагивают основы правового положения личности в информационном пространстве и актуализируют проблему защиты прав человека в виртуальном мире, в том числе от самих информационных технологий» [1, с. 19–22]. Защита прав и свобод граждан имеет первостепенное значение, поскольку она гарантируется Конституцией РФ. В связи с этим законодательством должны регламентироваться вопросы не только развития, но и защиты прав и свобод граждан в условиях цифрового пространства.

2020 год был очень сложным для мирового сообщества. Не является исключением и Российская Федерация. Министр внутренних дел РФ В. А. Колокольцев на расширенном заседании коллегии Министерства отметил, что «криминальные деяния, совершенные с использованием IT-технологий, составляют все большую долю в общей структуре преступности. Сегодня она достигла 25%. Динамика ежегодного прироста фиксируется последние несколько лет. Данные изменения являются отражением глобальных тенденций. Своеобразным катализатором здесь стала пандемия, которая повлекла масштабный „уход в онлайн“ многих сфер жизнедеятельности общества. В этой связи требуется скоординированная работа правоохранительных органов и соответствующих регуляторов» [2].

Важно учитывать усиление роли полиции в вопросах реализации гражданами своих прав и интересов, особенно в местах, открытых для их свободного посещения, к которым с полной уверенностью можно отнести и киберпространство. Оно дает возможность совершать противоправные действия, в том числе и в сфере общественного порядка и общественной безопасности. Вместе с тем любой человек может быть свидетелем противоправных действий, став их очевидцем. Это обстоятельство заставляет давать новую оценку признаку публичности, наиболее характерному для всех правонарушений, посягающих на общественный порядок [3, с. 68].

Полагаем, что формирование современного информационного общества должно происходить с учетом возможных угроз, которые могут исходить от киберпространства.

Одним из шагов, направленных на совершенствование защиты прав граждан в условиях формирования и развития информационного общества, может стать поручение, данное Президентом Правительству РФ по результатам заседания Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 10 декабря 2020 г., о разработке к 1 августа 2021 г. проекта концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации и проекта плана мероприятий («дорожной карты») по ее реализации, включающего в себя мероприятия по повышению цифровой грамотности граждан Российской Федерации и их обучению навыкам информационной безопасности и «цифровой гигиены» [4].

Список источников

1. *Аничкин Е. С.* Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12.
2. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/document/23363523> (дата обращения: 26.02.2021).
3. *Дизер О. А.* Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3(89).
4. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/649/> (дата обращения: 26.02.2021).

Е. В. Климович

Субъекты административной ответственности в условиях автоматической фиксации административных правонарушений (сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь)

Субъектами административной ответственности согласно КоАП РФ и КоАП РБ [1] являются физические, в том числе индивидуальные предприниматели и юридические лица — собственники (владельцы) транспортных средств (далее — ТС). Но развитие законодательства об административной ответственности России и Беларуси пошло разными путями в связи с внедрением нового способа выявления и документирования объективной стороны правонарушений в области дорожного движения.

Основанием для привлечения к административной ответственности за правонарушения, зафиксированные с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, по российскому законодательству является факт регистрации ТС на имя конкретного лица, а по белорусскому — установление факта управления ТС конкретным лицом, о чем указано в чч. 2 и 4 ст. 4.8 КоАП РБ. Это различие в подходах заметно в отношении как физических, так и юридических лиц.

В соответствии с ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ привлечь водителя, не являющегося собственником (владельцем) ТС, можно только по жалобе собственника (владельца), на имя которого зарегистрировано ТС, поданной в порядке главы 30 КоАП РФ. При этом необходимо доказать, что в момент фиксации административного правонарушения ТС находилось во владении или в пользовании другого лица либо к данному моменту выбыло из его обладания. Такой подход исключает возможность освобождения индивидуальных предпринимателей и юридических лиц — собственников (владельцев) ТС — от административной ответственности с одновременным привлечением водителей, выполняющих обязанности, предусмотренные трудовым договором.

КоАП РБ не допускает привлечения к административной ответственности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц — собственников (владельцев) ТС, за исключением случаев автоматической фиксации административных правонарушений, выразившихся в эксплуатации в дорожном движении ТС, в отношении которого не выдано

разрешение на допуск к участию в дорожном движении либо его владельцем не заключен договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев ТС (ч. 4 ст. 4.8 КоАП РБ).

Важной характеристикой субъекта правонарушения (физического лица) выступает возраст. Общим для России и Беларуси подходом является недопущение регистрации ТС на имя физических лиц, не достигших возраста административной ответственности.

Различие в том, что в России регистрация не осуществляется на имя физических лиц, не достигших возраста 16 лет, а в Республике Беларусь регистрация возможна на имя несовершеннолетних от 14 до 18 лет с согласия их родителей или законных представителей [2; 3].

С учетом различий в возрасте, с которого наступает административная ответственность (в РФ — с 16 лет, в РБ — с 14 до 16 за отдельные виды правонарушений, с 16 лет в полном объеме), в Республике Беларусь допустима ситуация, когда несовершеннолетний собственник (владелец) в возрасте от 14 до 16 лет не будет подлежать ответственности за правонарушения, зафиксированные в автоматическом режиме. В России нормативно исключена возможность использования установленного порядка регистрации ТС для целей незаконного освобождения от административной ответственности.

Изложенное позволяет выделить две модели правового регулирования административной ответственности собственников (владельцев) ТС. Различие между ними прослеживается и в характеристике субъектов ответственности. Одной из основных характеристик субъекта ответственности в соответствии с КоАП РФ является наличие права собственности или владения ТС, подтвержденное регистрацией транспортного средства в установленном законом порядке. По белорусскому законодательству эта характеристика нужна всего лишь для составления первичного постановления, имеющего информирующий характер для субъекта ответственности. Основная характеристика — это наличие фактической возможности управления транспортным средством или невыполнение возложенных обязанностей в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Список источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=НК2100091&p1=1&p5=0> (дата обращения: 28.04.2021).

2. Положение о порядке государственной регистрации и государственного учета транспортных средств, снятия их с учета и внесения из-

менений в документы, связанные с государственной регистрацией транспортных средств. URL: <https://pravo.by/document/?uid=3871&p0=c20201849> (дата обращения: 28.04.2021).

3. *Процессуально-исполнительный* кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. URL: <https://pravo.by/document/?uid=12551&p0=НК2100092&p1=1&p5=0> (дата обращения: 28.04.2021).

А. А. Пережогин

Особенности иммиграционной политики Российской Федерации на современном этапе

Процессы глобализации постепенно устраняют барьеры, ограничивающие мобильность населения. Этому способствует развитие международных отношений в области визовой политики. В соответствии с международными соглашениями все больше граждан имеют возможность совершать безвизовые поездки либо получать визы в упрощенном порядке. Более того, единое миграционное пространство, в рамках которого гражданам предоставлена свобода передвижения без необходимости прохождения процедур пограничного контроля на внутренних границах, в различных форматах создано и действует в Европейском союзе, Австралии и Новой Зеландии, Великобритании и Ирландии, Союзном государстве России и Беларуси. Согласно данным Международной организации по миграции, в 2019 г. численность лиц, находившихся за пределами государства постоянного проживания, превысила 270 млн человек. Пандемия новой коронавирусной инфекции приостановила растущую динамику миграционной подвижности населения планеты. Но и в 2021 г. Россия остается одним из мировых центров миграционного притяжения на постсоветском пространстве.

Началом современного этапа государственной политики России в сфере миграции, т. е. деятельности, связанной с обеспечением прав граждан на свободу передвижения и выбор места жительства, можно принять вполне конкретную дату — 1 марта 2018 г. В этот день Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию РФ обозначил национальные цели и стратегические задачи развития страны [1]. Одним из важных условий социально-экономического развития названо создание стимулов для привлечения в нашу страну талантливой молодежи из зарубежных стран, иностранных ученых и квалифицированных специалистов. Кроме того, было отмечено, что система предоставления граж-

данства РФ должна ориентироваться на молодых, здоровых, хорошо образованных людей, желающих интегрироваться в российское общество, предоставляя таким лицам возможность в упрощенном порядке приобретать российское гражданство. Эти идеи нашли отражение, в частности, в указах главы государства от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.».

31 октября 2018 г. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. (далее — Концепция) [2] определила цель, принципы, задачи и направления деятельности государства в сфере миграции. Поскольку названный документ охватывает вопросы как внутренней, так и внешней миграции населения, а также в силу того, что в российском законодательстве термин «иммиграция» и производные от него не нашли пока широкого распространения, понятие «иммиграционная политика» не использовалось в его тексте.

Одной из особенностей государственной миграционной политики на современном этапе стал новый взгляд на ее роль и место в решении демографических и связанных с ними экономических проблем. Согласно Концепции основным источником обеспечения роста численности населения России является его естественное воспроизводство, что справедливо, ввиду того что достижению этой цели должна служить реализация демографической политики государства, направленной на повышение рождаемости, снижение смертности и увеличение продолжительности жизни населения. При этом одной из задач демографической политики выступает обеспечение миграционного прироста населения, который достигается мерами социально-экономического стимулирования.

Цель миграционной политики России заключается в обеспечении реализации конституционных прав граждан на свободу передвижения и выбор места жительства, исходя из задач социально-экономического развития страны. В то же время в Концепции освещены вопросы противодействия незаконной миграции, борьбы с преступностью, сохранения мира и согласия в обществе в контексте обеспечения национальной безопасности страны. В связи с этим рассматриваемый документ стратегического планирования в сфере миграции нацеливает, скорее, на комплексное реформирование системы государственного управления миграционными процессами, обновление как нормативной правовой базы, так и государственной информационной инфраструктуры. Например, меры административно-правового регулирования в сфере

миграции должны быть направлены на создание простых, понятных и удобных для граждан правил и административных процедур, связанных с получением необходимых документов и выполнением требований законодательства РФ. Меры по информатизации государственного управления в сфере миграции, внедрению идентификационных документов нового поколения, совершенствованию механизмов предоставления государственных услуг должны быть нацелены на создание безопасных, современных, комфортных и качественных инструментов взаимодействия государственных органов, граждан и организаций. Для реализации этого подхода в марте 2020 г. Президент РФ принял решение о реформировании миграционных режимов и института гражданства Российской Федерации.

Таким образом, миграционный прирост населения должен стимулироваться социально-экономическими мерами. Они должны быть направлены на создание привлекательных условий и необходимых механизмов оказания поддержки переселения на постоянное место жительства в России граждан, способных органично включиться в систему позитивных социальных связей и желающих стать неотъемлемой частью российского общества. Примером тому стала Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [3]. Однако пока это единственный действующий механизм социально-экономического стимулирования миграционного прироста, ориентированный только на одну категорию граждан — соотечественников.

В настоящее время требуется создание новых дополнительных механизмов социально-экономического стимулирования миграционного прироста отдельных категорий граждан. В связи с этим актуальным вопросом иммиграционной политики является выработка системного подхода к созданию и реализации комплекса различных специализированных многоуровневых иммиграционных программ, ориентированных на отдельные категории граждан, привлечение которых в Россию отвечает национальным интересам.

Список источников

1. *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // Парламентская газета. 2018. 2 марта.
2. *О Концепции* государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45, ст. 6917.

3. *О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом* : указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26, ст. 2820.

Е. Д. Рахмет

Правовое регулирование деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан как субъекта обеспечения безопасности дорожного движения

Правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в той сфере общественных отношений, субъектом которых они являются, осуществляется нормативной правовой базой, закрепляющей данные общественные отношения. Вопросы безопасности дорожного движения (далее — БДД) регламентируются совокупностью правовых актов, определяющих цель, задачи и принципы деятельности субъектов обеспечения безопасности дорожного движения, их основные и дополнительные функции.

Начальным звеном в сложном механизме правового регулирования общественных отношений выступают конституционные нормы. Не регулируя непосредственно вопросы БДД, являясь исходными правовыми положениями, они определяют основополагающие принципы всей законодательной базы. Так, в основе деятельности государства в сфере БДД, а также законодательства, регламентирующего вопросы обеспечения безопасности дорожного движения и саму деятельность субъектов, обеспечивающих БДД, лежат такие конституционные нормы, как обязательное официальное опубликование нормативных правовых актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан (ст. 4 Конституции); каждый имеет право на признание его правосубъектности и вправе защищать свои права и свободы всеми не противоречащими закону способами, включая необходимую оборону; каждый имеет право на судебную защиту своих прав и свобод, на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 13 Конституции); все равны перед законом и судом (ст. 14 Конституции); каждый имеет право на личную свободу; каждый задержанный, арестованный, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, ареста или предъявления обвинения (ст. 16 Конституции); достоинство человека неприкосновенно (ст. 17 Конституции); каждый имеет право на

ознакомление с затрагивающими его права и интересы документами, решениями и источниками информации (ст. 18 Конституции) [1].

Безусловно, положения Конституции РК не дают полного представления о сущности деятельности государства в сфере БДД, специфике деятельности соответствующих субъектов. Эти вопросы решаются с помощью множества правовых норм, содержащихся в правовых актах различной юридической силы:

1. Кодекс РК об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (далее — КоАП РК) содержит ряд охранительных норм (глава 30 «Административные правонарушения на транспорте, в дорожном хозяйстве»), устанавливающих административную ответственность за нарушение законодательства о БДД и относящихся к юрисдикции органов внутренних дел [2].

2. Закон РК от 17 апреля 2014 г. № 194-V ЗРК «О дорожном движении» устанавливает правовые основы и общие условия функционирования дорожного движения и обеспечения его безопасности в РК, а также компетенцию соответствующих субъектов.

3. Закон РК от 23 апреля 2014 г. № 199-V ЗРК «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» позволяет определить компетенцию органов внутренних дел в сфере обеспечения БДД. В соответствии с документом органы внутренних дел осуществляют:

- комплекс мер, направленных на выявление, изучение, устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений;
- комплекс мер по охране общественного порядка;
- государственный контроль и надзор за дорожным движением и обеспечением его безопасности;
- производство по делам об административных правонарушениях;
- контроль за соблюдением правил дорожного движения и нормативов, относящихся к обеспечению безопасности дорожного движения;
- выдачу водительских удостоверений, государственную регистрацию транспортных средств по идентификационному номеру и их учет;
- доставление в медицинские организации или органы внутренних дел лиц, находящихся в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность;
- проверку документов физических лиц, удостоверяющих их личность, а также других документов, необходимых для проверки соблюдения установленных правил, контроль за выполнением которых возложен на органы внутренних дел;

— освидетельствование лиц на предмет установления факта употребления психоактивного вещества и состояния опьянения, а при невозможности — доставление в медицинские учреждения для освидетельствования;

— остановку и досмотр транспортных средств, отстранение от управления транспортными средствами лиц, запрещение эксплуатации транспортных средств, временное ограничение или запрещение движения транспортных средств и пешеходов.

4. Постановление Правительства РК от 13 ноября 2014 г. № 1196 «Об утверждении Правил дорожного движения, Основных положений по допуску транспортных средств к эксплуатации, перечня оперативных и специальных служб, транспорт которых подлежит оборудованию специальными световыми и звуковыми сигналами и окраске по специальным цветографическим схемам» устанавливает единый порядок дорожного движения на всей территории РК, проверки технического состояния транспортных средств на предмет безопасности дорожного движения, их допуск к эксплуатации.

5. Приказ Министра внутренних дел РК от 31 марта 2020 г. № 280 «О внесении изменений и дополнений в приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 2 декабря 2014 года № 862 „Об утверждении Правил государственной регистрации и учета отдельных видов транспортных средств по идентификационному номеру транспортного средства, подготовки водителей механических транспортных средств, приема экзаменов и выдачи водительских удостоверений“».

Освещая вопросы правового регулирования БДД, важно отметить международные правовые акты, нормы которых в том или ином объеме имплементированы в национальное законодательство: Конвенцию о дорожных знаках и сигналах (8 ноября 1968 г.); Конвенцию Организации Объединенных Наций о дорожном движении (8 ноября 1968 г.); Конвенцию о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных нарушениях правил дорожного движения (28 марта 1997 г.); Соглашение о принятии единообразных условий для периодических технических осмотров колесных транспортных средств и о взаимном признании таких осмотров (13 ноября 1997 г.) и др.

В соответствии со ст. 893 КоАП РК «Добровольное исполнение постановления о наложении штрафа, предписания о необходимости уплаты штрафа» штраф подлежит уплате лицом, привлеченным к административной ответственности, не позднее тридцати суток со дня вступления постановления о наложении штрафа, предписания о необ-

ходимости уплаты штрафа в законную силу. В случае отсрочки, предусмотренной ст. 888 КоАП РК, штраф подлежит уплате лицом, привлеченным к административной ответственности, со дня истечения срока отсрочки. Штраф вносится физическим лицом или перечисляется юридическим лицом в государственный бюджет в установленном порядке с последующим уведомлением в письменной или электронной форме судьи или органа (должностного лица), вынесшего постановление о наложении штрафа, оформившего предписание о необходимости уплаты штрафа.

Проблема заключается в том, что в настоящее время процедура оплаты штрафов для физических и юридических лиц предусмотрена онлайн и офлайн через банки второго уровня либо через АО «Казахтелеком». При оплате штрафа в режиме офлайн через банки второго уровня для снятия с базы данных наложенного административного штрафа физическим лицам и представителям юридических лиц приходится снимать штрафы с базы данных по месту совершения правонарушения в подразделения административной практики Управления административной полиции. Отсутствие единой базы данных по наложенным административным штрафам между подразделениями административной практики создает дополнительные сложности гражданам и выстраивает административный барьер, усложняющий процесс регулирования отношений между гражданами и ОВД.

В соответствии с Правилами использования системы информационного обмена правоохранительных, специальных государственных и иных органов, утвержденными приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 22 декабря 2015 г. № 151, сотрудниками административной практики осуществляется проверка административных материалов по системе информационного обмена правоохранительных и специальных органов (СИО ПСО). В рамках административного дела направляется запрос на получение электронных информационных ресурсов, которые должны использоваться исключительно в целях, заявленных в запросе, а также при соблюдении законодательства РК о персональных данных и их защите [3]. По запросам, поданным в СИО ПСО, выдается информация о правонарушителе, в том числе о месте получения им доходов (через пенсионный накопительный фонд), для дальнейшего использования при запуске механизма принудительного взыскания административного штрафа согласно КоАП РК.

Процедура принудительного взыскания проводится после проверки административного материала в СИО ПСО по сведениям информаци-

онной системы «Казначейство-Клиент» Департамента Казначейства на предмет поступления суммы штрафа в доход государства в ручном режиме. Только после этого по истечении срока добровольного исполнения постановления о наложении административного взыскания (30 суток) в электронном формате по системе отправляется в Республиканскую палату частных судебных исполнителей информации для принудительного взыскания.

На практике имеют место факты направления на принудительное исполнение частным судебным исполнителям оплаченных штрафов вследствие неуведомления в письменной или электронной форме судьи или органа (должностного лица), вынесшего постановление о наложении штрафа, оформившего предписание о необходимости его уплаты.

Несмотря на то что с августа 2018 г. производится регистрация административных материалов в системе «ЕРАП», в ее работе отмечаются следующие недостатки:

- отсутствие функции по формированию статистических данных и аналитики административных нарушений;
- отсутствие возможности сформировать отчетность по количеству нарушений, по видам статей КоАП РК, на какую сумму наложено или взыскано штрафов;
- в ручном режиме административные материалы при регистрации проверяются на повторность, ограничения и т. д., в связи с чем не представляется возможным своевременно обеспечить ввод в базу данных протокола;
- отсутствие функции по формированию списков административных материалов с истекшими сроками по сокращенному производству и с истекшим сроком добровольной оплаты штрафа для направления на принудительное взыскание.

Кроме того, в настоящее время онлайн-платежи за наложенные штрафы не в полном объеме попадают в базу данных Комитета административной полиции МВД и «ЕРАП», так как не все банки второго уровня перешли на сервис платежей «Шектеу», который интегрирован с «ЕРАП».

Перечисленные обстоятельства затрудняют работу подразделений административной практики по применению административного законодательства в повседневной служебной деятельности.

Полагаем, что целесообразно интегрировать базы данных по административным штрафам между районными подразделениями и отделом административной практики. Это даст возможность при предо-

ставлении гражданами квитанции об оплате штрафа независимо от района совершения правонарушения погашать задолженность по месту обращения услугополучателя. Актуальным будет заключение соглашения между банками второго уровня, Комитетом по правовой статистике и специальным учетам при Генеральной прокуратуре РК и МВД РК об автоматическом снятии оплаченных штрафов при оплате в режиме офлайн и онлайн в базах данных «ЕРАП». Это исключит проблему повторной оплаты административного штрафа, производимой уже в принудительной форме.

Таким образом, анализ правовой основы деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения безопасности дорожного движения свидетельствует, во-первых, о множественности источников правового регулирования, во-вторых, о необходимости внесения изменений и дополнений в ряд нормативных правовых актов.

Список источников

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. URL: <https://online.zakon.kz/m/amp/document/1005029> (дата обращения: 21.04.2021).
2. О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях : закон Республики Казахстан от 28 декабря 2017 г. № 127-VI ЗПК. URL: <https://online.zakon.kz/m/amp/document/39879527> (дата обращения: 21.04.2021).
3. О персональных данных и их защите : закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V. URL: <https://online.zakon.kz/m/amp/document/31396226> (дата обращения: 21.04.2021).

В. Е. Севрюгин

Социальная функция полицейского права и ее значение в период преодоления последствий пандемии

Содержание и тенденции развития полицейского права традиционно находятся в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей общей теории права и практики правоохранительной деятельности. Европейская (континентальная) система права, основанная на признании приоритета защиты общепризнанных прав и свобод человека, оказала большое влияние на содержание международных правовых документов, положенных в основу формирования национального законодательства о полиции во многих странах мира, к числу которых относится и Россия.

Формирование российского полицейского права осуществляется не только на основе богатых правовых и исторических традиций полицейской деятельности, но и на современных международных принципах и стандартах, закрепленных в Основных принципах применения силы и огнестрельного оружия по поддержанию правопорядка 1985 г. (приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями), в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 г. (принят Генеральной Ассамблеей ООН), в Основных принципах этики полицейской службы 1979 г. (утверждены Парламентской Ассамблеей Совета Европы) и других актах, рекомендованных для использования в национальном законодательстве [1].

Первым российским законодательным актом в системе источников полицейского права, полностью соответствующим международным принципам и стандартам полицейской деятельности, считается Закон РФ от 18 апреля 1991 г. «О милиции» (далее — Закон о милиции), принятый при активном участии ученых Омской высшей школы милиции МВД СССР. Историческое значение этого прогрессивного для своего времени закона является общепризнанным фактом в научном мире [2, с. 14].

Современное законодательство о полиции является правопреемником Закона о милиции, который не только детально регламентировал полномочия сотрудников по осуществлению правоохранительной деятельности, но и заложил основы реализации социальной функции полицейского права.

Исследование теории и практики деятельности полиции связано с изучением понятия функций права и государства, определяющих особенности механизма правового регулирования защиты прав и свобод граждан, обеспечения общественного порядка и безопасности. Понятиям, содержанию, формам и методам реализации общей социальной, охранительной, регулятивной и иных функций права уделено достаточно внимания в многочисленных научных трудах современных исследователей [3, с. 27–30; 4, с. 84, 88; 5, с. 83–84].

Вместе с тем малоизученными остаются вопросы социальной функции деятельности полиции, характеризующие социальные аспекты ее отношений с гражданами, т. е. отношения, складывающиеся в процессе повседневной жизнедеятельности населения в ситуациях некриминального характера. Наиболее ярко проявляется социальная функция полицейского права в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций (далее — ЧС).

Социальная функция права в этих условиях реализуется посредством нормативного закрепления в полномочиях должностных лиц полиции юридических обязанностей по осуществлению безотлагательных мер, направленных на оказание помощи гражданам, восстановлению порядка и нормальных условий жизнедеятельности населения и территорий.

Проведенный анализ позволяет определить социальную направленность правовых норм, регулирующих обязанности полиции в ЧС. Так, пункт 7 ст. 12 Закона о полиции обязывает принимать при ЧС неотложные меры по спасению граждан, охране имущества, оставшегося без присмотра, содействовать в этих условиях бесперебойной работе спасательных служб; обеспечивать общественный порядок во время проведения карантинных мероприятий при возникновении эпидемий и эпизоотий.

Данные обязанности полиции вытекают из ст. ст. 45, 56, 72 Конституции РФ, регламентирующих осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями и ликвидации их последствий, гарантирующих государственную защиту жизни, здоровья, собственности, прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации при возникновении ЧС.

Возлагая на полицию рассматриваемые обязанности, закон не дает исчерпывающего перечня чрезвычайных ситуаций, требующих неотложного принятия указанных мер. Полиция обязана принимать неотложные меры по спасению людей, оказанию им первой медицинской помощи и охране имущества, оставшегося без присмотра, при возникновении ЧС любого вида.

Нормы права, закрепленные в пп. 1–3, 19, 29 и 38 ст. 12 Закона о полиции, обязывают полицию принимать и регистрировать сообщения о происшествиях, информировать соответствующие органы и должностных лиц, незамедлительно прибывать на места происшествий и устранять угрозы безопасности граждан, оказывать первую помощь лицам, пострадавшим от несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья.

Подобные нормы закреплены и в пп. 1–3, 38 ст. 12 и пп. 5, 7, 13, 14, 36 и 37 ст. 13 Закона о полиции. Они имеют ярко выраженную социальную направленность.

Все указанные правовые нормы, характеризующие социальные аспекты полномочий полиции, практически в полном объеме оказались востребованы при проведении в РФ широкого комплекса мер

предупредительно-профилактического характера и режимных ограничений, связанных с обеспечением общественной безопасности и санитарно-эпидемиологического благополучия населения в период пандемии коронавируса COVID-19.

Как показала практика проведения карантинных и ограничительных мероприятий, осуществляемых в процессе реализации правоохранительной и социальной функций полицейского права, законодательное закрепление полномочий полиции социального характера позволяют ей успешно решать дополнительные задачи, возникающие в чрезвычайных ситуациях природно-биологического характера, обеспечивают гуманитарный характер и законность действий полиции.

Список источников

1. *Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия.* Нью-Йорк, 1992.
2. *Закон Российской Федерации «О милиции»:* 15 лет на защите прав и свобод граждан : мат-лы науч.-практ. конф. 21 апреля 2006 г. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/justice-and-prison-reform/compendium.html/> (дата обращения: 02.03.2021).
3. *Перевалов В. Д.* Теория государства и права : учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2015.
4. *Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. М., 2016.
5. *Смоленский М. Б., Борисов Г. А., Мархгейм М. В., Тонков Е. Е.* Теория государства и права : учебник. Изд. 2-е, стер. Ростов н/Д, 2012.

А. В. Сеногноев

Применение полицией мобильных средств видеофиксации при осуществлении деятельности по охране общественного порядка

Активное развитие науки и техники, происходящее в последние десятилетия, повлияло и на правоохранительную деятельность. После реформы 2011 г. Закон о полиции расширил возможности применения средств аудио-, фото- и видеофиксации. Так, статья 11 одним из основополагающих принципов деятельности признает использование «достижений науки и техники, информационных систем, сетей связи, а также современной информационно-телекоммуникационной инфра-

структуры». Кроме того, сотрудникам полиции в той же статье дана возможность использовать «технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеофиксации, при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, а также для фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности». Однако, как показывает практика, такая возможность используется не в полном объеме. И если говорить о службе ДПС ГИБДД, где средства видеофиксации достаточно давно используются не только для документирования правонарушений, но и для контроля за поведением как правонарушителей, так и сотрудников, то другие наружные службы, такие как участковые уполномоченные полиции, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, патрульно-постовой службы полиции, в большинстве случаев лишены подобной меры обеспечения защиты их прав. Хотя именно эти категории сотрудников чаще всего сталкиваются с конфликтными ситуациями в своей повседневной деятельности. Эти происшествия нередко заключаются в неправомерных действиях со стороны как правонарушителей, так и свидетелей, очевидцев на месте происшествия и выражаются в оскорблениях, провокациях, а в ряде случаев и нападениях, угрожающих жизни и здоровью.

Существует вполне обоснованное мнение, что использование полицией средств фиксации при исполнении служебных обязанностей позволяет повысить результативность деятельности правоохранительных органов при задержании лиц, совершивших правонарушение в общественных местах; минимизировать провокационные действия со стороны правонарушителей, выражающиеся в оскорблении сотрудника полиции; ликвидировать нарушения сотрудниками полиции служебной дисциплины и превышение должностных полномочий при применении мер административного принуждения к правонарушителям; укрепить социальный статус сотрудников правоохранительных органов посредством повышения профессиональной культуры общения и служебной этики; зафиксировать доказательства фактов противоправной деятельности в отношении сотрудника полиции [1, с. 94–97].

Поддерживая данную точку зрения, считаем, что обеспечение сотрудников наружных служб полиции средствами видеофиксации станет гарантией соблюдения законности со стороны как граждан, так и полиции, а также источником объективной информации о происшествии при возникновении спорных ситуаций.

Список источников

1. *Темняков Д. А.* Использование сотрудниками полиции технических средств фото-, видеофиксации противоправных действий во время проведения массовых мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9.

РАЗДЕЛ III. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И. С. Абдуллина

Особенности квалификации мелкого хищения чужого имущества

Современное экономическое развитие общества и государства обусловило и широкое распространение противоправных деяний в отношении собственности, прежде всего, хищений чужого имущества.

Разграничение хищения чужого имущества на административное правонарушение и уголовно наказуемое преступление проводится законодателем по стоимости подвергнутого хищению имущества. Так, если стоимость похищенного не превышает 2500 рублей, то действия виновного подпадают под признаки административного правонарушения, ответственность за которое установлена КоАП РФ. Если стоимость похищенного превышает 2500 рублей, то в его действиях имеются признаки преступления, ответственность за которое наступает согласно нормам УК РФ.

Понятие «хищение» для целей как административного законодательства, так и уголовного едино. Согласно ст. 158¹ УК РФ хищение представляет собой противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или иных лиц, причинившее собственнику или владельцу имущества ущерб. Цель совершения хищения — корысть. Необходимо обратить внимание на то, что термин «мелкое хищение» не имеет законодательного определения.

Приведенное понятие «хищение» позволяет выделить следующие его признаки:

- действия виновного лица по хищению имущества посягают на чужое имущество;
- хищение может быть совершено только путем активных действий виновного лица — изъятия и (или) обращения чужого имущества в свою пользу либо в пользу третьего лица;

— действия виновного по изъятию чужого имущества носят противоправный характер и запрещены нормами действующего законодательства под угрозой наказания;

— действия виновного лица по изъятию чужого имущества являются безвозмездными и преследуют корыстную цель в виде получения материальной выгоды от своего противоправного поведения.

Основным признаком, который определяет сущность хищения, является предмет посягательства. Любое хищение посягает на имущество, принадлежащее третьему лицу, т. е. чужое имущество, которое имеет свои физические, экономические и юридические признаки.

Физические признаки имущества выражаются в его размере, форме, осязаемости и означают, что имущество представляет собой часть материального мира. Чужое имущество во время совершения хищения должно находиться в чьей-либо собственности или ином законном владении.

Ситуация 1. Виновное лицо совершает хищение имущества, которое ранее уже было похищено, и виновному об этом известно. В этом случае признаки хищения чужого имущества отсутствуют. Правовой оценке с позиции уголовного закона могут подлежать лишь факты умышленного причинения вреда здоровью лица, незаконно завладевшего имуществом (ст. ст. 111, 112 УК РФ), либо факт умышленного причинения ему смерти (ст. 105 УК РФ).

Ситуация 2. Виновный похищает имущество, которое было похищено ранее, однако самому похитителю об этом неизвестно. В данной ситуации обоснованной представляется точка зрения С. А. Елисеева, согласно которой действия виновного лица должны подлежать правовой квалификации, исходя из направленности умысла виновного на хищение чужого имущества [1, с. 49].

Объективная сторона административного правонарушения в виде мелкого хищения выражается в форме действий виновного лица по обращению чужого похищенного имущества в свою собственность либо в собственность третьих лиц. Конструкция данного административного правонарушения является материальной — хищение будет окончено с момента фактического изъятия виновным лицом чужого имущества и наличия у последнего фактической возможности распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению (произвести отчуждение данного имущества, пользоваться похищенным имуществом как своим и т. д.). Стоит заметить, что для квалификации действий виновного лица никакого правового значения не имеет продолжительность времени,

в течение которого похищенное имущество находилось во владении или пользовании нарушителя. Подобная позиция изложена в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

Противоправность действий похитителя имущества означает, что данные действия противоречат существующим в обществе правовым нормам и ответственность за них установлена санкциями конкретных статей законодательных актов.

Признаком хищения чужого имущества является и безвозмездность действий виновного лица по изъятию имущества и обращению его в свою пользу либо в пользу третьих лиц. Этот признак означает, что виновный похищает чужое имущество без какого-либо возмещения изъятых у собственника (владельца) имущества аналогичным либо его стоимости. В случае если лицо, изымая имущество у другого лица, предоставляет ему соответствующую компенсацию стоимости изъятых имущества, то говорить о хищении чужого имущества в такой ситуации не приходится.

Корыстная цель совершаемого виновным лицом хищения чужого имущества может заключаться не только в обращении похищенного в свою собственность, но и в обращении данного имущества в собственность третьих лиц, в материальном благополучии которых заинтересован виновный. Корыстная цель совершения хищения обусловлена желанием виновного нажиться за счет чужого имущества, на владение, пользование и распоряжение которым юридически он никаких прав не имеет.

Как уже отмечалось, в зависимости от стоимости похищенного имущества ответственность за совершение данного правонарушения может быть предусмотрена нормами административного либо уголовного законодательства. Так, при стоимости похищенного чужого имущества не более 2500 рублей действия похитителя подлежат квалификации по ст. 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение».

Статья 7.27 КоАП РФ сконструирована из двух частей, где ч. 1 устанавливает меры административно-правового воздействия в отношении лица, похитившего чужое имущество стоимостью не более 1000 рублей. Часть 2 предусматривает квалифицированный состав мелкого хищения, ответственность устанавливается за хищение чужого имущества стоимостью до 2500 рублей.

В статье 7.27 КоАП РФ законодатель определил способы, посредством которых может совершаться мелкое хищение. В целом они аналогичны способам хищения по уголовному законодательству и представ-

лены кражей, мошенническими действиями виновного лица, растратой вверенного виновному лицу имущества, а равно присвоением такого имущества.

В качестве субъекта административной ответственности, предусмотренной ст. 7.27 КоАП РФ, выступает физическое 16-летнее вменяемое лицо, т. е. субъект административного правонарушения — общий.

Единственным значимым различием между административным правонарушением и преступлением в виде хищения выступают степень общественной опасности данных деяний и сам предмет покушения (стоимость похищенного имущества).

УК РФ предусматривает также новую уголовно-правовую норму, устанавливающую уголовную ответственность за два административных правонарушения (административная преюдиция).

Список источников

1. *Елисеев С. А.* Хищение похищенного: проблемы квалификации // Уголовное право. 2008. № 1.

А. Р. Акиев

Проблемы юридической ответственности за управление водителем транспортным средством в состоянии опьянения

Автомобильный транспорт занимает одно из центральных мест в сфере пассажироперевозок и грузоперевозок в России и в мире. Однако, как любое достижение современной цивилизации, транспорт несет в себе и определенные угрозы, такие как дорожно-транспортные происшествия (далее — ДТП) и их последствия [1, с. 55].

Стоит заметить, что проблема обеспечения безопасности дорожного движения в РФ на протяжении многих лет остается одной из наиболее острых и актуальных. Так, по данным статистики Госавтоинспекции РФ, в 2020 г. произошло 145 073 ДТП, из них 14 481, или 10%, — это ДТП с участием водителей, находившихся в состоянии опьянения. Ежегодно в России по вине таких водителей гибнут люди. Только в 2020 г. в ДТП с участием водителей, управлявших транспортными средствами в состоянии алкогольного или иного опьянения, погибло 4064 человека, ранения получили 19 044 человека [2].

Действующее российское законодательство предусматривает два основных вида юридической ответственности для лиц, управляющих

ТС в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического, иного токсического), т. е. непосредственно за сам факт управления водителем ТС в состоянии опьянения, когда такое деяние не повлекло каких-либо негативных последствий (человеческих жертв, вреда имуществу и пр.): административную — ст. ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ, уголовную — ст. 264¹ УК РФ.

В целях обеспечения безопасности дорожного движения, а также противодействия рассматриваемому виду правонарушений на законодательном уровне наблюдается тенденция к постепенному усилению мер юридической ответственности за управление ТС в состоянии опьянения. Например, в 2013 г. в санкциях ст. ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ был увеличен размер административного штрафа до фиксированной суммы в 30 000 рублей, а также минимальный срок наказания в виде административного ареста — теперь он не может быть назначен менее чем на 10 суток [3]. В 2014 г. за повторное управление лицом транспортным средством в состоянии опьянения (а равно за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, либо подвергнутым ранее административному наказанию за правонарушения, предусмотренные ст. ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ, была введена уголовная ответственность (ст. 264¹ УК РФ) [4].

Несмотря на предпринимаемые законодателем меры, принципиальным образом ситуация в сфере ДТП с участием лиц, находящихся в состоянии опьянения, в нашем государстве не меняется в лучшую сторону. Например, количество ДТП с участием водителей, находившихся в состоянии опьянения, на территории РФ в 2019 г. составило 15 760, в 2018 г. — 16 458, что не многим отличается от аналогичного показателя по ДТП за 2020 г. [2].

Считаем, что для эффективного противодействия рассматриваемому виду противоправных деяний в России на законодательном уровне необходимо предпринять более радикальные меры, направленные, прежде всего, на усиление юридической ответственности за управление ТС в состоянии опьянения.

В настоящее время в России за совершение рассматриваемых видов противоправных деяний установлены весьма лояльные меры юридической ответственности. Так, санкции ст. ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ налагают административный штраф в размере 30 000 рублей с лише-

нием права управления ТС на срок от 1,5 до 2 лет, а для лиц, к которым административный штраф не применяется, — административный арест на срок от 10 до 15 суток. В санкции ст. 264¹ УК РФ предусмотрены такие виды уголовных наказаний, как штраф в размере от 200 000 до 300 000 рублей, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет, обязательные работы на срок до 480 часов, принудительные работы на срок до 2 лет, лишение свободы на срок до 2 лет. В то время как, например, в Германии штраф за езду в нетрезвом виде составляет 500 евро, второе нарушение обойдется виновному лицу в 1000 евро, а третье — в 3000 евро. В Сингапуре практикуются телесные наказания: нетрезвого водителя могут выпороть палкой. Кроме того, он обязан будет выплатить штраф в размере 200–230 сингапурских долларов. В Японии привлекают к юридической ответственности не только самих пьяных водителей, но и пассажиров. Если водитель окажется нетрезвым, каждый его совершеннолетний пассажир должен заплатить штраф, эквивалентный 3000 долларов [5].

Таким образом, целесообразно установление на законодательном уровне более строгих требований к восстановлению права на управление транспортным средством для водителей, лишенных такого права вследствие совершения анализируемых видов правонарушений. Прежде всего, таких лиц следует подвергать диагностике на факт употребления ими алкоголя и наркотических средств при прохождении медицинской комиссии в процессе оформления медицинской справки, а также процедуре медицинского освидетельствования на состояние опьянения, например, один раз в квартал в течение 1 года после восстановления права на управление транспортным средством.

Список источников

1. Соколов Д. В., Колузакова Е. В. Актуальные проблемы обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 5–2.
2. Официальный сайт Госавтоинспекции России. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 16.04.2021).
3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона «О безопасности дорожного движения»: федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение

правонарушений в сфере безопасности дорожного движения : федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. URL: https://ratel.kz/outlook/kak_v_raznyh_stranah_mira_nakazyvajut_za_ezdu_v_netrezvom_vide (дата обращения: 18.04.2021).

И. Н. Астафьев

О полицейском контроле за исполнением судебного запрета на использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет

В период судебного разбирательства в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления (далее — подозреваемый (обвиняемый)) по судебному решению в качестве меры пресечения может быть избран домашний арест (ч. 1 ст. 107 УПК РФ) и запрет определенных действий (ч. 1 ст. 105¹ УПК РФ). При избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий суд может возложить запрет на использование подозреваемым (обвиняемым) информационно-телекоммуникационной сети Интернет (п. 5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ).

В соответствии с Указом Президента РФ от 30 марта 2012 г. № 351 осуществление функции по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений возложено на Федеральную службу исполнения наказаний, а именно — на уголовно-исполнительные инспекции [1].

Контроль за исполнением подозреваемыми (обвиняемыми) запрета на использование средств связи и сети Интернет для сотрудников уголовно-исполнительной инспекции сложен в практической реализации в связи с отсутствием полномочий на получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, по проведению контроля и записи переговоров, наложению ареста на почтово-телеграфные отправления и по проведению выемки [2, с. 100–102; 3, с. 70–75; 4, с. 15–18; 5, с. 76–81].

Авторами научных исследований предлагаются различные способы исполнения запрета на использование сети Интернет. Например, С. В. Озёрский видит выход из сложившейся ситуации в применении подавителей (блокаторов) сигналов мобильной связи и сети Интернет

[6, с. 217–221], А. А. Максуров выступает за блокировку аккаунтов социальных сетей [7, с. 70–82]. Представляется, что предлагаемые меры не могут в настоящее время быть применены в связи с тем, что они не предусмотрены в ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а их техническая реализация может привести к ограничениям прав совместно проживающих лиц на доступ к сети Интернет.

На наш взгляд, одним из вариантов решения рассматриваемой проблемы может быть возложение полномочий по контролю за исполнением судебного запрета на использование подозреваемыми (обвиняемыми) сети Интернет на сотрудников полиции, осуществлявших оперативное сопровождение обвинения по конкретному уголовному делу, т. е. на субъектов, наделенных правом проводить оперативно-розыскные мероприятия.

Список источников

1. *О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 : указ Президента РФ от 30 марта 2012 г. № 351.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Жиляев Р. М., Строгович Ю. Н.* О некоторых проблемах правового и организационного характера, возникающих при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста // Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2017. Вып. 5, ч. 1.

3. *Жиляев Р. М., Строгович Ю. Н.* К вопросу о необходимости оперативно-розыскного обеспечения исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сб. тезисов выступлений и докладов участников междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2018.

4. *Жиляев Р. М., Медведева И. Н.* Проблемы обеспечения контроля за лицами, в отношении которых избраны меры уголовно-процессуального пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 4(35).

5. *Жиляев Р. М., Егорова И. П.* Домашний арест: проблемы правоприменения (по материалам ранее проведенного научного исследования) // Уголовно-исполнительные инспекции: история, современное состояние и вопросы совершенствования деятельности : сб. мат-лов круглого стола, посвящ. 100-летию создания уголовно-исполнительных инспекций. М., 2019.

6. Озёрский С. В. Эффективность применения электронных и иных технических средств контроля при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста // Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИИ России. Самара, 2017.

7. Максуров А. А. Правовые проблемы принудительной блокировки аккаунтов администрацией социальной сети // Гражданин и право. 2021. № 4.

С. Ю. Балмочных

К вопросу о привлечении к административной ответственности несовершеннолетних

Вопросы привлечения к административной ответственности несовершеннолетних являются актуальными уже многие годы. Способствует этому и то, что количество совершенных ими правонарушений на протяжении последних лет достаточно высоко. Только за 2019 г. до 145 тыс. увеличилось количество несовершеннолетних, которые были поставлены на различные учеты в подразделениях по делам несовершеннолетних. При этом более 70 тыс. из них совершили административные деликты до 16-летнего возраста [1]. В 2019 г. 3,8% всех раскрытых в России преступлений совершены подростками либо при их участии. Кроме того, наблюдается угрожающая тенденция — возросло количество тяжких и особо тяжких преступлений среди несовершеннолетних. Если в 2018 г. их было 9716, то в 2019 г. — 10 113 [2].

Анализ статистических данных показал, что уровень подростковой жестокости в последние годы увеличился, однако возраст привлечения их к ответственности за совершаемые ими правонарушения и преступления остался неизменным. Действующая редакция КоАП РФ указывает, что административной ответственности подлежит только лицо, которому исполнилось 16 лет на момент совершения преступления. До достижения указанного возраста административную ответственность за несовершеннолетнего несут его родители или законные представители.

Стоит отметить, что вопрос понижения возрастного критерия привлечения несовершеннолетних к административной ответственности периодически поднимается не только учеными-административистами, но и законодателями [3]. Вместе с тем изменений в нормах КоАП РФ, устанавливающих возраст привлечения к административной ответственности несовершеннолетних, так и не последовало. На наш взгляд, те не-

совершеннолетние, которые были освобождены от административной ответственности по причине недостижения 16-летнего возраста, в силу своих возрастных и морально-психологических особенностей могли в должной мере не осознавать, почему они избежали административного наказания. Указанное обстоятельство способствует тому, что они могут совершить повторное административное правонарушение или, что вызывает наибольшее опасение, уголовное преступление.

Мы солидарны с позицией секретаря Совета безопасности РФ Н. Патрушева в том, что пропагандируемая социальными сетями криминальная субкультура способствует девиантному поведению подростков [4].

Имеющиеся проблемы указывают на необходимость формирования конструктивных подходов к организации работы по профилактике преступности несовершеннолетних, принятия дополнительных мер по стабилизации ситуации в данной сфере. В связи с этим Правительством РФ разработаны и приняты распоряжением от 22 марта 2017 г. № 520-р Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года и План мероприятий на 2017–2020 годы по реализации Концепции [5].

Происходящие в настоящее время изменения в общественных и социально-экономических отношениях современной России приводят к выводу, что необходимо не только снижать возраст привлечения к административной ответственности несовершеннолетних на законодательном уровне, но и усиливать работу, направленную на ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей. Для этого в подростковой среде необходимо особое внимание уделять воспитательной функции административной ответственности несовершеннолетних посредством преобладания в ней мер морально-нравственного воздействия.

Список источников

1. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 03.04.2021).
2. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 03.05.2021).
3. О внесении изменений в главу 2 КоАП РФ (в части уточнения возраста, по достижении которого наступает административная ответственность) : законопроект № 442510-6. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2021).
4. URL: <https://rg.ru/2020/04/20/genprokuratura-soobshchila> (дата обращения: 14.04.2021).
5. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2 (дата обращения: 12.04.2021).

К. К. Бекмурзинова

Использование материалов, полученных с помощью средств видеофиксации, в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения

Ежегодно вместе с увеличивающимся количеством совершаемых административных правонарушений в области дорожного движения благодаря техническому прогрессу появляются новые способы выявления и фиксации нарушений правил дорожного движения (далее — ПДД). Один из основных способов фиксации административных правонарушений в области дорожного движения — видеофиксация. Она подразумевает киносъемку, видеозапись специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, либо иными специальными средствами с аналогичными функциями.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ» разъясняется, что автоматический режим фиксации административных правонарушений предполагает работу технического средства без какого-либо воздействия на него человека, когда такое устройство размещено в установленном порядке в стационарном положении либо на движущемся по утвержденному маршруту транспортном средстве и осуществляет фиксацию в зоне своего обзора всех административных правонарушений, для выявления которых оно предназначено, независимо от усмотрения того или иного лица.

Средства видеофиксации в производстве по делам об административных правонарушениях используются широким кругом участников: потерпевшими, правонарушителями, сотрудниками ГИБДД. Наиболее распространенными техническими средствами, имеющими функции киносъемки и видеозаписи, применяемыми в процессе доказывания по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, являются: мобильный телефон, видеорегистратор, видеокамера и др. Полученные материалы видеофиксации с помощью данных технических средств могут быть приобщены к материалам дела в качестве доказательств.

С помощью записей средств видеофиксации можно установить широкий круг обстоятельств, подлежащих выяснению по делу об административном правонарушении в соответствии со ст. 26.1 КоАП РФ,

а именно: наличие события административного правонарушения; лицо, совершившее противоправное деяние; виновность лица и др.

Современные тенденции использования материалов, полученных с помощью средств видеофиксации, в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения позволяют сделать вывод о расширении практики использования видеоматериалов, полученных с помощью видеозаписывающей аппаратуры, в качестве доказательств; большинство совершаемых административных правонарушений рассматриваемой категории фиксируется специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме с функцией киносъемки, видеозаписи; в деятельности сотрудников ГИБДД отсутствует единая нормативная база, регламентирующая использование средств видеофиксации, в частности видеорегистраторов.

В целях оптимизации процесса доказывания, расширения практики использования материалов, полученных с помощью средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, предлагается внести изменения в ст. 2.6.1 КоАП РФ. Считаем необходимым дополнить норму возможностью привлечения к административной ответственности за отдельные виды административных правонарушений, предусмотренных главой 12 КоАП РФ, в случае их фиксации гражданами, зарегистрированными в федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» и использующими специализированное программное обеспечение с применением технических средств, имеющих функции видеозаписи. Кроме того, следует определить роль использования средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, в частности видеорегистраторов, в административно-юрисдикционной деятельности, расширив круг доказательств, дополнив главу 26 КоАП РФ новым видом доказательств — ст. 26.8.1 «Показания средств фото- и видеофиксации».

И. Б. Бокова

Осуществление сотрудниками органов внутренних дел (полиции) административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы

Развитие системы профилактики рецидивной преступности и института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как одной из основных форм оказания индивидуального профилактического воздействия полиции на лиц, ранее имевших криминальный опыт совершения преступлений, относится к приоритетным направлениям служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел (полиции). На реализацию мероприятий в указанной сфере ориентированы нормы действующего законодательства и нормативные правовые акты МВД России.

Административный надзор позволяет ОВД осуществлять наблюдение за соблюдением определенными категориями лиц, ранее совершавших преступления и отбывших наказание в местах лишения свободы, временных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением ими обязанностей, определенных Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее — Закон).

Закон предоставляет сотрудникам ОВД основной инструментарий в борьбе с рецидивной преступностью, его применение позволяет выполнять задачу по предупреждению повторных противоправных деяний со стороны поднадзорных лиц. При этом в целях повышения эффективности данного направления служебной деятельности имеющиеся средства нуждаются в совершенствовании.

Для поиска наиболее результативных путей реформирования правового института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, можно обратиться к опыту зарубежных стран. Например, в соответствии с Законом Франции от 17 декабря 2004 г. лица, совершившие сексуальные преступления и отбывавшие наказание в виде лишения свободы сроком пять и более лет, после освобождения обязаны носить электронные средства наблюдения (электронный браслет). При этом срок их использования не уточняется. Аналогичная практика имеется и в других западных странах. В России подобные технологии в настоящее время применяются только для контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением

подозреваемым (обвиняемым) возложенных судом запретов, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог.

В научном сообществе ведется дискуссия о возможности применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц при осуществлении административного надзора за освобожденными из мест лишения свободы. Это новшество потребует решения ряда законодательных и организационных вопросов. В первую очередь, необходима правовая регламентация применения данных средств в отношении поднадзорных лиц путем внесения соответствующих изменений в Закон, в том числе должны быть определены основания, сроки и порядок их использования, а также категории поднадзорных лиц, к которым они могут применяться. Полагаем, что таковыми должны стать лица, совершившие преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего. Следует отметить, что осуществление сотрудниками ОВД наблюдения за соблюдением указанной категорией поднадзорных возложенного на них административного ограничения в виде запрещения пребывания в определенных местах (например, запрещение пребывания в дошкольных, школьных учреждениях и иных местах массового нахождения несовершеннолетних) достаточно затруднено и нередко носит формальный характер.

Кроме правовой регламентации, внедрение таких электронных средств потребует приобретения дорогостоящего оборудования и устройств, обучения сотрудников, а также решения других организационных вопросов. При этом внедрение и применение таких средств наблюдения за поднадзорными лицами будет эффективным подспорьем органам внутренних дел (полиции), осуществляющим административный надзор.

Таким образом, усовершенствование инструментария, а именно введение новых средств контроля в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в отношении которых установлен административный надзор, позволит органам внутренних дел повысить эффективность контроля за поднадзорными и будет способствовать предупреждению совершения ими повторных противоправных деяний.

М. А. Бучакова

Федеральный государственный миграционный контроль (надзор)

Федеральный государственный миграционный контроль (надзор) является одним из важных направлений государственной миграционной политики, что обусловлено ростом незаконной миграции, числа правонарушений, совершаемых лицами данной категории. Противодействие незаконной миграции, профилактика миграционных правонарушений неразрывно связаны с эффективностью осуществления государственного контроля (надзора) в исследуемой сфере. Исходя из миграционного законодательства можно выделить два направления деятельности федерального контроля (надзора): за пребыванием и проживанием иностранных граждан в РФ и за трудовой деятельностью иностранных работников.

Функция федерального государственного контроля в сфере миграции отнесена к полномочиям органов внутренних дел. Именно они, являясь органами исполнительной власти, осуществляют правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в рассматриваемой сфере.

В 2016 г. произошли организационно-штатные изменения в деятельности государственных органов, осуществляющих полномочия в сфере миграции: полномочия от Федеральной миграционной службы были переданы органам внутренних дел. Полагаем, что данное реформирование способствовало повышению эффективности федерального государственного контроля (надзора). Так, Положением об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, утвержденным постановлением Правительства РФ от 13 ноября 2012 г. № 1162, закреплён комплекс мероприятий, выполняемых должностными лицами в процессе осуществления данного вида контроля (надзора), к числу которых относятся:

а) беспрепятственный осмотр территории в целях установления факта нахождения иностранных граждан или лиц без гражданства на территории проверяемого объекта (при проведении выездной проверки);

б) проверка соблюдения положений миграционного законодательства РФ, в том числе определение законности пребывания и соблюдения установленного порядка осуществления иностранными гражданами или лицами без гражданства трудовой деятельности, а также порядка привлечения иностранных работников в Российскую Федерацию и использования их труда;

в) получение на основании мотивированного письменного запроса информации и документов, являющихся объектами или относящихся к предмету документарной проверки;

г) фиксирование в установленном порядке выявленных фактов нарушения миграционного законодательства Российской Федерации.

Из приведенного перечня действий становится понятно, что выполнять он должен профессионально подготовленными должностными лицами, какими являются сотрудники полиции, обладающие необходимыми навыками и умениями.

В настоящее время оценить эффективность контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции весьма сложно в связи с закрытием государственных границ, запретом на въезд иностранных граждан из-за угроз распространения COVID-19. В научной литературе также отмечается, что в данный момент Россия характеризуется низкой экономической привлекательностью для мигрантов.

В целом в современных условиях незаконная неконтролируемая миграция модифицируется, приспособляясь к сложившимся общественным отношениям. Между тем Россия заинтересована в ежегодном притоке мигрантов в количестве 250–300 тыс. человек для восполнения естественной убыли населения страны. В связи с этим необходим гибкий подход к разрешению комплекса проблем, связанных с миграцией населения. С одной стороны, стоит вопрос об усилении контрольно-надзорной функции в целях сокращения числа лиц, находящихся незаконно на территории страны, с другой — привлечения иностранных работников для осуществления трудовой функции, решения демографической проблемы, в том числе посредством переселения соотечественников.

Данная деятельность может быть более эффективной путем совершенствования цифровых технологий. Они позволят создать единую систему учета и управления персональными данными иностранных граждан и лиц без гражданства, включающую всю информацию о фактах пересечения ими Государственной границы РФ, пребывания и выезда за ее пределы.

А. В. Веренич

Правовой анализ административной ответственности за нарушение прав детей членами семьи

Конституализация Российского государства требует соблюдения прав и свобод граждан. Особое внимание в Основном законе уделяется

защите прав детей. При этом в России ежегодно регистрируется значительное количество нарушений прав этой наиболее незащищенной категории жителей страны.

Так, в период 2017–2020 гг. в отношении несовершеннолетних совершено около двух миллионов административных правонарушений. Несмотря на усилия, предпринимаемые государством, говорить о стабилизации ситуации в данной сфере не приходится. Это требует особого подхода к профилактике правонарушений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, а также защите и восстановлению их прав. Одной из главных проблем таких правонарушений является их латентность, особенно если противоправные деяния совершаются в семье. Однако в действующем законодательстве РФ отсутствует понятие «семья», хотя данный термин широко используется как в нормативных правовых актах, так и в научной литературе. Из анализа законодательства следует, что в настоящее время имеется определение только понятия «семья», и то оно имеет узконаправленный характер. Исходя из норм Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» можно заключить, что семья — это лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство.

Обязанности по надлежащему воспитанию, содержанию, обучению, защите прав детей законодательно возложены на родителей или законных представителей и предусматривают как административную, так и уголовную ответственность за их неисполнение. Вместе с тем в России большое количество детей проживает в так называемых неполных семьях, где воспитанием занимается один из родителей. По данным Росстата, в 5 087 048 семьях дети воспитываются одной матерью, в 654 969 — одним отцом. В большинстве случаев родители, единолично воспитывающие детей, повторно вступают в брак, создавая сводные семьи. Хотя в такой ситуации дети и проживают в семье, надлежащее исполнение обязанностей по воспитанию возлагается только на родителей или законных представителей, что исключает проведение превентивной профилактической работы с отчимом или мачехой в случае оказания с их стороны отрицательного влияния на ребенка путем ведения антиобщественного образа жизни, употребления спиртных напитков или наркотических веществ. Полагаем, что воспитание представляет собой обязанность не только родителей или законных представителей, но и членов семьи. Неприятие своевременных профилактических мер к членам семьи ребенка часто приводит к нарушению его прав и интересов, что в целом влияет на деформацию личности ребенка, сложностям социальной адаптации

в обществе, всплеску преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Заметим, что реализация правовых гарантий несовершеннолетнего проявляется не только в государственной поддержке, но и в применении к лицам, нарушившим права ребенка, различных видов ответственности. Несомненно, что именно административная ответственность имеет превентивный характер. Применение мер административной ответственности нацелено на защиту прав общества и предупреждение новых правонарушений. Как справедливо отметил И. А. Галаган, административная ответственность неразрывно связана с отправлением функций государства по защите прав и свобод, интересов всего общества [1, с. 104–105]. Мы солидарны с автором, добавим лишь, что приоритетным направлением является защита прав несовершеннолетних. Именно своевременное принятие профилактических мер способствует оперативному прекращению нарушения прав детей, при необходимости их восстановление.

Предлагаем под «воспитанием членами семьи» понимать «надлежащее воспитание и заботу о детях, рожденных как в браке, так и вне его, как равное право и обязанность супругов».

Внесение соответствующих изменений и дополнений в действующее административное законодательство РФ позволит более эффективно осуществлять профилактическую работу не только с родителями или законными представителями несовершеннолетних, но и с членами их семей, а также своевременно применять меры административного характера для обеспечения защиты прав и законных интересов детей.

Список источников

1. *Галаган И. А.* Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование) // Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2010.

О. С. Гоман

Исполнение административного наказания в виде конфискации оружия: проблемы и перспективы

Конфискация оружия в административном законодательстве рассматривается как вид административного наказания, состоящий в принудительной безвозмездной передаче права собственности на указанный предмет РФ по решению суда.

КоАП РФ и Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» полномочиями по исполнению решений суда о конфискации оружия и боеприпасов наделены территориальные органы федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции в сфере деятельности Росгвардии.

По общему правилу вопросами реализации конфискованных объектов занимается Росимущество (его территориальные органы). С учетом установленного Порядка для целей распоряжения имуществом указанный орган осуществляет его учет, оценку, экспертизу и последующее распоряжение. Для реализации установленных полномочий государственный орган, у которого находится конфискованное оружие, должен проинформировать Росимущество о месте его нахождения и передать его по акту приема-передачи [1].

Необходимо упомянуть Протокол трехстороннего совместного совещания Росимущества, МВД России и Росгвардии от 15 марта 2018 г. № 33, которым определены некоторые особенности распоряжения конфискованным оружием. Например, в Росимущество (его территориальные органы) должно передаваться оружие, которое является оборотоспособным для целей реализации. Заключение об оборотоспособности оружия должно осуществляться до передачи в Росимущество.

Ряд регионов России, такие как Волгоградская область, Удмуртская Республика, используют указанный порядок реализации конфискованного оружия [2].

Однако в некоторых субъектах РФ постановления о конфискации оружия и патронов не исполняются. Так, в Новосибирской области спор о том, какой государственный орган должен непосредственно распорядиться конфискованным оружием, решался в судебном порядке. Ленинским районным судом г. Новосибирска в 2019 г. было принято решение [3] о признании незаконными действий Росгвардии по передаче в территориальное управление Росимущества оружия, конфискованного в доход государства, для его последующей реализации. Суд указал на то, что распоряжение конфискованным оружием не входит в полномочия данного государственного органа.

Вся процедура в действующем законодательстве, на первый взгляд, выглядит достаточно логичной и последовательной. Однако при ее практической реализации возникают существенные проблемы и неоднозначность толкования.

В настоящее время в местах хранения образовался огромный арсенал конфискованного оружия, потенциально исправного, возможного

к реализации с поступлением денежных средств в доход государства. Например, только в Омской области с 2019 г. конфисковано более 1500 единиц оружия, которые хранятся на складах в ОВД.

Потребность в решении указанных проблем назрела уже давно. Необходимость доурегулирования данных вопросов с помощью актуализации нормативных правовых актов очевидна. Применение современных технологий, возможность реализации оружия через электронные площадки, создание межведомственных комиссий на уровне регионов, которые смогут оперативно решать текущие задачи, распределение финансовой нагрузки по бюджетам ведомств и т. д. — все это позволит исполнять административное наказание в виде конфискации оружия в полном объеме.

Список источников

1. *О распоряжении имуществом, обращенным в собственность государства* : постановление Правительства РФ от 23 сентября 2019 г. № 1238 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 39, ст. 5437.
2. URL: <https://www.rosim.ru/activities/realization/confiscat> (дата обращения: 16.04.2021).
3. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UT4nk7wOdh1R/> (дата обращения: 16.04.2021).

Л. Х. Давлетшина

Вопросы применения полицейской силы в России и зарубежных странах

В условиях криминогенной обстановки, антитеррористической защиты, агрессивности и яростного сопротивления полицейским государства разных стран используют различные физические и специальные средства для защиты общественности и самих полицейских.

В России важное место в системе применения полицейской силы занимают меры административного принуждения для защиты интересов отдельных лиц, общества и государства от незаконного вмешательства. Для достижения вышеуказанных целей основой правовой регламентации стал Закон о полиции, где отдельной главой выделены право на применение, порядок, запреты и ограничения, а также гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника полиции. Если в отношении применения физической силы и огнестрельного оружия законодателем четко регламентирован порядок в строго обусловленных формах, то в отношении специальных средств в п. 2 ст. 21 содержится отсылка к пре-

дыдущим пунктам. По мнению автора, совершенный тот закон, где четко и научно регламентировано, что можно и в каких случаях. Отметим, что нередко сотрудник полиции действует без промедления для предотвращения серьезных последствий для окружающих, для него самого и пресечения правонарушения.

В момент совершения противоправных действий третьих лиц сотруднику полиции перед применением специальных средств придется открыть Закон о полиции, найти подходящую главу и пункты, указывающие, при каких случаях возможно применение какого-либо специального средства, а также нормативную базу для дополнительного изучения понятий, относящихся к средствам сковывания движений либо средствам разрушения преград и т. п.

Полагаем, что крайне ненаучно относить к специальным средствам одушевленные предметы — служебных животных. Законодателю необходимо отнести отдельным пунктом служебных животных к особым (специальным) объектам, которые могут применяться сотрудниками полиции наряду со специальными средствами.

В Законе Республики Беларусь «О милиции» (далее — Закон РБ о милиции) есть два аспекта, разительно отличающихся от российского Закона о полиции. Во-первых, белорусский милиционер имеет право применить огнестрельное оружие, если третье (угрожающее) лицо пытается подойти слишком близко и достать что-либо из одежды или ручной клади. Во-вторых, в Законе РБ о милиции прописан запрет на использование огнестрельного оружия в направлении строений, в которых хранятся огнеопасные, взрывоопасные и сильнодействующие ядовитые вещества [1, с. 438–447].

За рубежом, как правило, применять специальные силы имеют право полицейские, жандармерия и карабинеры. Во Франции, наряду с Национальной полицией, действует и Национальная жандармерия. Между тем власти Франции на законодательном уровне распределили зоны ответственности так, что жандармерии отведено обеспечение безопасности в пригородных зонах, сельской местности и на путях сообщения, полиции отданы все крупные города. Вместе с тем процедура применения оружия Национальной полицией и Национальной жандармерией идентична. После первого приказа разойтись полиция должна объявить предупреждение во второй раз, после чего может использовать предусмотренные законом специальные средства в целях рассеивания толпы, в третий раз имеет право применить оружие [2, с. 124–131].

Один из экспертов России по правоохранительным органам США Е. Зимин в интервью «Российской газете» раскрыл перечень применяемых полицейскими США специальных средств, обозначив и малоизвестное в России устройство «Тэйзер», позволяющее парализовывать человека на расстоянии до 10 метров с помощью дистанционного электрического разряда [3].

В Республике Чили использование силы и оружия карабинерами регламентировано Законом 1990 г. № 18.961 «О карабинерах Чили» и другими актами [4]. Наиболее интересными исследованиями представляются научные труды К. К. Гасанова, который отмечает, что «карабинер может использовать служебную дубинку для подавления агрессии со стороны правонарушителя, действующего „голыми руками“; может применить огнестрельное оружие, если правонарушитель использует холодное или огнестрельное оружие» [5, с. 251–253]. Карабинеры Чили могут использовать медиацию, переговоры, убеждения.

В обеспечении функций безопасности в Итальянской Республике важную роль играет Корпус карабинеров. Правовую основу их деятельности составляет Полевой устав. Итальянская система карабинеров имеет сходство с французской — действует тот же метод разделения по территориальности. В Италии полиция и карабинеры могут использовать оружие только при острой необходимости, когда применяемые меры соразмерны ситуации [6, с. 38–44].

Как показало изучение зарубежного опыта использования полицейских сил, в структуре правоохранительных органов многих стран мира есть специальные подразделения, обеспечивающие проведение различных спецопераций. Полагаем, что можно использовать зарубежный опыт применительно к российской правоохранительной системе и выработать единый регламент применения специальных средств особого назначения.

Список источников

1. Ботвина В. В. E-Scio. 2020. № 5(44).
2. Андреева И. А. Закон о национальной жандармерии Франции от 3 августа 2009 г.: новая веха в истории Франции // Российский юридический журнал. 2013. № 3.
3. URL: <https://rg.ru/2014/08/21/zimin.html> (дата обращения: 02.03.2021).
4. URL: https://leyes-cl.com/organica_constitutional_de_carabineros_de_chile.html (дата обращения: 02.03.2021).
5. Гасанов К. К. О некоторых аспектах использования силы и оружия карабинерами Республики Чили // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7.

6. *Касаткина А. А.* Правовые основы деятельности Корпуса карabinеров, его основные задачи и функции в обеспечении публичной безопасности Италии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3.

С. Г. Денисенко

Полицейское усмотрение при квалификации административных правонарушений и передаче дел о них на рассмотрение судье

При осуществлении административной деятельности сотрудники органов внутренних дел нередко оказываются в ситуации, требующей принятия решения из нескольких возможных. В связи с этим вопросы природы, оснований, пределов и границ полицейского, а ранее милицейского, усмотрения вот уже несколько десятилетий находятся в центре внимания ученых-административистов, труды которых способствовали формированию современного российского полицейского права [1, с. 62–65; 2, с. 229–234; 3, с. 125–134; 4, с. 62–73; 5, с. 77–84; 6, с. 5–15]. Вместе с тем динамизм развития административного и административно-деликтного законодательства и формирующаяся на основе их новелл правоприменительная практика побуждают вновь и вновь обращаться к тем или иным аспектам усмотрения, в том числе его использования при квалификации административных правонарушений и передаче дел по ним на рассмотрение судье.

В большинстве случаев основанием для составления протокола об административном правонарушении является установление сотрудником органов внутренних дел факта нарушения, за которое КоАП РФ либо законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Однако уже сама предварительная оценка противоправного деяния, которая по своей сути представляет контурную квалификацию административного правонарушения, может закончиться как составлением протокола об административном правонарушении, так и принятием решения ограничиться в отношении нарушителя устным замечанием. Особенно это проявляется в тех случаях, когда подлежащая применению норма административно-деликтного законодательства содержит оценочные понятия. И то, что одним сотрудником ОВД будет расценено как достаточное основание для составления протокола об административ-

ном правонарушении, другим будет восприниматься как малозначительное нарушение, не требующее официального процессуального оформления. При этом исходные контуры деяния будут неизменными, но в одном случае правоприменитель придет к выводу о наличии признаков административного правонарушения, в другом «не увидит» их.

На избирательность принимаемых сотрудниками ОВД решений на этапе контурной квалификации административного правонарушения могут влиять различные факторы, например, погрешности юридической техники при конструировании норм административно-деликтного законодательства, недостаточная квалификация правоприменителей. Существенное воздействие на активность сотрудников ОВД по выявлению ими административных правонарушений оказывает и практика оценки их административной деятельности на основе сравнения показателей за аналогичный период времени. В связи с этим сотрудники ОВД, достигнув показателей аналогичного по времени прошлого периода, снижают активность, чтобы не завышать планку показателей на будущий период. Таким образом, ведомственные интересы, основанные на практике оценки показателей за аналогичный период времени, в определенной степени объясняют нежелание составлять протокол об административном правонарушении даже в тех случаях, когда не увидеть в деянии признаки административного правонарушения сложнее, нежели наоборот.

Отметим, что дискреционный характер решений о составлении либо о несоставлении протокола об административных правонарушениях вытекает уже из того, что в отличие от преступлений, подлежащих обязательной регистрации, аналогичных требований по регистрации каждого совершенного административного правонарушения нет. В значительной степени количество процессуально оформленных материалов об административных правонарушениях является не только отражением уровня административной деликтности, но и оценкой уровня организации административно-юрисдикционной деятельности уполномоченных на то органов и их должностных лиц.

Одним из вопросов, решение которого послужит формированию единой правоприменительной практики, представляется устранение неясности, имеющей место при определении того, в каком случае целесообразен переход от внесудебного к судебному порядку рассмотрения дел об административных правонарушениях, для которых законодателем установлена альтернативная подведомственность.

В настоящее время решение о передаче дела об административном правонарушении на рассмотрение судье должностное лицо органа, к которому поступило дело о таком административном правонарушении, принимает, реализуя предоставленные ему дискреционные полномочия и исходя из фактических оснований для постановки вопроса о применении к лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, назначения административного наказания, отнесенного к исключительной прерогативе судьи. Такими основаниями могут быть признаны:

- наличие обстоятельств, отягчающих административную ответственность;
- нахождение лица в состоянии административной наказанности;
- наличие неоплаченных административных штрафов;
- имеющиеся сведения о неплатежеспособности лица для исключения ситуации неуплаты административного штрафа;
- другие обстоятельства, требующие рассмотрения дела об административном правонарушении судьей.

Считаем, что направление на рассмотрение судье дела об административном правонарушении органом, к которому поступило дело о таком административном правонарушении, должно оформляться не сопроводительным письмом, а составлением административно-юрисдикционным органом мотивированного определения с указанием оснований передачи такого дела для его рассмотрения судьей. Полагаем необходимым дополнить КоАП РФ статьей «Направление определения о передаче дела об административном правонарушении на рассмотрение судье», в которой закрепить обозначенный нами перечень оснований для передачи дела на рассмотрение судье. По нашему мнению, реализация данного предложения не приведет к отказу от дискреционных полномочий административно-юрисдикционного органа, а лишь более четко обозначит их границы.

Список источников

1. *Соловей Ю. П.* Усмотрение в административной деятельности советской милиции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982.
2. *Денисенко В. В.* Административное и судебское усмотрение в производстве по делам об административных правонарушениях: общее и особенное // Общество и право. 2013. № 1.
3. *Денисенко В. В.* Типология пределов и границ усмотрения в стадии рассмотрения дела об административном правонарушении // Вопросы правовой теории и практики : сб. науч. тр. Омск, 2013.

4. Денисенко В. В. Преемственность научных взглядов профессора Ю. П. Соловья: от «усмотрения в административной деятельности советской милиции» до современного «полицейского усмотрения» // Актуальные проблемы административного и полицейского права : сб. науч. тр., посвящ. 55-летию профессора Ю. П. Соловья. Омск, 2013.

5. Аврутин Ю. Е., Гирвиц А. В. К вопросу о понятии полицейского усмотрения, его правовой природе и основаниях // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2017. № 4.

6. Соловей Ю. П. Принципы осуществления публичной администрацией дискреционных полномочий // Административное право и процесс. 2018. № 7.

М. А. Засыпкин

Международная правовая помощь по делам об административных правонарушениях

Современная интеграция государств в экономической, социальной, культурной и иных сферах жизни привела к интернационализации административных правонарушений и преступности. В связи с этим возросла необходимость развития международного сотрудничества государств по оказанию взаимной помощи, в первую очередь, по уголовным, гражданским и семейным делам. Первые такие договоры были заключены в конце 50-х гг. XX в.

Россия впервые стала участницей Конвенции о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных нарушениях Правил дорожного движения 28 марта 1997 г. [1], заключенной в рамках СНГ и ратифицированной 22 июля 2008 г. [2]. Ее участниками были Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Азербайджан, Грузия, Молдова, Киргизия. Это первый международный договор по вопросам международного сотрудничества и оказания правовой помощи по делам об административных правонарушениях.

В отличие от международных договоров, заключенных по вопросам оказания правовой помощи по уголовным, гражданским и семейным делам, соглашения по оказанию правовой помощи по делам об административных правонарушениях немногочисленны и являются либо двухсторонними [3], либо носят региональный характер.

МВД России имеет право заключать международные соглашения о приграничном сотрудничестве с компетентными ведомствами ино-

странных государств, в соответствии с которыми перечисленные в них органы внутренних дел приграничных регионов наделены полномочиями непосредственно сотрудничать друг с другом в пределах своей компетенции и устанавливать прямые контакты [4].

Российское законодательство не содержало положений о правовой помощи по делам об административных правонарушениях до 2011 г., когда были внесены дополнения в КоАП РФ в виде отдельной главы 29.1 «Правовая помощь по делам об административных правонарушениях». Глава регулирует порядок направления запроса о правовой помощи, его содержание и форму, а также исполнение таких запросов. Основные принципы оказания правовой помощи заимствованы из главы 53 УПК РФ, регламентирующей вопросы правовой помощи по уголовным делам.

5 июня 2019 г. была одобрена «Концепция нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [5], в которой предусмотрен самостоятельный раздел «Правовая помощь по делам об административных правонарушениях». В нем обосновывается необходимость реализации юрисдикционных полномочий субъектами административной юрисдикции за пределами РФ в отношении трансграничных административных правонарушений, а также значимость обеспечения исполнения вступивших в законную силу постановлений по делам об административных правонарушениях за пределами РФ. Полагаем, что необходимо детально проработать механизмы и процедуры по направлению запросов о правовой помощи в рамках производства по делам об административных правонарушениях и исполнения административных наказаний; по исполнению запросов о правовой помощи по делам об административных правонарушениях, поступивших от компетентных органов иностранных государств, в соответствии с международными договорами РФ или на началах взаимности уполномоченными субъектами со стороны РФ; закрепить полномочия компетентных органов (должностных лиц) РФ и иностранных государств по реализации юрисдикционных полномочий административного преследования по делам об административных правонарушениях.

В ряде высших образовательных организаций нашей страны в образовательных программах не уделяется должного внимания вопросам оказания международной правовой помощи по делам об административных правонарушениях.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем внести изменения в содержание учебных дисциплин в целях изучения рассмотренных вопросов.

Список источников

1. URL: <https://fssp.gov.ru/2038849/> (дата обращения: 12.04.2021).
2. *О ратификации* Конвенции о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных нарушениях правил дорожного движения : федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 134-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Договор* между Российской Федерацией и Аргентинской Республикой о сотрудничестве и правовой помощи по гражданским, торговым, трудовым и административным делам от 20 ноября 2000 г. URL: <https://to76.minjust.gov.ru/ru/inostrannye-gosudarstva-s-kotorymi-rossiyskoy-federaciy-zaklyucheny-mezhdunarodnye-dogovory-0> (дата обращения: 12.04.2021).
4. *Соглашение* между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики о сотрудничестве органов внутренних дел и органов общественной безопасности приграничных регионов обоих государств от 26 июня 2002 г. URL: <https://мвд.рф/mvd/documents/m-soglasch> (дата обращения: 12.04.2021).
5. *Концепция* нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: <http://government.ru/news/36971/> (дата обращения: 21.04.2021).

А. И. Каплунов

Значение понятия «способ принудительного воздействия» для регламентации мер административного принуждения, применяемых полицией

Говоря о правовом регулировании административного принуждения, мы имеем в виду не принуждение в целом как метод государственного управления, а правовую регламентацию конкретных мер административного принуждения. В связи с этим на первое место в теории административного принуждения выходит понятие «мера административного принуждения» как его базовая структурная единица.

В учебной литературе под мерами административного принуждения понимают «закрепленные законом способы, приемы и средства воздействия личного, имущественного и организационного характера, позволяющие заставить лицо исполнять юридические обязанности и соблюдать правовые запреты и состоящие из правовых ограничений, лишений, об-

ременений, ответных физических действий насильственного характера, влекущих наступление правового урона, причинение морального, материального и (или) физического вреда» [1, с. 181].

В науке используется различная терминология для характеристики содержания мер административного принуждения, его раскрывают через такие термины, как «способы, приемы и средства воздействия», «конкретные виды воздействия» [2, с. 18], «способы целенаправленного воздействия» [3, с. 4], «способы принудительного воздействия» [4, с. 19; 5, с. 11]. Думается, что последний из перечисленных вариантов более точно характеризует содержание административно-принудительных мер.

Способ воздействия является принудительным, поскольку представляет собой конкретное правоограничение, лишение, дополнительное обременение или силовое правоохранительное действие, реализуемое независимо от воли и желания лица, на которого оказывается такое воздействие.

К сожалению, в законодательстве, регламентирующем полномочия полиции по применению мер административного принуждения, до сих пор нет четкой характеристики отдельных способов принудительного воздействия силового характера. Речь идет о таких мерах воздействия, как «применение физической силы», «применение огнестрельного оружия».

Например, несмотря на имеющиеся различия между способами воздействия огнестрельным оружием, в случаях, перечисленных в ст. 23 Закона о полиции, а именно в ч. 1 (прицельный выстрел в человека) и ч. 3 (выстрел по иным объектам), они именуются одним термином «применение», тогда как ранее в Законе РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 для терминологического их разграничения действия (выстрел по иным объектам) при возникновении оснований, предусмотренных второй группой случаев, именовались термином «использование». Полагаем, что в п. 3 ст. 23 Закона о полиции необходимо вернуть термин «использование» огнестрельного оружия, а саму ст. 23 дополнить нормами-дефинициями «применение» и «использование» огнестрельного оружия, в которых раскрыть их содержание как силовых способов принудительного воздействия и конкретизировать правовую основу их реализации [6, с. 262–269].

Аналогичная ситуация складывается по такой мере обеспечения производства по делу об административном правонарушении, как «отстранение от управления транспортным средством» (ст. 27.12 КоАП РФ), в названии которой указано ее целевое назначение, дающее ответ на вопрос: «что нужно сделать?». Но в этой статье и подзаконных нормативных актах мы

не найдем ответа, какими способами принудительного воздействия можно этого добиться. Данное обстоятельство позволило К. С. Баканову сделать вывод, что эта мера «фактически представляет собой „словесную правовую абстракцию“» [7, с. 14], и предложить исключить ее из КоАП РФ.

Такая позиция, на наш взгляд, является спорной, хотя имеет и рациональное зерно, так как речь идет о водителе, управляющем транспортным средством в состоянии опьянения. Однако применение этой меры влечет ограничение права лица на пользование транспортным средством, поэтому целесообразнее будет устранить имеющийся пробел, перечислив в примечании к ст. 27.12 КоАП РФ возможные способы принудительного воздействия, которые могут выражаться в следующих действиях: потребовать, чтобы водитель вышел из транспортного средства; при невыполнении данного требования извлечь водителя из транспортного средства с применением физической силы.

Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости обязательного и четкого закрепления в законе способа принудительного воздействия для исключения недопонимания правоприменителем того, как он должен действовать при его реализации, и минимизации возможности возникновения при этом конфликтных ситуаций между сотрудниками полиции и нарушителями.

Поскольку административное принуждение представляет собой ответную вынужденную реакцию на правовую аномалию, особое значение имеет четкое закрепление в законе оснований для применения конкретной меры административного принуждения. Например, основания применения огнестрельного оружия закреплены в ст. 23 Закона о полиции в виде случаев его применения.

Учеными обращается внимание на сложность применения огнестрельного оружия в следующих случаях:

— «для пресечения попытки завладения огнестрельным оружием, транспортным средством полиции, специальной и боевой техникой, состоящими на вооружении (обеспечении) полиции» (п. 2 ч. 1 ст. 23) [8, с. 62–66];

— «для отражения группового... нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций и граждан» (п. 6 ч. 1 ст. 23) [9, с. 192].

В данных случаях объектом посягательства выступают материальные объекты, а способ принудительного воздействия (выстрел из огнестрельного оружия на поражение человека) предполагает причинение

вреда здоровью нарушителя. В такой ситуации возникают сложности в определении момента, когда появляется право на производство выстрела на поражение нападающих лиц.

Как показывает практика, такого рода основания могут возникнуть и в ходе протестных «несанкционированных уличных акций», с помощью которых запускается сценарий так называемых оранжевых революций, конечной целью которых являются государственный переворот и захват государственной власти. Однако опыт пресечения массовых протестов в Республике Беларусь после официального оглашения результатов голосования на выборах Президента, состоявшихся 3 сентября 2020 г., показал, что в подобных ситуациях наиболее эффективным выступает применение специальных средств или служебного огнестрельного оружия ограниченного поражения.

Проанализируем ситуацию, предусмотренную п. 1 ч. 3 ст. 23 Закона о полиции, когда выстрел из оружия производится «для остановки транспортного средства путем его повреждения, если управляющее им лицо отказывается выполнить неоднократные требования сотрудника полиции об остановке и пытается скрыться, создавая угрозу жизни и здоровью граждан».

Обратим внимание, что данный случай устанавливает сразу три элемента законности реализации способа принудительного воздействия:

- 1) цель (остановка транспортного средства);
- 2) условие в виде ограничения права на использование поражающих свойств огнестрельного оружия (путем повреждения исключительно транспортного средства);
- 3) само основание (если управляющее им лицо...).

Основанием для производства выстрела из огнестрельного оружия в конечном счете является угроза «жизни и здоровью граждан». Оружие применяется для предотвращения вреда, который может наступить в результате такой угрозы. Однако в этот момент действия нарушителя, создающие угрозу, подпадают только под признаки соответствующего административного правонарушения, предусмотренного главой 12 КоАП РФ. И если в результате выстрела будет причинен уголовно наказуемый вред водителю или пассажирам останавливаемого транспортного средства, то сотрудник полиции может быть привлечен к уголовной ответственности за превышение полномочий, так как повреждать допускается только транспортное средство. Кроме того, обстоятельства, исключающие преступность деяния сотрудника, отсутствуют, ведь поводом для преследования транспортного средства и его остановки в ходе преследования являются всего лишь административные правонарушения.

Даже краткий анализ этого случая показывает проблемность как закрепленного в нем основания, так и встроенного в него ограничения, которое изложено в достаточно неопределенной форме и двусмысленно [10, с. 36–41]. Все это свидетельствует о необходимости его доработки как по содержанию, так и по форме.

В целом же возникает вопрос о соответствии и соразмерности предусмотренного законом способа принудительного воздействия и вреда, который может быть причинен при его реализации, характеру той опасности, которая возникает в рамках конкретного предусмотренного законом случая.

Проведенный анализ норм, устанавливающих меры административного принуждения, применяемые полицией, позволяет четко уяснить их содержание, структурировать нормы по элементам, определяющим законность их применения, а затем скорректировать, чтобы сделать эти нормы более понятными для правоприменителя. Понятие «способ принудительного воздействия» имеет важное теоретическое и методологическое значение для дальнейшего совершенствования правил применения полицией мер административного принуждения, создания надежных гарантий защиты прав граждан от преступных посягательств и усиления правовой защищенности самих сотрудников полиции.

Список источников

1. Каплунов А. И. Административное право : учебник. М., 2011.
2. Майоров В. И., Коркин А. В. Административное принуждение: понятие, место и формы выражения // Административное право и процесс. 2016. № 4(11).
3. Крылова Е. А., Сулова Г. Н. Применение сотрудниками полиции мер административно-правового принуждения к несовершеннолетним лицам и их законным представителям : монография. М., 2012.
4. Лебедева О. О. Правовое регулирование применения принудительных мер административного предупреждения и пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017.
5. Мамедов Э. Х. Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020.
6. Каплунов А. И. О праве сотрудников полиции на «применение огнестрельного оружия» как способе принудительного воздействия, предусмотренном Федеральным законом «О полиции» // Актуальные вопросы применения норм административного права («Корневские

чтения») : сб. науч. тр. II междунар. науч.-практ. конф. (15 ноября 2018 г.). М., 2018.

7. *Баканов К. С.* Административно-правовой запрет на управление транспортным средством в состоянии опьянения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

8. *Равнюшкин А. В., Мягков А. В.* Пресечение попытки завладения огнестрельным оружием сотрудника полиции, транспортным средством полиции как основание применения сотрудником полиции огнестрельного оружия // Административное право и процесс. 2018. № 5.

9. *Занина Т. М., Никулин Р. В.* О правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия для защиты объектов собственности от преступных посягательств // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1.

10. *Каплунов А. И.* О правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия для остановки транспортного средства // Административное право и процесс. 2015. № 4.

А. В. Козун, М. В. Сергеев

Некоторые аспекты оптимизации обязанности полиции по противодействию экстремистской деятельности

В ходе исследования института обязанностей полиции обращают на себя внимание разные подходы к их интерпретации и рассогласованность с другими нормативными правовыми актами федерального значения. Так, п. 16 ст. 12 Закона о полиции в качестве обязанностей полицейского ставит задачу принимать в соответствии с федеральным законом меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан.

Вместе с тем уголовный закон шире определяет объект экстремизма в рамках охранительной функции УК РФ. С точки зрения заявленных в качестве уголовно-правового запрета форм экстремизма законодатель предусматривает далеко не только экстремистскую деятельность в рамках самостоятельных составов преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ. Наравне с данной формой проявления преступного экстремизма в УК РФ предусмотрены публичные призывы к экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ), финансирование экстремистской деятель-

ности (ст. 282³ УК РФ), а также ряд других составов преступных деяний, включенных в качестве квалифицирующих признаков в ряд периферийных составов преступлений, например, таких как хулиганство (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), вандализм (ч. 2 ст. 213 УК РФ) и др.

Закономерным является вопрос: почему речь ведется предметно только об *экстремистской деятельности*? На наш взгляд, в данном случае Закон о полиции необоснованно сужает рамки предмета правового регулирования полицейского права. Борьба с экстремизмом, его различными формами и проявлениями выступает в настоящее время ключевой проблемой и задачей государства.

Полагаем, что Закон о полиции должен как минимум не расходиться с УК РФ в части регулирования рассматриваемой группы общественных отношений. Глава 29 УК РФ содержит большой перечень норм с точки зрения пределов уголовно-правового регулирования, нежели Закон о полиции. Поэтому сужение предмета регулирования Закона о полиции и снижение его авторитета в борьбе с преступностью (в предупреждении, пресечении преступных деяний и административных правонарушений) незаслуженно, необоснованно и приводит к несогласованности данных основополагающих нормативных правовых актов, образующих правовую основу деятельности полиции по борьбе с преступностью.

Поскольку одной из конститутивных задач Закона о полиции является предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, сужать рамки предмета регулирования тяжких и особо тяжких преступлений недопустимо, особенно в условиях сегодняшнего состояния борьбы с преступлениями экстремистского характера.

Резюмируя изложенное, считаем, что п. 16 ст. 12 Закона о полиции должен иметь следующую законодательную формулировку: *«Принимать в соответствии с федеральным законом меры, направленные на предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, граждан и иных лиц в различных формах и проявлениях».*

С. И. Кориц

Исполнение сотрудниками Госавтоинспекции постановлений о наложении административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами

Пункт 222 Административного регламента (далее — Регламент) [1] определяет порядок изъятия инспекторами дорожно-патрульной службы удостоверения у водителя, задержанного при управлении транспортным средством, будучи лишенным права управления. Так, в Регламенте указано, что «об изъятии водительского удостоверения делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе осмотра места совершения административного правонарушения». Иначе говоря, предполагается, что изъятие осуществляется у лица, допустившего управление транспортным средством, будучи лишенным права управления, что образует состав административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ.

В настоящее время отсутствует утвержденный регламент порядка оформления сотрудниками по исполнению административного законодательства Госавтоинспекции изъятия водительских удостоверений у лиц, лишенных права управления транспортными средствами и прибывших в подразделение для сдачи указанного документа, в соответствии с ч. 1.1 ст. 32.7 КоАП РФ, т. е. не управляющих в этот момент транспортным средством и не допускающих указанного правонарушения.

При сдаче в подразделение ГИБДД, исполняющее наказание в виде лишения права управления транспортными средствами, лицом водительского удостоверения в порядке и сроки, предусмотренные ч. 1.1 ст. 32.7 КоАП РФ, предлагается установить следующий порядок действий сотрудника полиции по исполнению административного наказания:

1) в копии постановления суда должна делаться соответствующая запись с датой сдачи водительского удостоверения, ставиться подпись и фамилия лица, сдавшего водительское удостоверение, и данные сотрудника (подпись, должность и фамилия должностного лица, принявшего соответствующий бланк для исполнения наказания);

2) указанному должностному лицу требуется немедленно внести данную информацию в подсистему «Адмпрактика» федеральной специализированной территориально распределенной информационной системы Госавтоинспекции (ФИС ГИБДД-М) [2] для запуска срока лишения права управления с указанием необходимого этапа производства;

3) постановление о назначении административного наказания в виде лишения права управления с отметками об изъятии удостоверения должно быть подшито в дело для хранения и последующего контроля исполнения наказания;

4) при изъятии удостоверения сотрудником подразделения, не осуществляющим исполнение данного постановления о назначении наказания в виде лишения права управления, в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 27.10 КоАП РФ оформлять протокол изъятия с последующим направлением его (вместе с изъятым документом) в подразделение, исполняющее данное постановление, заказным почтовым отправлением.

Список источников

1. *Об утверждении* Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения : приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *О системе* информационного обеспечения подразделений Госавтоинспекции : приказ МВД России от 3 декабря 2007 г. № 1144. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С. В. Литвякова

Цели административного наказания в отношении несовершеннолетних

В действующем законодательстве понятие и содержание целей административного наказания никогда не раскрывались. Закрепленные в ст. 3.1 КоАП РФ цели административного наказания определяют основные социально значимые ориентиры, которые должны реализовываться при назначении наказания. Это создает споры по поводу каждой отдельно взятой цели наказания и их практической реализации.

Цель административного наказания в виде предупреждения совершения новых правонарушений должна оказывать превентивное воздействие. Она направлена не только на лиц, подвергнутых административному наказанию, но и на лиц, не совершавших правонарушения. Исходя из этого можно говорить о ее общепредупредительной и воспитательной функции, которая оказывает влияние на правосознание личности. Нака-

зание необходимо для того, чтобы воспитать субъекта, которому оно назначено, в духе уважения к закону и правопорядку, чтобы предупредить совершение новых проступков как самим правонарушителем, так и другими лицами [1, с. 508].

В статье 3.1 КоАП РФ речь идет о том, что применение наказания к правонарушителю или угроза его применения представляют собой кару, которая является сутью наказания.

В научной литературе относительно предупреждения совершения новых правонарушений ведется немало споров. Закрепив в КоАП РФ данную цель, законодатель подчеркивает ее всеобщую направленность. Но возможно ли констатировать ее равнонаправленность ко всем без исключения субъектам административных правонарушений, включая особых (не достигших возраста 18 лет)?

Акцентируя внимание на данной категории лиц, необходимо выделить ряд особенностей:

- цели административного наказания по отношению к несовершеннолетним направлены на воспитание нарушителя посредством убеждения и порицания, т. е. путем использования морально-нравственных мер воздействия;

- к несовершеннолетним применяются не все меры административного наказания, предусмотренные КоАП РФ;

- за совершение правонарушения лицом, не достигшим возраста 16 лет, ответственность несут законные представители (ст. ст. 20.22, 5.35 КоАП РФ).

Проблемный характер реализации общепреventивной цели административного наказания в отношении несовершеннолетних объясняется наличием следующих обстоятельств.

1. Невозможность ее достижения в полной мере. Цель наказания не направлена на несовершеннолетнего, так как ответственность несет его законный представитель. Говоря о несовершеннолетних правонарушителях, возникает вопрос адресности наказания. Учитывая положения ч. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ, родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. В данном случае можно говорить о том, что наказание должно оказывать воздействие для принятия соответствующих мер со стороны законных представителей несовершеннолетнего.

2. Достижение положительного результата возможно, если не только ограничиваться институтом административного наказания, а применять комплексное воздействие в отношении несовершеннолетних путем привлечения других вспомогательных ресурсов. То, что наказание может

справиться с этой задачей в полной мере, вызывает большое сомнение, так как несовершеннолетние с устойчивым противоправным поведением склонны к совершению повторных правонарушений. Поэтому административное наказание не способно должным образом само реализовать выполнение поставленной цели.

3. Все цели административного наказания должны достигаться в равной степени, независимо от тех мер, которые применяются к виновному лицу, и независимо от субъекта, на которого они направлены. Очевидно, что превентивная цель административного наказания имманентна для всех видов административного наказания, которые могут применяться в отношении несовершеннолетних в рамках КоАП РФ.

Ставя перед правоприменителями задачи по достижению целей общей и индивидуальной профилактики в процессе привлечения несовершеннолетних к административной ответственности, законодатель не в полной мере раскрывает, насколько это в действительности реализуемо. Объективно оценивать тот факт, что несовершеннолетний впредь больше не будет совершать противоправные действия, непросто, поскольку отсутствуют критерии оценки достижения результата. Достижение профилактической цели наказания должно оцениваться строго индивидуально, так как, выступая оценочной и субъективной категорией, не на всех лиц, подвергнутых административным взысканиям, оно оказывает исправительное и предупредительное воздействие.

Таким образом, применение административных санкций к несовершеннолетним предполагает комплексное сочетание мер социального контроля и общественного воздействия.

Список источников

1. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник для вузов. М., 2007.

А. В. Ляшук, Ю. А. Зайцев

Реформирование правомерных мер предупреждения и пресечения семейно-бытового насилия

Пресечение и предупреждение административных правонарушений в семейно-бытовой сфере является одной из основных задач, возложенных на полицию, и относится к числу наиболее сложных проблем в ее правоприменительной деятельности [1, с. 64–76]. Статистические данные о распространенности насилия в семье свидетельствуют о сохранении

наметившейся тенденции к снижению его официально зарегистрированных проявлений после частичной декриминализации в 2017 г. Число зарегистрированных преступлений, связанных с насилием на семейно-бытовой почве, в 2015–2019 гг. сокращалось и по России в целом, и по отдельным федеральным округам, за исключением Южного и Дальневосточного [2].

Однако существует значительное количество причин и условий, способствующих возникновению домашнего насилия. Все причины семейно-бытового насилия можно условно разделить на две группы: внешние и внутренние. В качестве внутренних причин наиболее часто выделяют алкоголизм или наркоманию кого-либо из членов семьи, а также сложное экономическое положение семьи и неудовлетворенность семейной жизнью. По формам насилия могут быть выделены сексуальное, гендерное, имущественное и иные виды насилия.

Изучение опыта зарубежных стран показывает, что нет единообразной системы мер, которая могла бы применяться к правонарушителям в сфере семейно-бытового насилия. Каждая из стран использует такие меры предупреждения семейно-бытовых конфликтов, которые наиболее эффективно воздействуют на правонарушителя с учетом сложившейся обстановки, начиная с помощи общественности и заканчивая суровым уголовным наказанием.

В марте 2021 г. проведено анкетирование 154 человек по вопросам семейно-бытового насилия, на основе которого были сделаны следующие выводы: 1) 50,0% опрошенных являлись свидетелями (участниками) семейно-бытовых конфликтов; 2) 71,25% респондентов считают, что необходимо принятие федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия»; 3) 28,75% участников опроса придерживаются мнения, что данный федеральный закон принимать не нужно.

Что касается наказания, которое может применяться к правонарушителю, то 32,5% опрошенных считают, что правонарушитель должен подлежать административной ответственности; 6,25% респондентов придерживаются мнения о приоритете уголовно-правовых мер; 61,25% считают, что к правонарушителю в случае нарушения защитного предписания должна применяться административная ответственность, а в случае повторного нарушения целесообразно применять уголовную ответственность.

В целях защиты пострадавших законодателем и респондентами предложено использовать такое средство, как защитное предписание. В нем содержится запрет вступать в контакты с пострадавшим, общаться с ним, выяснять его местонахождение. Если защитное предписание нарушает-

ся, то может быть вынесено судебное защитное предписание. Защитное предписание необходимо выносить не только с согласия лиц, подвергшихся насилию, или их законных представителей, но и без согласия лица, которое стало жертвой семейно-бытового насилия, если есть основания полагать, что это лицо находится в состоянии зависимости от нарушителя, так как он может негативно воздействовать на жертву.

Список источников

1. *Мотрович И. Д.* Семейно-бытовое насилие: современное состояние и место участкового уполномоченного полиции в его противодействии // Административное право и процесс. 2021. № 1.

2. В Госдуме представили данные о семейном насилии: аномалии и ожидания. URL: <https://regnum.ru/news/society/2754079.html> (дата обращения: 30.05.2021).

Д. Р. Мамлеева

Применение сотрудниками полиции мер процессуального обеспечения в рамках пресечения правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность

Функции по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности определены на законодательном уровне в качестве основополагающих в деятельности полиции. В целях их реализации нормативными правовыми актами предусмотрено осуществление компетентными должностными лицами определенных мер воздействия к правонарушителям, иначе говоря, административного принуждения в целом и мер процессуального обеспечения в частности. Именно от того, как и на каких основаниях применяются данные меры, зависит, будет ли привлечено лицо к ответственности или нет.

Вместе с тем не следует недооценивать высокую общественную опасность группы административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, что предполагает постоянное изучение вопросов, связанных с выработкой направлений минимизации совершения рассматриваемых правонарушений. Анализ статистической информации по обеспечению сотрудниками полиции правопорядка за 2020 г. показал, что за прошлый год сотрудниками полиции пресечено более 7 млн административных правонарушений, составлено почти 7,2 млн административных протоколов; сотрудниками

патрульно-постовой службы задержано более 60 тыс. лиц за совершение преступлений, 245 тыс. — за совершение административных правонарушений. При этом в 70% случаев применялись различные меры процессуального обеспечения, в том числе ограничивающие свободу физического лица [1].

Таким образом, пресекая противоправные деяния, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, сотрудники полиции вынуждены прибегать к предусмотренным главой 27 КоАП РФ и главой 4 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» мерам процессуального обеспечения.

В функционале органов внутренних дел важным является применение такого метода воздействия на правонарушителей, как принуждение, суть которого заключается в мерах процессуального обеспечения. Данные меры исходят из положений указанных актов и направлены на пресечение административного правонарушения, установление личности нарушителя, составление протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнение принятого по делу постановления.

При осуществлении своей деятельности в части противодействия правонарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность, сотрудниками полиции используется комплекс процессуальных мер, которые напрямую связаны с ограничением прав граждан. Доставка является самой распространенной мерой, применяемой в процессе пресечения противоправных деяний, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность. Согласно диспозиции ст. 27.2 КоАП РФ доставка представляет собой деятельность компетентного органа по препровождению правонарушителя в ближайший отдел полиции для дальнейшего составления в отношении него административного протокола при невозможности его составления на месте выявления противоправного деяния при условии, что он обязателен. В случае если лицо пытается уклониться от применения к нему указанной меры, со стороны сотрудников полиции может последовать применение иных мер пресечения в виде физической силы и специальных средств, а в дальнейшем — привлечение по дополнительному составу, предусмотренному ст. 19.3 КоАП РФ, устанавливающему административную ответственность за неповиновение требованию сотрудника полиции, а равно воспрепятствование исполнению им функциональных обязанностей. Отметим, что именно с достав-

ления и начинается процесс производства по делу об административном правонарушении, посягающем на общественный порядок и общественную безопасность. Доставка напрямую связано с таким средством воздействия, как административное задержание.

В научной литературе существует достаточное количество источников о взаимосвязи указанных процессуальных мер. Так, распространенным является мнение о необходимости включения доставки в административное задержание [2, с. 83]. Подобная точка зрения имеет право на существование, вместе с тем в отдельных нормах административного законодательства отражено, что срок административного задержания исчисляется с момента доставления правонарушителя, если же лицо находится в состоянии опьянения — с момента его вытрезвления. Данные положения подтверждают тот факт, что законодатель не случайно определил доставку в отдельную меру обеспечения по делу об административном правонарушении. Указанные меры не могут предполагать применение друг друга и вполне могут применяться отдельно. Поэтому считаем, что такие меры обеспечения необходимо рассматривать отдельно.

Административное задержание регламентировано сразу несколькими статьями административного закона (ст. ст. 27.2–27.6 КоАП РФ), а также нормами Закона о полиции, в которых закреплены содержание понятия административного задержания, правовой статус задерживаемых лиц, сроки задержания, порядок их содержания. В соответствии с законодательством суть данной меры заключается в кратковременном ограничении свободы физического лица в исключительных случаях, если это необходимо для правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении либо исполнения постановления по делу об административном правонарушении. Кроме того, в соответствии со ст. 27.5 КоАП РФ общий срок административного задержания не может составлять более трех часов. Тем не менее законодатель выделяет и специальный срок — до 48 часов для лиц, совершивших административные правонарушения, за которые установлена санкция «административный арест» либо «выдворение». Необходимо отметить, что, как и в случае с доставкой, законодатель не предусмотрел конкретного перечня оснований для применения меры обеспечения в виде административного задержания. Данный факт подтверждает необоснованность реализации применения указанных процессуально-пресекательных мер со стороны сотрудников полиции, что влечет за собой нарушение прав и законных интересов граждан, а соответственно, и негативные последствия для самого сотрудника. Часто сотрудники полиции применяют

указанные меры обеспечения неправомерно, что выясняется только после обжалования действий должностных лиц. В связи с этим следует помнить, что важно не только соблюдать основания применения таких мер, но и обеспечивать надлежащий порядок их реализации.

Список источников

1. *Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 год.* URL: <http://мвд.рф/folder/23336403/item/23336465> (дата обращения: 10.04.2021).

2. *Канунникова Н. Г.* Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и их законодательное развитие // *Административное право и процесс.* 2018. № 7.

А. В. Никитин

К вопросу о соотношении показаний лица, в отношении которого были применены физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, и показаний сотрудников полиции

Правоохранительная функция государства имеет такую отличительную черту, как право на легитимное применение насилия. В правовом обществе любое применение насилия должно осуществляться строго по основаниям и в порядке, предусмотренных законом. В настоящее время одним из ведомств, сотрудники которого чаще других применяют принудительные меры обеспечения правопорядка, является Министерство внутренних дел. Сотрудникам данного правоохранительного органа федеральным законодательством позволено применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в тех случаях, когда с помощью иных, ненасильственных методов невозможно выполнить возложенные на Министерство задачи [1].

Вопрос о применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия является одним из наиболее проблемных аспектов полицейской деятельности, в связи с чем привлекает особое внимание общественности, правоприменителей и законодателя. Как правило, рассматриваемые вопросы изучаются лишь с позиций административного права и КоАП РФ. Но ввиду того что применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия часто влечет за собой причи-

нение вреда жизни и здоровью граждан, рассмотрение данных юридических фактов происходит и в уголовно-процессуальном аспекте.

Обращает на себя внимание вопрос применения перечисленных силовых методов в условиях неочевидности. При причинении вреда жизни или здоровью граждан сотрудник полиции обязан оказать им первую помощь и в кратчайший срок обеспечить оказание профессиональной медицинской помощи. Далее в соответствии с требованиями закона о происшедшем сообщается непосредственному начальнику либо начальнику территориального органа полиции по месту применения силовых методов, а также уведомляется прокурор. По данному факту иницируется проверка в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Принципиальным моментом является то, что решение о правомерности действий сотрудника полиции либо о превышении им должностных полномочий принимается следователями Следственного комитета Российской Федерации на основании фактических данных, в том числе на основании показаний свидетелей, потерпевших. Поэтому в случае неочевидного применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия и при наличии прямых противоречий в показаниях сотрудника полиции и лица, в отношении которого они были применены, становится неясным, чьим показаниям следует отдавать предпочтение. В настоящее время данный вопрос на легальном уровне не разрешен, в доктринальном же плане мнения специалистов разделились. Многие ученые считают, что показания сотрудников полиции могут являться полноценными доказательствами, другие же полагают, что результаты допроса сотрудников полиции не должны признаваться допустимыми доказательствами.

Вопрос о приоритетности показаний, по нашему мнению, должен возникать лишь в случаях, когда иные фактические данные, позволяющие установить их правдивость, отсутствуют. Таким образом, если иных фактических данных нет, то приоритетными должны быть показания сотрудников полиции. Указанная практика получила широкое распространение в различных странах романо-германской и англосаксонской правовых семей. Полагаем, указанный путь решения проблемы является оптимальным способом не только снять имеющуюся в правоприменительной практике коллизию, но и гарантировать личную безопасность сотрудников полиции, обеспечить выполнение возложенных на полицию обязанностей. В противном случае, осознавая свое юридически уязвимое положение, сотрудник полиции будет предпочитать избегать ситуаций, в которых его действия могут толковаться неоднозначно, что негативно скажется на качестве правоохранительной деятельности.

Список источников

1. *Организованная преступность // Социалистическая законность.* 1987. № 2.

А. И. Сахно

Меры государственного принуждения в период глобальных ограничений *

Пандемия COVID-19 стала причиной глобальных ограничений, оказавших масштабное негативное воздействие на социальную сферу и экономику большинства стран, всю мировую экономическую систему и международные отношения, политические институты и механизмы обеспечения жизнедеятельности государств, независимо от их географического положения, форм правления и уровня экономического развития.

Преодоление последствий таких явлений требует объединения усилий всех развитых государств, международных организаций, серьезной работы органов публичной власти по модернизации основных институтов международного права и национальных правовых систем, регулирующих вопросы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, организации общественного здравоохранения.

Решение этой мировой задачи в современных условиях предстоит осуществлять на фоне распространения негативных факторов, к числу которых относятся глубокие экономические и экологические проблемы, связанные с изменениями климата и предупреждения распространения опасных инфекционных заболеваний. В России кроме потерь от распространения COVID-19 в 2019 г. впервые диагностирован туберкулез у 60 531 человека (умерло за год — 5380). За 2019 г. умерло более 26 тыс. ВИЧ-инфицированных, потери от онкологии, других опасных и хронических заболеваний не менее масштабны [1, с. 34–38].

Обеспечение конституционных прав граждан в области охраны здоровья при возникновении чрезвычайных ситуаций (далее — ЧС) является основной задачей обеспечения национальной безопасности в сфере социально-экономических отношений, решение которой возлагается на органы публичной власти, в том числе на органы внутренних дел, обеспечивающие общественную безопасность.

* При финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-411-720006.

Первый период распространения пандемии 2019–2020 гг. и меры, принимаемые органами публичной власти, свидетельствуют о том, что:

- система государственного управления в чрезвычайных ситуациях оказалась неготовой к решению задач такой сложности, система оперативного управления и реагирования не отвечает современным требованиям;

- отсутствует необходимая законодательная база противодействия вызовам и угрозам ЧС природно-биологического и техногенного характера, прежде всего, в социальной и экономической сферах деятельности;

- выявились многочисленные проблемы наличия, создания и использования стратегических запасов медикаментов, средств защиты и медицинского оборудования, массово востребованных в условиях пандемии.

В создавшейся обстановке в России, как и в других странах мира, оказались востребованы наиболее действенные меры по предотвращению распространения инфекции COVID-19 и преодолению его последствий. Основным методом (способом) решения таких задач стало государственное принуждение, способное обеспечить применение права в экстремальных условиях и в короткие сроки создать систему обеспечения безопасности населения на основе применения медико-санитарных правил и поддержания условий жизнедеятельности.

Все это заставляет по-новому посмотреть на многие аксиомы теории права, в том числе на цели, задачи, средства правового регулирования, новые вызовы, ценности и существующие приоритеты. В отечественной теории права длительное время приоритет исследований принадлежал правоохранительной и регулятивной функциям права, составляющим основу правоприменительной деятельности всей правоохранительной системы.

В новых условиях возрастает актуальность исследования содержания и значения социальной функции права в общем механизме правового регулирования отношений в основных сферах и отраслях, связанных с обеспечением нормальных условий жизни и деятельности населения. На фоне пандемии приоритетными представляются такие ценности, как жизнь, здоровье, конституционные права и свободы человека, гарантии их защиты в деятельности органов публичной власти.

В экстраординарных условиях наиболее востребованными оказались меры административного принуждения, государством активно используется весь арсенал средств правового воздействия, включая меры ад-

министративного предупреждения, административно-процессуального обеспечения, административного наказания и административно-восстановительные меры.

О последних стоит сказать особо. Учение о значении мер административно-восстановительного характера, которое разработал в своих трудах доктор юридических наук, профессор Д. Н. Бахрах, значительно опередило свое время и наиболее востребовано сегодня как средство гарантий и разрешения экономических, финансовых и юридических противоречий, возникающих в процессе публичного администрирования в условиях пандемии [2].

Рассматривая механизм обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в период чрезвычайной ситуации — пандемии новой коронавирусной инфекции, необходимо отметить, что органы публичной власти на всех уровнях управления продемонстрировали отсутствие должной готовности перед современными угрозами и вызовами.

Много проблем возникло и в правовом регулировании. Так, в ст. ст. 1, 29, 31 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [3] не разграничены понятия «карантин» и «ограничительные мероприятия», не приведен алгоритм деятельности учреждений, служб и организаций по предупреждению распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний. Специалисты предлагают ввести необходимые административно-правовые режимы готовности органов здравоохранения и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения при угрозе распространения опасных инфекционных заболеваний, нормативно регламентировать:

— *режим обычной (повседневной деятельности)* — при обычной санитарно-эпидемиологической, политической, социальной и экономической ситуации, т. е. при отсутствии превышения уровня заболеваемости инфекционными, массовыми неинфекционными заболеваниями;

— *режим повышенной готовности* — подготовка к появлению и распространению инфекционных, массовых неинфекционных заболеваний — при ухудшении санитарно-эпидемиологической обстановки или при подготовке к сезонным, ожидаемым (предполагаемым) заболеваниям;

— *режим чрезвычайной эпидемиологической ситуации* — при увеличении количества заболевших одним и тем же или разными заболеваниями, связанными с контактно-бытовым, воздушно-капельным или иным путями передачи, когда возбудителями инфекции может быть неопределенный круг лиц;

— *режим эпидемии (пандемии)* — при введении на территории муниципального образования, региона или всей страны (мира) комплекса ограничительных мероприятий, связанных с повсеместным распространением инфекционных, массовых неинфекционных заболеваний.

Авторы неоднократно предлагали сформировать правовую базу «мобилизационной экономики», так как в условиях рыночной экономики внезапное изменение условий хозяйственной деятельности путем публичного администрирования для ликвидации чрезвычайных ситуаций любой ценой могут иметь катастрофические последствия для экономики и хозяйствующих субъектов [4, с. 21–24]. В рассматриваемых условиях необходимо уделить внимание использованию методов экстренного регулирования складывающихся в этот период отношений, основанных на одностороннем увеличении полномочий органов публичной власти без регламентации прав и обязанностей граждан. Все это свидетельствует о необходимости совершенствования организационных и правовых основ государственного управления при чрезвычайных ситуациях.

Список источников

1. Романовский Г. Б. 2019-nCoV как гибридная угроза системе прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7.
2. Бахрах Д. Н., Россинский В. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник для вузов. М., 2008.
3. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Мохов А. А. О концепции правового регулирования экономической деятельности в условиях особых правовых режимов: постановка проблемы // Юрист. 2014. № 4.

Е. А. Сорокина

Полиция как субъект противодействия эпидемии коронавируса в Швеции

Практически все страны мира с начала 2020 г. живут в экстремальных условиях пандемии коронавируса. Наступление вируса не ослабевает, а его новые, модифицированные формы начинают все быстрее и агрессивнее распространяться среди населения. Хорошо известна история введения различных противоэпидемических мер и ограничений, вплоть до прямых запретов и локдаунов, в различных странах и регионах

[1, с. 15–25; 2, с. 54–60; 3, с. 42–53]. Пристальное внимание всего общества, ученых и исследователей, пациентов и врачей, простых граждан привлекают негативные и разнообразные проявления пандемии для национальных экономик. Уже очевидны тяжелые последствия пандемии не только в экономическом, но и в психологическом, медицинском, социальном аспектах. Еще не время подводить какие-либо итоги, но очевидно, что после такого глобального мирового явления, как пандемия коронавируса COVID-19, мир не будет прежним.

К концу первого полугодия 2021 г. в Швеции 1,1 млн жителей страны переболели коронавирусом и более 7,5 тыс. человек находились в больницах на аппаратах искусственной вентиляции легких (ИВЛ). Общее число погибших от коронавируса достигло более 14,5 тыс. человек [4]. В Швеции на протяжении всей эпидемии коронавируса не вводились локдауны или жесткие ограничительные мероприятия [5, с. 309–314]. Одним из самых значительных ограничений в Швеции было введение в конце марта 2020 г. запрета на посещение домов престарелых. Это было связано с тем, что именно там отмечалась в начале эпидемии самая высокая смертность среди заболевших [6, с. 123–129]. Были введены также некоторые ограничения на въезд в страну граждан из других стран, особенно тех, которые не входят в Евросоюз. Соблюдение указанных ограничений находилось в компетенции шведской пограничной полиции (*gränspolis*).

Прямых запретов на передвижение внутри Швеции власти не вводили. Они использовали практику издания рекомендаций гражданам о том, чтобы последние без особой необходимости не покидали места своего постоянного проживания, соблюдали социальное дистанцирование, санитарные нормы, а при необходимости оставались дома. И шведские граждане прислушивались к таким рекомендациям [7]. Акцент в действиях властей был сделан на повышение личной ответственности граждан для снижения скорости распространения вируса. Среди ограничительных (не запретительных) мероприятий отметим рекомендации шведских властей не собираться большими группами (первоначально не более 50 человек, впоследствии в связи с осенним ростом заболевших коронавирусом ограничения составили не более 8 человек). Весной 2020 г. были введены ограничения для работы ресторанов, баров, кафе, которые на протяжении времени модифицировались и корректировались в зависимости от эпидемиологической обстановки. Соблюдение рекомендаций в таких случаях (количество собравшихся, социальную дистанцию и пр.) отслеживали главным образом муниципальные службы и служащие.

В ряде крупных городов (Стокгольм, Мальме, Гетеборг) была введена практика конкретных адресных рекомендаций. Это касалось введения ограничений на посещение публичных мест — спортивных клубов и т. д. [8, с. 185–213]. При таких обстоятельствах полицейские могли каким-либо образом проводить контроль ситуации. Шведские специалисты в своих действиях руководствовались убеждениями и разработками, что эпидемия коронавируса — явление долгосрочное. Принимаемые меры должны быть такими, чтобы люди могли на протяжении долгого времени сознательно и добровольно их выполнять. Жесткий контроль властей, в том числе и со стороны полицейских, не сможет радикально изменить или улучшить ситуацию без усилий самих граждан.

Шведские специалисты и власти, учитывая результаты предпринятых ранее действий, а также благодаря широкой и активной вакцинации населения (в соответствии с разработанным и принятым планом вакцинирования), сформировали план постепенного выхода из введенных в стране ограничений. План был окончательно представлен рискдагу и общественности в мае 2021 г. С 1 июня 2021 г. в Швеции началось осуществление этого плана именно в контексте роста числа вакцинированных граждан и сокращения числа заболевших. Скорость реализации плана по снятию ограничений рассчитана на несколько летних и осенних месяцев и зависит от общего уровня и числа заболевших в стране.

Сотрудники полиции проявляют определенное внимание к соблюдению гражданами страны и различными организациями (в частности, предприятиями общественного и быстрого питания) изданных властями рекомендаций, правил и норм, которые касаются социального дистанцирования. Полицейские по-прежнему занимаются своей непосредственной работой в различных городских районах, особенно в анклавах, где проживают главным образом приезжие и зафиксированы различные преступления. Нередко именно в местах проживания таких социальных групп отмечался высокий уровень заражения коронавирусом, что могло объясняться скученным тесным проживанием нескольких поколений одной семьи иммигрантов в небольших муниципальных квартирах.

Знакомство с опытом работы полиции в других странах Европы показывает активную вовлеченность полицейских сил в мероприятия по проверке соблюдения введенных норм и ограничений на локальном уровне. В полной мере такую практику не приходится относить к опыту шведских полицейских. Многие проверки, в частности по соблюдению

кафе и ресторанами норм дистанцирования, проводили представители муниципальных служб. Сотрудники различных социальных, патронажных и иных организаций работают в большинстве случаев со своими подопечными независимо от полицейских. Важной составной частью специальных подразделений является проверка соблюдения мигрантами норм и сроков пребывания в Швеции. Особенно это относится к тем иммигрантам, которые, прибыв в страну и подав документы для оформления вида на жительство, не получили требуемого разрешения. Тем не менее они остались в стране практически на нелегальном положении, без документов и необходимых разрешений. Некоторые мигранты (еще до начала пандемии) прибывали в Швецию по туристическим визам и оставались, не имея документов. На протяжении последних месяцев в связи с закрытием границ большинства европейских стран поток беженцев и мигрантов несколько сократился.

В целом отметим, что шведские полицейские во время пандемии продолжали выполнять свои обычные обязанности по охране и поддержанию правопорядка. Так, в начале июня 2021 г. была проведена спецоперация Европола и полицейских ряда скандинавских стран, Финляндии и Германии по борьбе с преступлениями против личности и распространением наркотиков. По сообщениям шведских источников, в ходе такой международной операции было задержано более 150 человек в рамках предварительного расследования.

Список источников

1. *Варламова Н. В.* Локдаун как способ реагирования на пандемию COVID-19: анализ в контексте европейской конвенции о защите прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3(87).
2. *Васильева Т. А.* Ответ Италии на пандемию COVID-19: проблемы правового регулирования в чрезвычайной ситуации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3(87).
3. *Сорокина Е. А.* Государственная противоэпидемическая политика: опыт Швеции по противодействию коронавирусу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3(87).
4. URL: <https://coronavirus-monitor.info> (дата обращения: 09.06.2021).
5. *Сорокина Е. А.* Шведский опыт преодоления эпидемии коронавируса // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность : мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2021.
6. *Плевако Н. С., Карлбек Х.* Вирус и шведская модель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2.

7. *Коронавирус: шведская модель борьбы с эпидемией* // Социально-экономический портал Exrus.eu. <https://ru.exrus.eu/Koronavirus-shvedskaya-model-borby-s-epidemiye-id5e8716770bf04049f009ea08> (дата обращения: 04.04.2020).

8. *Сорокина Е. А.* Коронавирус по-шведски // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1(19).

А. А. Старостин

К вопросу о задержании и дальнейшем содержании иностранных граждан и лиц без гражданства в полиции

Миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации. Вопросы, связанные с переселением мигрантов на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, не только становятся источником увеличения численности населения страны в целом и ее регионов в частности, но и способствуют привлечению иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики [1, с. 171].

Закон о полиции обязывает сотрудников полиции осуществлять контроль за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства порядка временного или постоянного проживания, временного пребывания в Российской Федерации, въезда в Российскую Федерацию, выезда из Российской Федерации, транзитного проезда через территорию Российской Федерации и трудовой деятельностью иностранных работников. С этой целью сотрудники полиции имеют право применять в отношении указанной категории лиц различные меры государственного принуждения, в том числе задержание. При этом в силу различных обстоятельств иностранные граждане, находящиеся на территории Российской Федерации незаконно и не имеющие документов, удостоверяющих их личность, в случае выявления их в вечернее и ночное время суток могут быть помещены в дежурные части отделов полиции. Однако осуществить их задержание и содержание в помещениях для задержанных дежурных частей территориальных органов внутренних дел часто проблематично, ввиду того что в большинстве своем указанные помещения не соответствуют нормам санитарной площади, а именно 4 м² на человека. Кроме того, отсутствие в указанных помещениях, оборудованных согласно требованиям, спальных мест также

не позволяет содержать иностранных граждан в ночное время в порядке чч. 2 и 3 ст. 27.5 КоАП РФ, когда срок административного задержания может быть продлен до 48 часов. Это, в свою очередь, ведет к нарушению требований п. 18 Положения об условиях содержания, нормах питания и порядке медицинского обслуживания задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2012 г. № 301 [2].

Все перечисленное не позволяет обеспечить в полном объеме соблюдение законности при содержании лиц, совершивших административные правонарушения, в части исполнения административного законодательства, связанного с административным выдворением иностранных граждан и лиц без гражданства. В целях исключения указанных фактов полагаем необходимым рассмотреть вопрос о внесении изменений в законодательные акты о содержании иностранных граждан до установления их личности в случае их задержания на срок не более 48 часов в центрах временного содержания иностранных граждан МВД России в соответствии со ст. 27.3, ч. 2 ст. 27.5, ч. 1 ст. 27.6, КоАП РФ.

Список источников

1. *Старостин А. А.* Особенности профилактики незаконной миграции полицией // Актуальные проблемы полицейского права : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня образования Омской академии МВД России. Омск, 2020.

2. *Положение об условиях содержания, нормах питания и порядке медицинского обслуживания задержанных лиц в территориальных органах внутренних дел Российской Федерации* : утв. постановлением Правительства РФ от 16 апреля 2012 г. № 301. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О. Г. Степанова

Проблемные вопросы квалификации действий по ч. 1 ст. 5.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Должностные лица органов внутренних дел (полиции) вправе составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, за неисполнение или ненадлежащее

исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних.

Вместе с тем существует проблема, связанная с отсутствием на практике квалификации ряда деяний, осуществляемых родителями (законными представителями) несовершеннолетних, по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. На это обращали внимание многие авторы, например С. Л. Банщикова и И. Ю. Гольяпина [1, с. 14–16; 2, с. 95–100].

В качестве примера можно привести ситуации, когда родители размещают в сети Интернет видеоролики, демонстрирующие действия детей, способные причинить вред их здоровью. Поступки родителей, направленные на сбор лайков в социальных сетях, по нашему мнению, должны вызывать внимание у компетентных органов, поскольку такие действия являются небезопасными для жизни и здоровья несовершеннолетнего.

В соответствии со ст. 65 Семейного кодекса РФ при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Недопустимо осуществлять воспитание ребенка во вред его здоровью либо путем унижения его достоинства как личности. Сохранение жизни и здоровья несовершеннолетнего, его интересы должны быть на первом месте при воспитании несовершеннолетнего.

При привлечении к административной ответственности родителей в соответствии с ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в составе правонарушения не должно быть признака преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, а именно жестокого обращения с ребенком. Если не будет установлено указанного признака, данное действие составит объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, поскольку налицо причинно-следственная связь и негативные последствия для ребенка психического и физического характера.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что деяния, связанные со злоупотреблением родительскими правами, следует рассматривать как признак объективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ.

Список источников

1. Банщикова С. Л. Административная ответственность за неисполнение родителями обязанностей в отношении несовершеннолетних (опыт Омской области) // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 2(27).

2. Банищикова С. Л., Гольяпина И. Ю. Обязанности родителей по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних детей и административная ответственность за неисполнение обязанностей // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 1(25).

Е. А. Федяев, Д. И. Маллекер

Срок административного задержания для отдельных субъектов производства по делам об административных правонарушениях

КоАП РФ предусматривает три процессуальные меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, связанные с временным принудительным ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина: доставление, привод и административное задержание [1].

Рассматриваемые три формы обеспечения административного производства являются смежными процессуальными мерами осуществления административной деятельности полиции. Однако все они имеют существенные отличия в их документальном закреплении, порядке исполнения и сроках реализации.

Конституционные права и свободы человека и гражданина всегда вызывают общественные дискуссии и волнения. Их незаконное ограничение либо грубое нарушение воспринимается общественностью весьма неприязненно. Поэтому вопросы данного рода должны быть четко регламентированы и урегулированы. Возможность двойственного толкования норм закона, частичное либо полное отсутствие таковых являются неприемлемым.

Согласно ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ административное задержание определяется как кратковременное ограничение свободы физического лица, применяемое в исключительных случаях при необходимости обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении либо для исполнения постановления по делу об административном правонарушении. Получается, что административное задержание представляет собой процессуальную меру обеспечения административного производства, реализуемую в строго определенных случаях.

Целью административного задержания как обеспечительной процессуальной меры является создание условий для должного проведения

проверки сведений и фактов, подтверждающих либо опровергающих конкретные подозрения, обосновывающие задержание. Кроме того, указанное время необходимо для подготовки процессуальных документов и дальнейшей передачи дела об административном правонарушении на рассмотрение суда либо передачи лица, совершившего административное правонарушение, компетентным организациям и учреждениям для дальнейшего разбирательства, в том числе (при наличии соответствующего статуса) применения мер воздействия дисциплинарного характера.

В настоящее время весьма неоднозначным в теории административного законодательства представляется вопрос об исчислении срока административного задержания для отдельных категорий граждан ввиду их определенного социального либо профессионального статуса, например, таких как несовершеннолетние, беременные женщины, военнослужащие, должностные лица, имеющие специальные звания.

Законодатель в ст. 27.5 КоАП РФ определяет четкие временные пределы применения данной процессуальной меры обеспечения административного производства, которые не должны превышать в общем порядке 3 часа, а в исключительных случаях — 48 часов. Однако в данной статье не прописано, какой срок и для каких категорий субъектов он применяется.

Административное задержание часто применяется в связи с возможным назначением наказания в виде административного ареста. Согласно части 2 ст. 3.9 КоАП РФ запрещается применять административный арест к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет, инвалидам I и II групп, военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, а также имеющим специальные звания сотрудника Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, Государственной противопожарной службы и таможенных органов. Несмотря на очевидную связь административного задержания и административного ареста, в ст. 3.9 КоАП РФ не оговариваются также вопросы реализации сроков административного задержания. Такое правовое положение вполне объективно, ведь административное задержание и административный арест представляют собой разные по сути меры, каждая из которых имеет отдельное нормативное закрепление в КоАП РФ.

Нормы административного законодательства содержатся не только в КоАП РФ. Действующим сотрудникам правоохранительных органов в практической плоскости деятельности не всегда представляется возможным в должной мере владеть последними изменениями, происходящими в столь обширном правовом поле, как административная ответственность, тем более если эти изменения происходят не в привычном для сотрудников правоохранительных органов законодательстве.

Так, согласно определению Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2015 г. № 2738-О при наличии достоверных сведений о том, что лицо, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, влекущем административный арест, относится к категории граждан, перечисленных в ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ, срок административного задержания такого лица не должен превышать 3 часа [1].

Получается, что нормативное регулирование одного и того же вопроса будто бы разделено на две нормы права, но ни в одной из них не регламентировано в полном объеме. Из-за такого дробления правовых норм административного законодательства значительно затрудняется правоприменительная деятельность. Сложившейся ситуации можно было избежать, если бы положения ст. 27.5 КоАП РФ привели в соответствие с содержанием указанного определения Конституционного Суда РФ.

Очевидно, что в практической деятельности по осуществлению административного задержания сотрудники правоохранительных органов обычно руководствуются только основополагающими для них нормативными правовыми актами, а именно Законом о полиции и КоАП РФ.

Отсутствие прямого указания в ст. 27.5 КоАП РФ на срок административного задержания для отдельных категорий граждан, перечисленных в ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ, создает условия для нарушения законодательства и прав граждан. Должностные лица, уполномоченные на административное задержание, обычно даже не подозревают о существовании указанного определения Конституционного Суда РФ, детализирующего отдельные положения сроков административного задержания. Дополнение ст. 27.5 КоАП РФ этими положениями стало бы логичным совершенствованием правовой базы административного задержания относительно сроков его реализации.

Административное законодательство, затрагивающее в той или иной степени конституционные права и свободы граждан, должно быть всесторонне урегулировано и регламентировано. Пробелы либо возможность двойственного толкования правовых норм должны быть ликвидированы, так как совершенствование законодательства является одним из приоритетных направлений деятельности государства.

Таким образом, предлагаем часть 3 ст. 27.5 КоАП РФ изложить в следующей редакции: *«Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем административный арест или административное выдворение за пределы Российской Федерации, может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов, за исключением лиц, перечисленных в части 2 статьи 3.9 настоящего Кодекса, срок административного задержания которых не должен превышать три часа».*

Список источников

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ветлицкой Светланы Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью 3 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2015 г. № 2738-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О. Ю. Филиппов

О необходимости систематизации законодательства о применении полицейской силы сотрудниками правоохранительных органов

Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» был первым законодательным актом постсоветской России, где, во-первых, детально регулировались правовые основания и порядок применения мер непосредственного принуждения, во-вторых, закреплялись полномочия по применению должностными лицами иных мер государственного принуждения.

Развитие правового регулирования полицейской деятельности в Российской Федерации вполне обоснованно привело к принятию ряда законодательных актов, закрепляющих применение сотрудниками правоохранительных (полицейских) органов полицейской силы, под которой традиционно понимается совокупность мер непосредственного принуждения, включающего в себя применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

В целях восполнения законодательных пробелов путем внесения дополнений в действующие акты либо принятия новых законодательных актов предусматривались нормы, детально регламентирующие основания и порядок применения таких мер государственного принуждения,

как задержание, проникновение в жилые и иные помещения, территории и земельные участки, оцепление и блокирование участков местности и других объектов, иных мер принуждения.

До сих пор предпринимаются попытки закрепить право на применение дополнительных мер государственного принуждения, необходимых правоохранительным органам для противодействия новым угрозам. К данным нормам можно отнести и уже закрепленные в нормативных актах такие меры принуждения, как вскрытие транспортного средства, пресечение нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве.

Подобные изменения носят точечный и бессистемный характер. Наделяя правом на применение конкретной меры принуждения отдельный государственный орган правоохранительной направленности, законодатель обделяет, несмотря на очевидную необходимость в ее применении, другой полицейский орган. Складывается впечатление, что законодатель таким образом апробирует применение отдельной меры государственного принуждения, определяя одного субъекта этого апробирования, несмотря на тождественность решаемых задач и выполняемых функций иными государственными органами.

Кроме того, системный анализ норм, наделяющих правом должностных лиц правоохранительных органов на применение полицейской силы, при всей детальности урегулирования позволил выявить законодательные коллизии, неопределенность и непроработанность отдельных норм, не способствующих должной защите прав и свобод граждан, в том числе сотрудников полицейских органов, и не позволяющих эффективно решать поставленные задачи. Так, наделяя правом применения специальных средств и огнестрельного оружия сотрудников полиции по пресечению нахождения беспилотных летательных аппаратов в воздушном пространстве, полномочный орган не разработал механизма такого противодействия. Полиция оказалась неготовой к применению данных мер принуждения в силу отсутствия эффективных технических средств противодействия и оружия, состоящих на вооружении органов внутренних дел. Кроме того, существуют проблемы правовой регламентации в данной сфере.

Таким образом, необходима систематизация законодательства о применении полицейской силы сотрудниками различных правоохранительных органов Российской Федерации, наделенных правом применения мер непосредственного принуждения. Подобной формой систематизации, по нашему мнению, должен стать Кодекс полицейской силы Российской Федерации.

С. Г. Шапошников

Десять лет административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в России: взгляд в будущее

В начале XXI в. в России на фоне процессов развития государства, реформирования фундаментальных экономических, политических, духовных основ общества назрела потребность обновления милиции — самого многочисленного правоохранительного органа. 1 марта 2011 г. вступил в силу Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», ознаменовавший отказ от правоохранительной структуры советского типа, открывший эпоху новой правоохранительной парадигмы и ставший в определенном смысле продолжением исторической полицейской традиции нашего государства.

На исходе XIX в. в одной из своих работ И. Т. Тарасов высказал верную, не потерявшую своей актуальности мысль о том, что «меры охранительного воздействия уместно применить не только к лицам, осужденным по приговору суда за совершение преступления, но и к тем из них, кто уже отбыл наказание и был освобожден. Собственно полицейские меры безопасности в отношении к преступникам, отбывшим наказание, сводятся к заботе о дальнейшей участи этих лиц, дабы, с одной стороны, обеспечить им способы добывания средств к существованию, с другой — устранить от них возможный соблазн к повторению преступлений» [1, с. 169].

Для каждого этапа развития общества значительную опасность представляет рецидивная преступность, так как «совершение преступлений ранее судимыми и отбывшими наказание лицами свидетельствует о недостаточной эффективности пенитенциарного воздействия» [2, с. 33], отвлекает значительные ресурсы правоохранительной системы. Преступления таких лиц оставляют негативный след в общественном сознании, влияют на общую оценку эффективности деятельности правоохранителей.

1 июля 2011 г. вступил в силу Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее — Закон о надзоре). Одним из ярких сторонников возрождения новой теоретической концепции «персонифицированного надзора» стал О. И. Бекетов, видевший в нем эффективный предупредительный инструмент. Еще в 2006 г. он отмечал необходимость закрепления «в законодательстве категории „поднадзорных“ лиц, перечень ограничений их прав, процедуру проведения надзора, компетенцию должностных лиц, уполномоченных его осуществлять, ответственность в случае невыполнения „поднадзорными“ установленных для них огра-

ничений. Оптимальным образом указанные вопросы могли бы быть решены принятием Федерального закона „Об административном контроле за лицами, освобожденными из мест лишения свободы“» [3, с. 21].

Уже в течение десяти лет в арсенале полиции имеется указанный правовой институт. Данный срок позволяет сделать определенные выводы, выявить пробелы и проблемные вопросы, существующие в процессе осуществления надзора за отдельной категорией ранее судимых граждан. Первые отчетные данные о поднадзорных, о деятельности полиции в ходе осуществления надзора были сформированы по итогам работы за 2012 г. Так, согласно сведениям ГИАЦ МВД России за 2012 г., число лиц, находившихся под административным надзором, составляло 42 080 граждан. В конце 2020 г. под административным надзором полиции уже находилось 116 120 граждан.

Анализ статистических данных показывает, что по итогам 2020 г. количество лиц, находящихся под административным надзором, совершивших преступления, составляет 29 033 лица, из которых без постоянного источника дохода — 21 695, не имеющих определенного места жительства — 841. Из этого следует, что социальная неопределенность поднадзорных лиц, проблемы в трудоустройстве являются одним из факторов совершения ими новых преступлений. Кроме того, в настоящее время отсутствует эффективный механизм социальной адаптации данной категории граждан: поднадзорные лица нуждаются в социальной реабилитации, трудоустройстве, организации быта. Не получила должного обоснования научная концепция правового стимулирования законопослушного поведения поднадзорных лиц. С одной стороны, государство создает условия, позволяющие вернуться поднадзорному лицу после освобождения из мест лишения свободы к нормальной законопослушной жизни в обществе, с другой — административно-правовыми средствами государство стимулирует его к правомерному поведению и в случаях нарушения ограничений и обязанностей, установленных судом, способно привлечь к ответственности.

Согласно данным ГИАЦ МВД России за 2020 г., количество протоколов об административных правонарушениях, оформленных в отношении лиц, находящихся под административным надзором, составляет 441 743, из них связанных с несоблюдением административных ограничений и невыполнением обязанностей, устанавливаемых при надзоре, — 289 482. Кроме того, количество направленных в суд ходатайств ОВД о продлении административного надзора составило 8498, заявлений об установлении поднадзорному лицу дополнительных ограничений — 27 861.

Указанные сведения демонстрируют результативность применения полицией имеющихся административно-правовых средств противодействия повторной преступности поднадзорными лицами, но минимизировать количество совершаемых правонарушений исключительно полицейскими мерами невозможно.

Для более эффективного противодействия повторной преступности поднадзорными лицами существует необходимость законодательного расширения субъектов, участвующих в осуществлении надзора (службы социального обеспечения, занятости населения, органы местного самоуправления). Среди субъектов, осуществляющих надзор, должны присутствовать не только применяющие репрессивные меры, но и оказывающие помощь в получении общего и профессионального образования, жилья, в трудоустройстве, организации лечения. Таким образом, нужны условия, при наличии которых лицо, освобожденное из мест лишения свободы, будет стремиться к законопослушному поведению. Необходимо законодательное закрепление требований по квотированию рабочих мест на муниципальных предприятиях в целях занятости указанной категории граждан.

Список источников

1. *Тарасов И. Т.* Учебник науки полицейского права. М., 1891.
2. *Кирюхин В. В.* Полицейский надзор: к поискам истоков // Административное право и процесс. 2021. № 3.
3. *Бекетов О. И., Филоненко И. О.* Проблемы осуществления специального полицейского надзора // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 1.

К. Е. Шилехин

Место ответственности за правонарушения в области налогов и сборов в системе юридической ответственности

Последние двадцать лет активно ведется дискуссия о правовой природе и сущности норм, устанавливающих ответственность физических и юридических лиц, закрепленных в Налоговом кодексе Российской Федерации (далее — НК РФ). За это время было успешно защищено множество диссертационных исследований, содержащих противоположные, а нередко и взаимоисключающие выводы. Важно отметить, что противоречивые научные выводы оказались невостребованы практикой, ни одно из предложений по систематизации норм КоАП РФ и НК РФ не было принято. В настоящее время сложилась устойчивая, хотя и не лишенная недостатков

правоприменительная практика совместного применения норм КоАП РФ и НК РФ. В связи с этим возникает вопрос о необходимости устранения дублирования указанных норм и потенциальной пользе таких действий для всех участников общественных отношений. Существующие научные исследования обходят стороной этот вопрос, концентрируя внимание на правовой природе норм, регулирующих ответственность. Однако поиски правовой природы указанных норм бесполезны, поскольку, во-первых, не приводят к получению достоверных, непротиворечивых научных знаний, во-вторых, не соответствуют складывающейся практике.

Место юридических норм, устанавливающих ответственность физических и юридических лиц за совершение правонарушений, предусмотренных НК РФ, следует определять, опираясь на потребности правоприменителя, цели и задачи, стоящие перед ним.

Анализ публичной декларации целей и задач Федеральной налоговой службы Российской Федерации на 2021 г. и отчетных документов службы [1] позволяет однозначно утверждать, что налоговый орган трансформировался в сервисный центр предоставления услуг для налогоплательщиков. Единственными показателями, отражающими выполнение фискальной функции, являются количество выездных налоговых проверок и размер доначисленных налогов в расчете на одну выездную налоговую проверку. Результаты юрисдикционный (квазисудебной) деятельности Федеральной налоговой службы РФ не нашли отражения ни в отчетных, ни в программных документах. Приходится признать, что указанный вид деятельности не имеет решающего значения как для налоговой службы, так и для государства. Дуализм в правовом регулировании ответственности за совершение правонарушений в области налогов и сборов будет сохраняться до тех пор, пока он не станет создавать помех для досудебного урегулирования споров между налоговыми органами и налогоплательщиками и оказания иных услуг.

Таким образом, в настоящее время правоприменитель не рассматривает юридическую ответственность как значимый инструмент правового регулирования, отдавая предпочтение иным механизмам. Государство в лице Федеральной налоговой службы РФ отдает предпочтение налоговому мониторингу и досудебному урегулированию споров, предпочитая договориться с налогоплательщиками.

Список источников

1. Публичная декларация целей и задач ФНС России на 2021 год // Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/#t11 (дата обращения: 20.06.2021).

П. Е. Шишкин

**О некоторых актуальных вопросах,
возникающих при осуществлении производства
по делам об административных правонарушениях,
предусмотренных статьей 6.9.1 КоАП РФ**

Проблема немедицинского потребления наркотиков продолжает оставаться угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Как отмечается в п. 9 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г., угрозами национальной безопасности в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков является недостаточная эффективность организации профилактической деятельности, социальной реабилитации больных наркоманией и социализации больных наркоманией, а также неэффективное применение правового механизма побуждения наркопотребителей к прохождению по решению суда лечения от наркотической зависимости, медицинской и социальной реабилитации [1]. В соответствии с данными Государственного антинаркотического комитета, в 2019 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 401,2 тыс. пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, из них 236,2 тыс. — больные наркоманией, 165 тыс. — пациенты с диагнозом «пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков» [2, с. 4].

Статья 6.9.1 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за уклонение от исполнения возложенной судьей обязанности прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании, медицинской и (или) социальной реабилитации. Согласно ведомственной статистической отчетности МВД России, в 2020 г. из 165 605 административных правонарушений в области оборота наркотиков, выявленных сотрудниками органов внутренних дел на территории Российской Федерации, 28 597 (или 17%) — по ст. 6.9.1 (+1557 АППГ) [3], что свидетельствует о достаточной распространенности указанного административного правонарушения.

При осуществлении сотрудниками полиции производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.9.1 КоАП РФ, выявлен ряд проблем. Во-первых, исчисление срока давности привлечения к административной ответственности в том случае, когда объективная сторона выражается в форме бездействия, а именно длительном неисполнении предусмотренной законом обязанности (например, в форме непосещения лицом медицинской организации). Несмотря

на вывод Верховного Суда РФ о том, что противоправное деяние может являться длящимся в зависимости от объективной стороны соответствующего деяния [4]. Имеют место факты исчисления срока давности привлечения к административной ответственности судьями с момента вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания в части начала исполнения обязанности. Указанная позиция судебных органов, на наш взгляд, крайне негативно влияет на саму сущность реализации ч. 2.1 ст. 4.1 и ст. 6.9.1 КоАП РФ как одного из административно-правовых средств побуждения лиц, совершивших административные правонарушения, к лечению от наркомании, так как позволяет лицам, не исполняющим обязанность, уйти от административной ответственности.

Во-вторых, непривлечение лица, не исполняющего обязанность, к административной ответственности по ст. 6.9.1 КоАП РФ, ввиду неустановления местонахождения лица, уклоняющегося от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской реабилитации. Повод к возбуждению дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.9.1 КоАП РФ, — поступление из медицинской организации или учреждения социальной реабилитации уведомления об уклонении от исполнения обязанности. При этом в случае неустановления места нахождения лица, не исполняющего обязанность, не представляется возможным и составление протокола об административном правонарушении. Действующая нормативно-правовая база, регламентирующая осуществление контроля за указанными лицами, не предусматривает обязанностей в виде явки в территориальный орган МВД России для регистрации либо уведомления о смене места жительства или пребывания [5; 6].

Указанные обстоятельства существенно снижают эффективность реализации административно-правовых средств побуждения лиц, совершивших правонарушения, к лечению от наркомании, медицинской и (или) социальной реабилитации.

Список источников

1. *Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года* : указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Доклад Государственного антинаркотического комитета о наркоситуации в Российской Федерации в 2019 году*. URL: <https://drugmap.ru/wp-content/uploads/2020/08/Doklad-GAK-2019-KMM.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).

3. ЦСТИ ГИАЦ МВД России. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt577_202012.007.txt (дата обращения: 20.05.2021).

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении Правил контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ : постановление Правительства РФ от 28 мая 2014 г. № 484. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении порядка организации работы в органах внутренних дел Российской Федерации по осуществлению контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также порядка учета, оформления, ведения, хранения, передачи и уничтожения необходимых для этого документов : приказ МВД России от 26 февраля 2018 г. № 111. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ж. Д. Яценко

О профилактической деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей

От эффективности работы уполномоченных органов государственной власти, местного самоуправления, правоохранительных органов в немалой степени зависит уровень подростковой преступности. Несмотря на многообразие существующих в настоящее время органов, обеспечивающих профилактику противоправного поведения несовершеннолетних, Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (далее — ЦВСНП) занимают особое место среди данных субъектов, а их работа регламентирована Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее — Закон),

регулирующим отношения, возникающие с деятельностью профилактики безнадзорности правонарушений несовершеннолетних. В статье 22 Закона определены категории несовершеннолетних, которые могут быть помещены в ЦВСНП [1].

При этом необходимо подчеркнуть, что перечень категорий является исчерпывающим, поэтому другие категории несовершеннолетних туда не могут быть помещены.

К данной категории относятся дети, которые, как правило, уже состояли на профилактическом учете в подразделении по делам несовершеннолетних, и с ними проводилась определенная работа по коррективке отклоняющегося поведения. Однако если поведение несовершеннолетнего уже не вписывается в общепринятые нормы, то рассматривается вопрос о применении к нему более серьезных мер воздействия, т. е. о помещении в ЦВСНП.

ЦВСНП — это учреждение не для отбывания наказания. Туда помещают за совершение так называемых противоправных действий в целях предупреждения совершения повторного деяния. Материалы, на основании которых суд принимает решение о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП, должны содержать данные, свидетельствующие об устойчивом деликвентном поведении подростка. Возраст несовершеннолетних, в отношении которых осуществляется помещение, может быть от 7 до 18 лет. Это обусловлено тем, за какое противоправное деяние помещается несовершеннолетний правонарушитель, а также его личностными особенностями развития. Главная цель — чтобы несовершеннолетний задумался о своем поведении, встал на путь исправления, для чего должностные лица ЦВСНП должны за период его нахождения провести максимум работы, чтобы добиться такого результата.

Как орган профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей обеспечивают прием и временное содержание несовершеннолетних правонарушителей в целях защиты их жизни, здоровья, предупреждения повторных правонарушений, проводят профилактическую работу с доставленными несовершеннолетними.

Организация профилактической и воспитательной работы с несовершеннолетними должна быть нацелена на переориентацию антиобщественной направленности жизненных установок, развитие положительных склонностей и интересов, реабилитацию личности подростка, устранение недостатков в поведении, приобретение нравственного опыта, формирование новых положительных знаний, умений, навыков, приобщение к учебе и труду.

Сотрудники ЦВСНП проводят как общепрофилактические, так и индивидуальные мероприятия в отношении несовершеннолетних. Общая профилактическая работа сотрудников ЦВСНП предполагает осуществление широкого спектра мероприятий, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений несовершеннолетними. Для этого могут использоваться такие формы, как лекции, беседы с воспитанниками на правовую и нравственную тематику, показ телепередач и видеофильмов, разъяснение законодательства (в том числе ответственности за совершенные правонарушения), приглашение представителей прокуратуры и суда для выступления перед несовершеннолетними.

Индивидуальная профилактическая работа проводится в течение всего времени содержания несовершеннолетних в ЦВСНП с учетом возраста, поведения, общественной опасности ранее совершенных правонарушений, а также других обстоятельств, имеющих значение для применения эффективных мер профилактического воздействия.

Для получения положительного результата, который хотелось бы видеть после нахождения несовершеннолетнего в ЦВСНП, важное значение имеет срок, в течение которого он там находится. В соответствии с Законом нахождение несовершеннолетнего в данном учреждении не может превышать 30 суток. Однако суды при решении вопроса о помещении стараются этот срок максимально сократить, а это значит, что несовершеннолетний находится в ЦВСНП минимально короткий срок, не позволяющий проводить профилактическую работу надлежащим образом и в полном объеме. Хотя все возможности для этого имеются, ведь положительный результат всей работы сотрудников ЦВСНП и других государственных органов заключается в отсутствии в будущем проявлений антиобщественного поведения, нарушений правопорядка со стороны несовершеннолетнего.

Список источников

1. *Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних* : федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26, ст. 3177.

РАЗДЕЛ IV. ИНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Э. Х. Абишев

О демилитаризации правоохранительных органов Республики Казахстан: замыслы и осуществление

Одним из перспективных направлений реформирования правоохранительной системы Республики Казахстан является изменение организации государственной службы путем оптимизации должностей, имеющих особый статус, — сотрудника правоохранительного органа.

Речь идет не о сокращении численности правоохранительных органов, а об изменении статуса сотрудника правоохранительного органа на статус государственного или гражданского служащего на основании критериев, которые разграничат обеспечивающие и основные подразделения правоохранительных органов. Это позволит изменить методы государственного управления, поскольку большое количество государственных служащих с особым статусом может свидетельствовать о преобладании методов принуждения в государственном управлении. Кроме того, предлагаемая мера позволяет обеспечить экономию денежных средств, не снижая эффективности деятельности по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности.

В отечественной и зарубежной юридической науке указанный процесс именуется по-разному: «демилитаризация» [1, с. 294–299], «разаттестация» [2, с. 52–56], «цивилизация» (практика назначения не приведенных к присяге сотрудников для выполнения функций полицейских, которые не требуют специальной подготовки или авторитета полицейского) [3, с. 93–97] и др. Мы отдаем предпочтение терминам «демилитаризация» и «разаттестация».

Милитаризация (от лат. *militaris* — солдатский, воинский, военный) — подчинение экономической, политической и общественной жизни военным целям; перенесение методов военной организации в область общественных отношений. Соответственно, демилитаризация — это

противоположный процесс. Процесс сокращения численности сотрудников особого статуса (разаттестация) является одной из форм демилитаризации правоохранительных органов.

Государственный статус сотрудника правоохранительного органа дает большой престиж, определенные законодательством права и привилегии. Разаттестация сотрудников правоохранительных органов преследует цели управленческого плана: современное государство нуждается в служащих гражданского стиля управления. Кроме того, сокращение должностей, которые имеют особый статус, рассматривается в Республике Казахстан как одно из ключевых направлений реформы правоохранительных органов, шаг к построению сервисной модели полицейского ведомства, реализации концепции «Слышащего государства», которая даст оперативное и эффективное реагирование на запросы граждан.

В этом направлении в предшествующие годы проведена определенная работа. Так, в соответствии с распоряжением Президента Республики Казахстан от 17 марта 1999 г. № 18 [4] разаттестованы судьи, судебные приставы, некоторые категории сотрудников таможенных органов, работники министерств транспорта и коммуникаций, охраны окружающей среды, по чрезвычайным ситуациям. Несмотря на проведенную работу, степень милитаризации правоохранительных органов Республики Казахстан оставалась высокой.

Новые предложения демилитаризации силовых структур нашли отражение в Указе Президента Республики Казахстан № 1184 от 10 сентября 2003 г. [5], предлагающем сохранить звания лишь за военнослужащими и сотрудниками, непосредственно выполняющими основные задачи и функции, а квалификационные классы судей упразднить. Для организации исполнения Указа был подготовлен соответствующий законопроект, который не был принят.

Вопросы демилитаризации вновь нашли свое отражение в перечне мер по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республике Казахстан 2010 г. [6]. Была проведена частичная работа в отношении служб органов внутренних дел, противопожарной службы и таможни, выполняющих вспомогательные функции.

Вопрос разграничения основных и обеспечивающих функций является весьма спорным, что и стало главной проблемой в ходе реализации этих норм. Этот замысел должен базироваться на общих принципах для всех силовых структур. В связи с этим необходимо выработать соответствующие критерии. К решению данного вопроса целесообразно подойти с дополнительным изучением международного опыта.

Положительной может стать реализация пилотного проекта в отдельно взятом регионе. При достижении позитивных результатов аналогичную работу можно провести и по другим силовым подразделениям и службам. Видится перспективной полная разаттестация ведомственного образования.

Таким образом, комплексная и последовательная реализация предлагаемых и иных необходимых мер будет способствовать снижению уровня милитаризации правоохранительных органов, приближению по данному показателю к общемировым стандартам и положительно воспримется населением. Вместе с тем разаттестацию необходимо проводить на основе глубокого анализа, с учетом предполагаемых рисков в целях исключения отрицательного отражения на деятельности правоохранительных органов и размывания профессионального ядра.

Список источников

1. *Усеев Р. З.* Вопросы милитаризации и демилитаризации уголовно-исполнительной системы: сущность, причины, эффект безопасности // Право и политика. 2016. № 8.

2. *Салкебаев Т. С.* Некоторые вопросы совершенствования национальной полиции в рамках реализации Стратегии развития Республики Казахстан до 2025 года // Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 70-й годовщине со дня принятия Всеобщей декларации прав человека 2019.

3. *Занина Т. М., Шебанова О. А.* Проблемы нормативного правового регулирования прохождения службы в органах внутренних дел государственными гражданскими служащими // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 4(46).

4. *О мерах по упорядочению присвоения воинских и специальных званий в отдельных государственных органах : распоряжение Президента Республики Казахстан от 17 марта 1999 г. № 18.* URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/N990000018_ (дата обращения: 07.04.2021).

5. *О вопросах присвоения воинских и специальных званий, права ношения форменной одежды военнослужащими и сотрудниками иных государственных органов : указ Президента Республики Казахстан от 10 сентября 2003 г. № 1184.* URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U030001184_ (дата обращения: 08.04.2021).

6. *О мерах по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республике Казахстан : указ Президента Республики Казахстан от 17 августа 2010 г. № 1039.* URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100001039_ (дата обращения: 08.04.2021).

А. И. Антонов

Особенности привлечения к ответственности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации за совершение коррупционных правонарушений

Действующим законодательством предусмотрен особый порядок привлечения к ответственности за совершение коррупционного правонарушения. В соответствии с Федеральным законом от 22 декабря 2014 г. № 431-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции», который внес изменения в Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусмотрены дополнительные меры противодействия коррупции, установлен особый порядок наложения на сотрудников органов внутренних дел взысканий за коррупционные правонарушения. Так, взыскания налагаются на сотрудника ОВД в соответствии с порядком, установленным ст. 51.1 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», и применяются представителем нанимателя на основании доклада о результатах проверки, проведенной подразделением по профилактике коррупционных и иных правонарушений кадрового подразделения федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а в случае, если доклад о результатах проверки направлялся в комиссию по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационную комиссию) — и на основании рекомендации указанной комиссии. С согласия сотрудника органов внутренних дел и при условии признания им факта совершения коррупционного правонарушения взыскание, за исключением увольнения в связи с утратой доверия, может быть применено на основании доклада подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений кадрового подразделения федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел о совершении коррупционного правонарушения, в котором излагаются фактические обстоятельства его совершения, и письменного объяснения такого сотрудника.

При этом порядок проведения проверки регламентирован Указом Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными

государственными служащими требований к служебному поведению». За несоблюдение сотрудником ОВД ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции федеральными законами «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», «О противодействии коррупции» и иными федеральными законами, налагаются взыскания, предусмотренные ч. 1 ст. 50 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации». Кроме того, ст. 82.1 этого же закона предусмотрен особый вид ответственности — увольнение в связи с утратой доверия.

Законодательством закреплён и особый срок для применения мер юридической ответственности за нарушения норм антикоррупционного законодательства. Так, в силу ст. 51.1 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» взыскания, предусмотренные за коррупционные правонарушения, налагаются не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении сотрудником ОВД коррупционного правонарушения, не считая периодов временной нетрудоспособности сотрудника, нахождения его в отпуске или командировке, и не позднее трех лет со дня совершения им коррупционного правонарушения.

К особенностям привлечения к ответственности сотрудников ОВД за совершение коррупционных правонарушений можно отнести следующее: в соответствии с требованиями ст. 50.1 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» налагаются взыскания, предусмотренные ч. 1 ст. 50 данного Федерального закона, что, в свою очередь, исключает возможность привлечения сотрудников ОВД к ответственности в виде устного взыскания.

В соответствии с ч. 9 ст. 51.1 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», если в течение одного года со дня наложения взыскания сотрудник органов внутренних дел не был подвергнут дисциплинарному взысканию, предусмотренному пп. 1, 2, 3, 4 или п. 5 ч. 1 ст. 50 данного Федерального закона, или взысканию, предусмотренному ст. 50.1 этого Федерального закона, он считается не имеющим взыскания. Анализ ст. 48 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» позволяет сделать вывод, что досрочное снятие взысканий за совершение коррупционных правонарушений с сотрудников ОВД законодателем не предусмотрено.

Я. А. Антонов

Институт особых правовых режимов в России: история и современность

В истории любого государства можно найти многочисленные примеры установления на его территории специальных или особых правовых режимов. Не является исключением и Россия. Так, в различные исторические периоды на территории нашего государства устанавливались режимы осадного, военного исключительного и чрезвычайного положения.

Под особым правовым режимом в Российской Федерации в настоящее время принято понимать вводимый в случае возникновения угроз внутреннего и внешнего характера правам и свободам граждан, территориальной целостности и суверенитету Российской Федерации как на отдельной ее части, так и на всей территории специальный правовой режим, предусматривающий особый режим профессиональной деятельности (функционирования) не только соответствующих органов местного самоуправления и органов государственной власти, но и иных субъектов правовых отношений. Изучение специальной литературы и научных исследований, посвященных использованию особых правовых способов в сфере государственного регулирования общественных отношений, позволяет говорить о весьма длительном историческом периоде формирования, развития и трансформации особых мер государственной охраны органами внутренних дел общественного и правового порядка в России.

В соответствии с действовавшим на территории Российской империи законодательством институт особых государственно-правовых режимов, имея репрессивный характер, на рубеже XIX–XX вв. являлся правовой основой внутренней политики российского самодержавия и оказал большое влияние на формирование в научной среде основ разумного баланса интересов государства и личности.

Перед органами государственной власти созданного после Октябрьской революции 1917 г. Советского государства ставится важнейшая задача по защите социалистической революции. Установившийся сразу же после окончания Гражданской войны политический режим способствовал дальнейшему использованию в мирное время особых судов в случае объявления на территории военного или чрезвычайного положения. Властью институт государственно-правовых режимов применялся как средство не только установления и укрепления власти, устранения политических и идеологических противников, но и ограничения свободы

в обществе. Основным толчком к развитию нормативно-правового регулирования особых правовых режимов стала Великая Отечественная война. Установление юридической ответственности за те или иные действия или бездействие, особенно в условиях чрезвычайных ситуаций, было одним из наиболее важных аспектов реализации прав и свобод не только обеспечения прав граждан, но и нормального функционирования органов государства, обеспечения правопорядка, средством предупреждения и пресечения данной ситуации.

Существовавшая в СССР командно-административная система не предполагала развития и нормативного закрепления положений теории о пределах ограничения прав и свобод человека и гражданина. В СССР к началу 1980-х гг. практически полностью отсутствовала нормативная основа правового регулирования непредсказуемых техногенных аварий и беспрецедентных социальных и политических конфликтов, которые были практически невозможны в рамках законодательства, действовавшего на тот исторический момент.

Постепенный процесс прекращения существования СССР, усиление кризисных явлений в экономической сфере и политической системе, отчетливо прослеживаемые тенденции к дальнейшему распаду теперь уже и Российской Федерации обусловили усиление значения государственно-правового воздействия на внутригосударственные процессы посредством реализации положений особого чрезвычайного законодательства.

В качестве ответной, защитной реакции на чрезвычайные ситуации социального, политического, природного и техногенного характера именно в этот исторический период стал процесс формирования четких правовых основ и разработки законодательства о чрезвычайных ситуациях, которые закреплены в действующем законодательстве Российской Федерации.

Изложенное позволяет заключить, что с конца XIX в. до начала XXI столетия особые правовые режимы в России приобрели свое законодательное закрепление, произошло расширение субъектного состава, появление нормативных правовых актов, специально посвященных отдельным видам исключительных режимов. Исключительные режимы приобрели системный характер, что нашло отражение не только в Конституции РФ, федеральных конституционных законах, но и в федеральных законах и подзаконных актах, регламентирующих деятельность ОВД, в частности, в нормах Закона о полиции: «Обязанность полиции принимать участие при чрезвычайных ситуациях неотложные меры по спасению граждан, охране имущества, оставшегося без присмотра, содействовать в этих условиях бесперебойной работе спасательных служб;

обеспечивать общественный порядок при проведении карантинных мероприятий во время эпидемий и эпизоотий; участвовать в обеспечении режима военного положения и режима чрезвычайного положения в случае их введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях».

Е. Г. Беляева

О некоторых проблемных аспектах, связанных с применением к сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации дисциплинарных взысканий

Современное правовое государство заинтересовано в постоянном целенаправленном и динамичном развитии правоохранительных органов, модернизации механизмов управления, выработке наиболее эффективных форм и методов работы.

Благодаря изучению судебных исков, административных исков, предъявленных к Российской Федерации в лице МВД России, к органам, организациям и подразделениям системы МВД России, можно представить состояние оперативно-служебной деятельности подразделений системы МВД России, выявить сферы деятельности, в которых допускаются просчеты. Анализ судебной практики показал, что причинами удовлетворения заявленных исковых требований послужили установленные судами в ходе рассмотрения дел существенные нарушения процедуры привлечения сотрудников полиции к дисциплинарной ответственности.

Во многом это объясняется тем, что современные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы дисциплинарной ответственности, содержат ряд противоречий и неточностей. Имеются определенные проблемы в материальных и процессуальных аспектах административно-правового регулирования. Существующие виды дисциплинарных взысканий не всегда являются эффективными.

Отметим лишь некоторые проблемы, связанные с применением к сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации дисциплинарных взысканий. Как известно, предупреждение о неполном служебном соответствии взято за основу на примере службы в Вооруженных Силах Российской Федерации. А. С. Ковалев определил, что «аккуратное выполнение требований, норм, регламентов, порядка со стороны сотрудника ОВД РФ говорит о служебном соответствии последнего замещаемой им должности» [1, с. 14]. Невыполнение и некаче-

ственное выполнение установленных к военнослужащему требований, нормативных документов, недисциплинированность можно считать неполным служебным соответствием.

Как отражено в Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «дисциплинарное взыскание, наложенное на сотрудника ОВД РФ приказом руководителя... считается снятым по истечении одного года со дня его наложения...» [2]. Возникает вопрос, что происходит по истечении года. В настоящее время данный аспект не нашел нормативного закрепления. На практике оно снимается по умолчанию, аналогично замечанию, выговору и строгому выговору.

Можно предположить, что цели данного дисциплинарного взыскания могут быть достигнуты при следующих обстоятельствах: сотрудник ОВД положительно характеризуется, проявляет усердие, повысил свою дисциплинированность, не допускал даже незначительных упущений при выполнении служебных обязанностей и в целом осознал тяжесть примененного к нему взыскания. Полагаем, данный вопрос целесообразно решать на аттестационных комиссиях [3, с. 103–110].

Необходимо отметить, что список дисциплинарных взысканий, применяемых в ОВД РФ, является исчерпывающим и отличается разнообразием по сравнению с общей системой дисциплинарных взысканий, предусмотренных Трудовым кодексом РФ, которая представлена тремя мерами дисциплинарного воздействия: замечанием, выговором и увольнением по соответствующим основаниям.

Необходимо также отметить, что в законодательстве иных правоохранительных органов установлены такие дисциплинарные взыскания, как: понижение в звании (Следственный комитет РФ), понижение в классном чине, лишение ряда нагрудных знаков (Прокуратура РФ).

Наиболее обширный список дисциплинарных взысканий закреплён для военнослужащих. Вместе с тем в большинстве силовых ведомств не предусмотрено такое дисциплинарное взыскание, как перевод на низшую должность (Федеральная служба исполнения наказаний РФ, Следственный комитет РФ, Прокуратура РФ, Таможенные органы и др.). В Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [4] также такого дисциплинарного взыскания нет, отсутствует и строгий выговор.

По мнению некоторых ученых, применяемые дисциплинарные взыскания оказывают в большей степени моральное воздействие и не явля-

ются эффективными. По мнению Ю. М. Буравлева, «они не обеспечивают должного профилактического воздействия на лиц, склонных к правонарушениям и злоупотреблениям служебным положением, не обладают достаточным наказательным потенциалом» [5, с. 78].

Аналогичной позиции придерживается А. А. Гришковец, который утверждает, что «из-за сохраняющегося отсутствия в отечественном законодательстве мер дисциплинарной ответственности имущественного и служебного характера институт дисциплинарной ответственности на государственной службе имеет пока крайне низкую эффективность» [6, с. 63].

Мы разделяем точку зрения названных ученых и считаем, что лишь увольнение со службы в ОВД и отчисление из образовательной организации влекут очевидные негативные последствия для сотрудников.

С учетом изложенного, принимая во внимание опыт иных правоохранительных органов Российской Федерации, полагаем целесообразным устранение нормативного непонимания в вопросах использования дисциплинарного взыскания в виде неполного служебного соответствия. Необходимо предложить дополнительную нормативную формулировку, предусматривающую ее применение по итогам аттестации (аналогично законодательству иных правоохранительных органов).

Список источников

1. Ковалев А. С. Предупреждение о неполном служебном соответствии: понятие, основания, последствия наложения данного взыскания // Право в Вооруженных Силах. 2005. № 11.
2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.05.2021).
3. Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Дисциплинарная ответственность гражданских служащих: проблемы нормативной определенности и справедливой дифференциации // Трудовое право. 2009. № 9.
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31, ст. 3215.
5. Буравлев Ю. М. Виды юридической ответственности в системе государственной службы : монография. М., 2019.
6. Гришковец А. А. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственных служащих // Право и политика. 2001. № 9.

А. И. Воронов

Педагогическое сопровождение процесса обучения навыкам правомерного применения полицейской силы в форме боевых приемов борьбы

Практическое применение полицейской силы в форме боевых приемов борьбы (далее — БПБ) требует, чтобы сотрудник полиции действовал с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления, а причиненный вред, наступивший в результате применения сотрудником полиции различных техник единоборств, соответствовал характеру и степени опасности пресекаемого правонарушения, т. е. не был чрезмерным в данной ситуации. При этом сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба. В таком контексте инвариантом правомерности при двигательном (физическом) воздействии на правонарушителя является причиненный ущерб, допускаемый законом в конкретных условиях.

Сотрудник полиции по действующему порядку находится в режиме постоянной служебной готовности и обязан проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

В то же время сложная комбинаторика боевых приемов борьбы позволяет в их структуру включать множество факторов (не только усложняющих формально боевой прием, но и усовершенствующих (усиливающих) его), позволяя добиться требуемого служебного результата именно потому, что была использована вся мозаика возможностей в создавшейся ситуации. Здесь сотрудник полиции предстает как профессионал, решающий ряд вопросов междисциплинарного характера, способный в итоге добиться полного завершения ситуации с требуемым правомерным служебным результатом.

Принимая во внимание, что БПБ — это служебно-прикладные двигательные действия, они должны оцениваться через достигаемый служебный результат. Иное оценивание происходит только в рамках учебного процесса, где сознательно выделяются и многократно повторяются в целях упражнения отдельные двигательные элементы, но с условием их дальнейшего включения в целостное двигательное действие, каким является любой БПБ. Важно помнить, что данные элементы в ходе их упражнения должны отвечать определенным качествам (характеристикам), позволяющим

в дальнейшем включить их в БПБ, при этом обеспечить гармоничное объединение этих элементов в целостное служебно-прикладное двигательное действие — БПБ с заданным служебным результатом. Сотрудник полиции и правонарушитель могут значительно различаться по весовой категории, спортивной квалификации, текущим психофизиологическим состояниям и т. д., при этом у сотрудника полиции имеется законное право применять различные БПБ, специальные средства и огнестрельное оружие, что значительно повышает его шансы на успешное противоборство с соперником, в том числе по правомерным основаниям и с минимизацией возможного наносимого ущерба.

В связи с этим накопление и обогащение двигательного опыта (овладение профессиональными движениями) сотрудника полиции остаются актуальной задачей его профессиональной подготовки, нуждающейся в постоянной педагогической и методической обеспеченности. При оперировании с учебным материалом всегда происходит либо его обобщение, либо его детализация — в зависимости от понимания этих позиций педагогом либо от степени подготовленности обучающихся. Поэтому чем выше уровень обобщения, тем более интегративно преподносится учебный материал. При детализации вычленяются какие-либо элементы (операции) служебно-прикладного двигательного действия, разумеется, с учетом вклада этого элемента в общий (итоговый) результат, достигаемый в ходе выполнения данного двигательного действия, либо тех последствий, которые неминуемо возникнут в случае его игнорирования (несоблюдения) или же полного отказа от его выполнения. Таким образом, у каждого обучающегося сотрудника полиции «своя» единица оперирования материалом.

Ниже предлагаются характеристики последовательности и рекомендуемый объем операций, применяемых для текущего контроля при демонстрации техники БПБ в ходе обучения.

Качество выполнения: скорость, слитность, вывел из равновесия, ушел с линии атаки, выполнил захват, обеспечил контроль, применил спецсредства.

Правомерность выполнения:

1) низкий уровень опасности: обеспечен плотный захват, исключая ответные действия, побег и т. п. Удержание (задержание) вдвоем, втроем;

2) повышенный уровень опасности: перевел в партер; увернулся от летящего предмета; сковал наручниками;

3) критический уровень опасности: действия в условиях необходимой обороны, действия в условиях крайней необходимости.

Применение адекватных средств и достижение необходимых эффектов:

- ударная техника в уязвимые места (пах, ключица, живот, проекция сердца, голова и т. п.);
- воспользовался специальными или подручными средствами, огнестрельным оружием;
- применил болевые или удушающие приемы, вплоть до причинения травмы;
- выполнил бросок соперника на участок выступающих конструкций (мебель, бордюр, скамейка, урна и т. п.);
- использовал конструктивные особенности интерьера или участка местности, на котором происходит противоборство (столкнул с высоты, подставил подножку убегающему противнику и т. п.).

Кроме того, необходимо контролировать, что сотрудник полиции уверенно оперирует понятиями, категориями, терминами и т. п., касающимися вопросов правомерного применения БПБ.

В качестве ведущей для обучения и совершенствования правомерного применения БПБ предлагается следующая компетенция — способность интегрировать имеющиеся сведения (если нужно, получать недостающие), умения и навыки с учетом складывающихся обстоятельств и условий их использования и применения для решения оперативно-служебных задач и достижения поставленных профессиональных целей; интегрировать имеющиеся ресурсы, в пропорциях компенсирующие недостающие, для решения служебной задачи в сложившихся условиях «здесь и сейчас».

Возможен выбор такой стратегии профессионального обучения, которая обеспечит выход на экстремальные режимы выживания в критических ситуациях. Однако это вызывает определенные сомнения: не будет ли такое обучение провоцировать обучающихся на проявление рискованного поведения, а не выбор более сдержанного подхода, благодаря которому возможно избежать экстремальной ситуации.

Последний подход представляется предпочтительней, хотя и требует от лиц, ответственных за их обучение, более проработанной программы повышения профессиональной квалификации по правомерному применению БПБ каждым сотрудником полиции.

В. Ф. Выштикалюк, Е. В. Сивочкин, И. Н. Тихонов

Применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции в условиях ограниченной видимости

Основными задачами полиции, согласно Закону о полиции, являются защита личности, общества и государства от противоправных посягательств; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений. Для осуществления поставленных задач сотрудники полиции наделены правом применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Вопросы применения физической силы и специальных средств находятся за рамками огневой подготовки, поэтому рассмотрим отдельные аспекты применения сотрудниками огнестрельного оружия по основаниям, предусмотренным ст. ст. 23, 24 Закона о полиции [1].

Статистика применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции свидетельствует, что основная часть (33%) его применения приходится на поздний вечер, ночь и раннее утро [1, с. 172]. При применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудник должен стремиться к минимизации ущерба, но в условиях ограничения видимости представляется затруднительным вести огонь по правонарушителю, не причинив последнему тяжкий вред.

При проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, а также при обеспечении общественного порядка патрульными службами сотрудники полиции взаимодействуют с различными категориями граждан: свидетелями и очевидцами, подозреваемыми и обвиняемыми, потерпевшими и иными лицами, в зависимости от рода выполняемых мероприятий. Указанные мероприятия могут проводиться в любое время суток. При общении с данными лицами, при их опросе сотрудники полиции могут быть не осведомлены о целях, мотивах и процессуальном статусе таких лиц и сократить дистанцию до 1–2 метров, что может в критической ситуации помешать эффективно применить имеющееся огнестрельное оружие. Например, лицо, находящееся в розыске за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, в вечернее время могут остановить на улице сотрудники ППС для проверки документов и установления личности [2, с. 183]. Для этого сотрудники полиции сокращают дистанцию с лицом для удобства общения примерно до 1 метра. На таком расстоянии лицо может совершить нападение на сотрудников полиции в целях завладения огнестрельным оружием, причинения вреда здоровью или смерти. Учитывая эти обстоятельства, согласно п. 4 ч. 1 ст. 23 Закона о полиции сотрудник имеет право применить огнестрель-

ное оружие для задержания лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления, и пытающегося скрыться, если иными способами не представляется возможным задержать правонарушителя.

Применяя оружие на коротких дистанциях в условиях ограниченной видимости, сотрудники могут испытать затруднения при наведении его на цель. Скоротечность обстановки и сверхкороткая дистанция, а также отсутствие достаточного освещения не позволят сотруднику полиции прицелиться в правонарушителя с выравниванием ровной мушки, в связи с чем наводить оружие придется по направлению рук с пистолетом либо затвора (ПМ, ПММ) или по направлению крышки ствольной коробки и ствола (ПП-91 «Кедр»).

В связи с этим имеет смысл при обучении курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, а также сотрудников, проходящих первоначальное обучение на должности рядового и младшего командующего состава, вводить упражнения, обеспечивающие формирование навыка стрельбы в условиях ограниченной видимости по направлению рук с оружием без совмещения прицельных приспособлений.

Возможна и другая ситуация, когда в условиях ограниченной видимости правонарушитель не пытается сократить дистанцию для нападения, а, наоборот, увеличивает ее, для того чтобы скрыться. Здесь ведение огня по направлению рук с оружием либо затвора нецелесообразно, для повышения эффективности применения огнестрельного оружия, а также соблюдения положений законодательства о минимизации ущерба сотруднику полиции необходимо использовать прицельные приспособления для точного наведения оружия. В такой обстановке мы рекомендуем сотруднику совместить прицельные приспособления в положение ровной мушки на любом светлом фоне и затем уже совмещенную, зафиксированную хватом ровную мушку вывести на фигуру правонарушителя.

По нашему мнению, данные упражнения помогут сотрудникам сформировать необходимые навыки ведения огня в условиях ограниченной видимости. В случае возникновения ситуации, требующей от сотрудника применения огнестрельного оружия, он сможет быстро и грамотно сориентироваться в сложившейся обстановке.

Список источников

1. Жуков В. М., Пенькова И. В., Ворожцов А. М. Соответствие содержания образовательного процесса по дисциплине «Огневая подготовка» требованиям компетентностного подхода // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 2(77).

2. Осипов О. О., Вышитикалюк В. Ф., Клименко А. М. Формирование профессиональных компетенций в огневой подготовке слушателей образовательных организаций системы МВД России посредством упражнения стрельбы в полной темноте с электрическим фонарем // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : сб. мат-лов 23-й всерос. науч.-метод. конф. Иркутск, 2018.

О. Х. Галимов

Применение органами внутренних дел положений статьи 427 УПК РФ при производстве дознания

После принятия и введения в действие с 1 июля 2002 г. УПК РФ расследование большинства уголовных дел о преступлениях, перечисленных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, в отношении несовершеннолетних относится к подследственности дознавателей органов внутренних дел (п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК РФ). Отказ законодателя от обязательности предварительного следствия по всем делам о преступлениях несовершеннолетних потребовал от специалистов в области уголовного процесса и практических работников определить приоритетные направления организации расследования преступлений несовершеннолетних в форме дознания [1].

В соответствии с Минимальными стандартными правилами ООН, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), система уголовной юстиции в отношении несовершеннолетних должна быть ориентирована, прежде всего, на ограничение уголовных репрессий и наказания путем повышения мер профилактического и воспитательного воздействия на несовершеннолетних.

Объективной предпосылкой для реализации данного подхода является наличие в УПК РФ специальных норм, регулирующих особенности уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних. В частности, согласно положениям ч. 1 ст. 427 УПК РФ если в ходе предварительного расследования уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что исправление несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) может быть достигнуто без применения наказания, то дознаватель с согласия прокурора вправе вынести постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к такому несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 90 УК РФ, которое вместе с уголовным делом направляется прокурором в суд.

Таким образом, при производстве дознания по всем уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних с учетом их категории (преступления небольшой и средней тяжести) должен выясняться вопрос о возможности применения к такому лицу принудительной меры воспитательного воздействия.

Согласно сводному отчету о работе следователей и дознавателей ОВД за 2020 г. доля уголовных дел, направленных в суд для применения принудительных мер воспитательного воздействия в порядке ч. 1 ст. 427 УПК РФ, от общего числа уголовных дел, направленных в суд, составила у дознавателей лишь 8,1% [2].

Наш взгляд, при принятии итогового решения по уголовным делам в отношении несовершеннолетних дознавателю необходимо руководствоваться следующим. Согласно ч. 2 ст. 420 УПК РФ производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, осуществляется в общем порядке, установленном чч. 2 и 3 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными главой 50 УПК РФ.

Следуя такой логике законодателя о применении исключительно положений главы 50 УПК РФ по делам несовершеннолетних, необходимо вопреки позиции Верховного Суда РФ [3] и взглядам отдельных ученых [4] на возможность прекращения уголовного дела в отношении указанных лиц по любому из оснований, в том числе предусмотренных ст. ст. 25, 25¹, 28 УПК РФ (расположенных в части первой УПК РФ), определить абсолютное преимущество для такого решения в рамках ст. 427 УПК РФ.

На отсутствие целесообразности направления органом дознания уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в суд для его рассмотрения по существу указывает предписание Верховного Суда РФ о том, что суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК РФ [3].

При этом применение принудительных мер воспитательного воздействия имеет гораздо больший восстановительный потенциал и непосредственно воспитательное воздействие на несовершеннолетнего (в том числе и в случае нарушения им установленных этими мерами предписаний), чем иные основания прекращения уголовного дела. Такое решение в полной мере соответствует целям ювенальной юстиции и международным стандартам.

Список источников

1. *Производство дознания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних* : учеб.-практ. пособие / Б. Б. Булатов, О. Х. Галимов, С. И. Гирько [и др.]. М., 2003.
2. *Сводный отчет по России. Форма «1-Е» (120). Сведения о следственной работе и дознании органов внутренних дел (по годам)* // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». 2020.
3. *О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 // Рос. газета. 2011. 11 февр.
4. *Шестакова А. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации* : монография. М., 2016.

А. А. Жиенгалиева

Совершенствование уголовного законодательства о провокации преступления в Республике Казахстан

Провокация преступления в современном обществе становится весьма распространенной в правоприменительной практике. Особенную актуальность данная проблема имеет по делам о преступлениях о незаконных приобретении, хранении, перевозке, изготовлении, переработке наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, часто встречается по делам о взятках и коммерческом подкупе, нарушении авторских и смежных прав и т. д. [1].

Статья 412 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — УК РК) будет дополнена новым пунктом — за провокацию преступления сотрудниками правоохранительных и специальных госорганов. Такую поправку закрепил мажилис в проекте Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия коррупции».

В главу 17 «Уголовные правонарушения против правосудия и порядка исполнения наказаний» УК РК добавлена статья 412-1 «Провокация преступления», которая будет охватывать не только взяточничество, но и любое преступление.

«1. Провокация преступления, то есть незаконные действия должностного лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность

или досудебное расследование, склонившие лицо к совершению преступления в целях последующего изобличения и привлечения к уголовной ответственности или шантажа, —

наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет.

2. То же деяние, сопряженное с насилием либо угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, либо использованием материальной или иной зависимости лица, —

наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи:

1) повлекшие совершение лицом тяжкого либо особо тяжкого преступления или наступление иных тяжких последствий;

2) совершенные в интересах преступной группы, —

наказываются лишением свободы на срок от десяти до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком на десять лет».

В этом случае провокацией преступления считаются противоправные действия должностного лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность или досудебное расследование, склонение лица к совершению преступления в целях его последующего раскрытия и уголовного преследования или вымогательства. Наказание будет назначаться в зависимости от того, сопровождаются ли эти противоправные действия насилием или угрозой насилия, уничтожением или повреждением имущества, использованием материальной или иной зависимости лица в интересах преступной группы или другими серьезными последствиями.

Максимальное наказание — лишение свободы на срок до 12 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 10 лет.

На протяжении длительного времени в теории и практике уголовного права не прекращаются споры о понятии и значении провокации преступления, и с каждым годом эти проблемы приобретают все большую актуальность. Связано это, прежде всего, с отсутствием единства мнений и оценок в вопросе определения уголовного-правового значения провокации преступления как в теории уголовного права, так и в правоприменительной деятельности.

Исходя из анализа положений уголовного закона понятие провокации необходимо рассматривать как способ совершения преступления в контексте положений о правомерности и неправомерности необходимой обороны; в последующем — как вид подстрекательства совершения преступления.

В настоящее время понятие провокации преступления толкуют необоснованно широко, относя к нему случаи создания побуждающих условий и обстановки совершения преступления. Определения провокации, сформулированные большинством современных ученых, имеют лишь криминологическое значение, но такие определения нельзя использовать в качестве общего уголовно-правового определения обозначенного явления.

Провокация преступления предполагает двуединство целей, преследуемых провокатором. Первая цель — возбуждение желания у провоцируемого лица совершить преступление, вторая цель — привлечение лица к уголовной ответственности посредством его изобличения в совершении преступления [2].

Предлагается следующее определение: провокация преступления — это вид подстрекательства или организации совершения преступления в целях уголовного преследования лица либо угрозы привлечения его к уголовной ответственности.

Не признаются подстрекательством к совершению преступления действия лица, направленные на провокацию преступления, т. е. умышленную одностороннюю деятельность виновного, направленную на моделирование такого поведения другого лица, которое имело бы все внешние признаки преступления в целях дискредитации, шантажа либо создания искусственных доказательств обвинения [3].

Провокацией преступления следует понимать склонение лица к совершению преступления либо организацию совершения преступления в целях выдать спровоцированное лицо органам власти и установить его наказуемость (провокатор преступления несет ответственность на общих основаниях как подстрекатель или организатор преступления) [4].

Провокацией преступления признается вовлечение другого лица в совершение преступления, совершенное в целях наступления вредных для этого лица последствий. Провокация преступления влечет за собой уголовную ответственность, в зависимости от роли провокатора, в соответствии с положениями статей об ответственности соучастников преступления. Однако в данном определении отсутствует указание, во-первых, на одностороннюю деятельность провокатора, во-вторых, на характер совершаемых им действий. Не определена правовая природа

провокации (самостоятельный институт или разновидность соучастия). Субъективная сторона провокации в данном определении ограничена единственной целью — выдать лицо представителям власти.

Предложенные понятия не раскрывают суть провокации преступления, поскольку провокационное поведение осуществляется в порядке именно односторонней умышленной деятельности виновного лица, не охватываемой сознанием провоцируемого. В указанных формулировках данный признак упускается из виду, что, в свою очередь, не позволяет отграничить подстрекательство от провокационной деятельности.

Провокация преступления — это склонение другого лица к совершению преступления, а равно заведомое создание обстановки и условий, вызывающих преступление, в целях последующего изобличения лица, искусственного создания доказательств совершения преступления, шантажа.

Данное определение выглядит более обоснованным и позволяет в полной мере устранить пробел уголовно-правового регулирования в вопросе уголовной ответственности за провокацию преступления. При этом нахождение формулировки именно в Общей части уголовного закона позволит избежать разногласий в определении сущности последней и обеспечить правильную юридическую оценку действий провокатора.

По нашему убеждению, провокация может иметь и другие разновидности, одной из которых выступает провокация как обстоятельство, исключаящее преступность деяния. Имеются в виду те случаи, когда провокация является единственным или более эффективным средством обнаружения преступного замысла, предотвращения более тяжких преступлений, раскрытия совершенных. И в большей степени это касается случаев возможно вынужденной провокации, к которой могут прибегать сотрудники правоохранительных органов или лица, сотрудничающие с ними на контрактной основе, внедряемые в преступную среду.

Актуальным на сегодняшний день остается вопрос о смягчении наказания лицу, совершившему преступление вследствие его провоцирования, а также о провоцирующей роли потерпевшего в совершении преступления.

До настоящего времени в доктрине уголовного права комплексное исследование провокационной деятельности не проводилось. По-прежнему остается дискуссионным само понятие провокации, нет единого понимания ее признаков, не изучены виктимологические аспекты противодействия провокационной деятельности, не решен вопрос о степени общественной опасности как данной деятельности в целом, так и ее отдельных видов.

С учетом новизны и значимости результатов исследования считаем целесообразным рассмотреть следующие предложения:

1. Положения перспективного характера, сущность которых заключается в развитии законодательной базы в части установления запрета на возможность провоцирования преступлений.

2. Провокация и подстрекательство как форма соучастия не являются тождественными понятиями. Юридическая природа провокации преступления, в том числе провокации взятки либо коммерческого подкупа, не детерминируется такой разновидностью соучастия, как подстрекательство, а обладает собственными характеристиками:

— вызвана намерением субъекта обеспечить одностороннее проявление искомой (желательной) модели поведения со стороны провоцируемого лица, имеющей лишь внешние признаки преступного деяния;

— осуществляется в порядке односторонней умышленной деятельности виновного лица, не охватываемой сознанием провоцируемого;

— предполагает использовать спровоцированное «криминальное» деяние лица не в целях достижения совместного преступного результата, а в целях дискредитации либо создания искусственных доказательств обвинения;

— цель действий провокатора — наступление вредных последствий для провоцируемого;

— наличие у провокатора только прямого умысла, причем этот умысел должен быть направлен не на вид и последствия совершенного вовлеченным преступления, а на сам факт его совершения.

Данный вывод основан на результатах проведенного анализа научных подходов к проблеме разграничения провокации и подстрекательства.

Список источников

1. Жолумбаев М. К., Имангалиев Д. Р. Провокация преступлений сотрудниками правоохранительных органов // Вестник Кокшетауского университета имени А. Мырзахметова. 2013. № 4.

2. Аубакиров Н. К., Жолумбаев М. К. Понятие провокации преступления // Наука и мы : сб. науч. тр. (24–25 апреля 2016 г.). Т. 1. Кокшетау, 2016.

3. Забелов А. Ю. Уголовно-правовая оценка провокации как преступления против интересов правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2021.

4. Арутюнов А. Провокация преступления // Рос. следователь. 2002. № 8.

А. В. Жиляев

Перспективы кодификации миграционного законодательства Российской Федерации

Непростая общественно-политическая ситуация, сложившаяся в стране после распада Советского Союза, сопровождалась появлением новых вызовов и угроз национальной безопасности, не последнее место среди которых занимали вопросы регулирования неконтролируемых миграционных потоков, возникших в связи с прозрачностью государственной границы и отсутствием системного подхода к решению проблемы со стороны государства. Это послужило причиной хаотичного формирования нормативной правовой базы, регулирующей данную сферу общественных отношений. В результате, на текущий момент мы имеем несколько сотен сложно систематизируемых действующих источников права, что крайне негативно отражается на эффективности их реализации. В связи с этим актуальным является вопрос о кодификации упомянутых актов.

В силу объективных причин миграционное право всегда будет носить комплексный характер, так как оно сформировалось на стыке различных отраслей права (конституционного, административного, финансового, трудового, гражданского, уголовного и др.). Это означает, что в Российской Федерации вряд ли когда-либо появится единый правовой акт, объединяющий всю нормативную основу, регулирующую эту область общественных отношений. Вместе с тем полагаем, что частичная систематизация с последующей кодификацией все же возможна. И именно сейчас для этого сложились определенные предпосылки. Широкомасштабная реформа миграционной системы России, проводимая в рамках реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы, затрагивает практически все ключевые сферы, являющиеся предметом правового регулирования миграционного права. Это и есть основная причина, по которой возможно упорядочение рассматриваемой нормативной правовой базы. Однако для достижения обозначенной цели первоначально необходимо определить основные критерии систематизации.

Очевидно, что ряд действующих федеральных законов будет затруднительно объединить в один правовой акт в ближайшей перспективе. Речь, в первую очередь, идет о законах о гражданстве РФ и о правовом положении иностранных граждан в РФ. Они регулируют разные области общественных отношений, далеко не всегда связанные друг с другом и с собственно миграционными процессами. Под вопросом также

возможность (целесообразность) включения в миграционный кодекс положений законов о беженцах, вынужденных переселенцах и государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом (по крайней мере на первом этапе). Сферу вынужденной миграции можно признать в достаточной степени обособленной, для того чтобы она регламентировалась отдельно с самостоятельной систематизацией. Вопрос о включении других основных источников права (законов о миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ, о праве граждан РФ на свободу передвижения, выборе места пребывания и жительства в пределах РФ и о порядке выезда из РФ и въезда в РФ) будет зависеть от решения еще одного принципиального вопроса — будет ли миграционный кодекс регулировать и внутреннюю, и внешнюю миграцию или только последнюю. По нашему мнению, он должен охватывать обе сферы.

По этой причине считаем, что всю совокупность общественных отношений, складывающихся в рассматриваемой области, следует разграничить на определенные блоки в зависимости от основных критериев классификации видов миграции (первичных, вторичных) и осуществить систематизацию действующих источников права в каждом из них с последующим включением в миграционный кодекс соответствующих разделов (глав). Структура кодекса будет зависеть от результатов проделанной работы, однако он обязательно должен содержать общую и особенную части.

Общая часть должна включать в себя следующие положения: понятийный аппарат (в том числе определение основных видов миграции и их классификацию); принципы миграционной политики и управления миграционными процессами; основные направления миграционной политики и международного сотрудничества России с зарубежными государствами в сфере миграции; критерии разграничения предметов ведения и полномочий различных уровней публичной власти; миграционные режимы и основы правового статуса разных категорий субъектов миграционно-правовых отношений. Особое внимание необходимо уделить вопросам правового закрепления системы, структуры и общей компетенции федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление функций по контролю и надзору в области миграции.

Особенная часть должна систематизироваться на основе действующего российского законодательства и складывающейся правоприменительной практики с учетом новелл миграционной реформы (в том числе введения новых институтов), а также согласовываться с существующим международно-правовым регулированием миграции, в котором выделя-

ются четыре сферы правового регулирования: защита прав мигрантов; защита вынужденных мигрантов; борьба с незаконной миграцией; регулирование миграционных потоков.

При этом в силу значительных масштабов работы допускаем, что весь процесс может быть поделен на стадии. Так, на первой из них можно систематизировать только нормы, касающиеся внешней миграции, и принять не миграционный кодекс, а федеральный закон под условным наименованием «О миграции и миграционной системе РФ». Это уже само по себе будет существенным движением вперед и позволит сразу решить многие проблемы. Например, исключить имеющееся дублирование отдельных правовых актов и ликвидировать пробелы правового регулирования, характерные для некоторых институтов миграционного права. Кроме того, десятки указов Президента и постановлений Правительства перестанут вторгаться в поле законодательной деятельности и займут подобающее им место подзаконных актов.

Е. В. Зайцева, Д. В. Пивоваров, О. О. Осипов

Отдельные аспекты обучения сотрудников полиции действиям, связанным с применением огнестрельного оружия

Способность осуществлять действия по силовому пресечению правонарушений, задержанию и сопровождению правонарушителей, правомерно и эффективно применять и использовать табельное оружие, специальные средства, а также обеспечивать личную безопасность и безопасность граждан в процессе решения служебных задач относится к общепрофессиональным компетенциям (ОПК-10) [1], формирование которых является основной задачей дисциплины «Огневая подготовка» при подготовке обучающихся в образовательных организациях МВД России. В Наставлении по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденном приказом МВД России от 23 ноября 2017 г. № 880 (далее — НООП-2017) [2], отмечено, что задачей огневой подготовки является формирование у сотрудников необходимых умений и навыков правомерного применения оружия и боеприпасов. Таким образом, можно выделить ключевое требование, которое предъявляется к сотрудникам, завершившим обучение по рассматриваемой дисциплине, — способность правомерно применять табельное оружие.

В настоящее время отсутствует устойчивая связь профессиональной подготовки сотрудников полиции с созданием необходимых организационно-педагогических условий, которые способствовали бы формированию рассматриваемых профессиональных компетенций [3, с. 55–58]. Назрела необходимость перевода профессиональной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России на системный междисциплинарный уровень [4, с. 34–36].

На основе анализа нормативной базы, примерных программ профессионального обучения (профессиональной подготовки) лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, рабочих программ дисциплин «Огневая подготовка», «Основы профессиональной деятельности» (далее — ОПД) и «Первоначальная подготовка Полицейского» (далее — ППП) можно сделать вывод о том, что формированию данного критерия применения оружия отводится незаслуженно мало внимания.

Остаются незатронутыми вопросы правового сопровождения (составления соответствующей документации по факту применения оружия и проверки ее правильности), тактики действий сотрудников в ситуациях служебной деятельности. Они рассматриваются в рамках отдельных тем ОПД и ППП, а также таких дисциплин, как «Административное право», «Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел» и др. Однако формы организации занятий, разрозненность выполнения заданий по времени и местам их выполнения не обеспечивают комплексного решения поставленных задач.

Любая ситуация служебной деятельности, связанная с оценкой необходимости применения оружия, обладает такими признаками, как внезапность, скоротечность и эмоциональная напряженность. Именно эти особенности должны учитываться при формировании рассматриваемой общепрофессиональной компетенции. Если обратиться к нормативным источникам, учебно-методическим материалам, в том числе рекомендованным ДГСК МВД России, то моделированию данных условий отводится мало времени. В рамках дисциплины «Огневая подготовка» преимущественно формируется техническая сторона правильного, безопасного и тактически грамотного применения оружия на основе использования упражнений стрельб, закрепленных в НООП-2017. Отметим, что имеются определенные различия между обучением производству меткого выстрела в соответствии с НООП-2017 и подготовкой сотрудников к применению огнестрельного оружия, поскольку формируемые в ходе практических занятий по огневой подготовке навыки выполнения точного выстрела по очередности алгоритма действий в процессе применения огнестрельного оружия находятся на третьем месте

после правовой и тактической составляющих. Формирование рассматриваемых компетенций возможно только при наличии должного уровня технической стрелковой подготовки. После освоения первоначальных навыков обращения с оружием необходимо осуществлять подбор средств и методов обучения с учетом будущей профессиональной деятельности, чтобы к окончанию образовательной организации МВД России выпускники обладали необходимыми компетенциями.

В связи с этим введение комплексных занятий (комплексного практикума) для обучающихся по программам высшего образования актуально как в рамках первоначальной подготовки, так и в последний год обучения. Организация взаимодействия с другими кафедрами для обеспечения комплексного подхода в обучении является залогом успешного практико-ориентированного обучения. Ситуации, часто встречающиеся в деятельности сотрудников ОВД и предусмотренные ст. 23 Закона о полиции, следует изучать в рамках междисциплинарной интеграции с оценкой правомерности, правильности и эффективности действий обучающихся.

На наш взгляд, дальнейшее развитие специальных учебных дисциплин, задачей которых является формирование у курсантов и слушателей навыков правомерного и эффективного применения физической силы и огнестрельного оружия, невозможно без разработки междисциплинарного взаимодействия. В настоящее время становится актуальным объединение существующих знаний, умений и навыков правовой, огневой, физической и тактической подготовки, обобщения их до уровня моделей и алгоритмов, с последующей отработкой на практических занятиях. При этом важно учитывать, что ситуации служебной деятельности весьма разнообразны, а значит, сотрудник должен уметь ориентироваться и принимать решения в быстро развивающихся условиях. После освоения основных алгоритмов действий в типичных ситуациях необходим следующий этап — введение в ситуацию новых данных и условий, которые могут повлиять на оценку правомерности действий участников. Постепенное усложнение выполняемых заданий позволит планомерно развивать умения и формировать требуемые навыки. Проведение подобных комплексных занятий с использованием ситуативного метода обучения также позволит формировать психологическую готовность к применению табельного оружия.

Современные технологии и методики при правильном построении учебного процесса позволяют решать обозначенные задачи. Выражаем надежду, что направление использования комплексных занятий будет развиваться и активно внедряться в учебный процесс образовательных организаций МВД России.

Список источников

1. *Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность* : приказ Минобрнауки России от 28 августа 2020 г. № 1131. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 23 ноября 2017 г. № 880. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Корягин С. В., Вышитикалюк В. Ф.* О содержании и развитии огневой подготовки сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 3.
4. *Кунавцев Т. С.* Об организации и методике огневой подготовки курсантов и слушателей вузов МВД России // Вопросы совершенствования физической, тактико-специальной и огневой подготовки сотрудников полиции к оперативно-служебной деятельности : мат-лы 2-й всерос. науч.-практ. конф. М., 2018.

А. Н. Жданова

Гражданско-правовая ответственность в производстве по делу об административном правонарушении

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях не содержится каких-либо разъяснений по поводу правовой природы издержек на оплату услуг представителей в случае обжалования постановления по делу об административном правонарушении и принятии решения о прекращении производства по пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24.5, п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ.

В 2005 г. такие разъяснения были даны Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в п. 26 которого данные расходы относятся к убыткам, подлежащим взысканию с казны Российской Федерации.

Необходимо отметить, что после 2005 г. при вынесении решений суды не во всех случаях опирались на разъяснения, данные высшим судебным органом, определяя правовую природу подобных издержек по аналогии с гражданским и арбитражным процессуальным законодательством как процессуальную и снижая размер подлежащих взысканию с казны Российской Федерации расходов до разумных пределов.

Конституционный Суд РФ в своем постановлении № 36-П окончательно поставил точку в правовой неопределенности положений закона, подлежащих применению в отношении расходов на оплату услуг адвоката или иного лица, участвовавшего в производстве по делу в качестве защитника. Выявленный конституционно-правовой смысл сводится к следующему. В случаях прекращения дела об административном правонарушении по пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24.5, п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ при заявлении требования со стороны привлекаемого к административной ответственности лица о взыскании убытков на оплату услуг представителя последние подлежат удовлетворению по правилам несения процессуальных расходов, присуждаемых проигравшей стороне, но в полном объеме в соответствии с материально-правовой природой данных расходов как убытков в соответствии со ст. 15, 1069 ГК РФ.

На наш взгляд, подобное толкование норм материального и процессуального права в системе действующего правового регулирования представляется спорным.

Принятое постановление приводит к разрушению системности применения норм нескольких отраслей права. Следует согласиться с позицией В.В. Васильева относительно того, что «системность является обязательным условием нормального функционирования права, создавая стройную, непротиворечивую иерархию правовых норм, институтов, подотраслей и отраслей права. Предпосылками системности могут быть признаны внутрисистемные связи, которые с неизбежностью возникают и объективно существуют в праве. Именно эти внутрисистемные связи обеспечивают единство внутрисистемных элементов: норм права, правовых институтов, подотраслей и отраслей права» [1, с. 15]. Российское законодательство является стройной и внутренне согласованной системой. Введение любого исключения должно быть аргументировано и не должно выходить за пределы отраслевой целостности законодательства. Разрушение системности применения тех или иных правовых механизмов влечет отсутствие ясности в вопросе их интеграции в общественные отношения, регулируемые нормами гражданского и гражданского процессуального законодательства.

Список источников

1. *Васильев В. В.* Системность права как философско-правовая категория // Государство и право : мат-лы междунар. заоч. науч. конф. Челябинск, 2011.

К. В. Карпов

Деятельность органов внутренних дел в сфере охраны соседских прав: на примере реализации законодательства о соблюдении тишины и покоя граждан

Закрепленное в Конституции РФ право граждан на жилище относится к основным правам человека и гражданина. Способы и порядок реализации данного права установлены в Жилищном кодексе РФ (далее — ЖК РФ), а также в других нормативных правовых актах. В ходе реализации субъектами жилищных отношений своих прав на жилое помещение нередко возникают ситуации, которые приводят к нарушению прав других лиц, например соседей. В соответствии со ст. 11 ЖК РФ в целях реализации норм ст. 46 Конституции РФ установлена судебная защита жилищных прав. Вместе с тем закон допускает защиту жилищных прав в административном порядке. Такая защита возможна только в том случае, если она предусмотрена ЖК РФ или другим федеральным законом. В связи с этим возникает вопрос, может ли защита жилищных прав осуществляться в соответствии с законами субъектов РФ.

Речь идет о так называемых законах о тишине, которые были приняты многими субъектами РФ. Нормы данных законов направлены на защиту интересов граждан, проживающих в многоквартирных домах, так как именно эта категория чаще всего страдает от нарушений со стороны соседей. Если исходить из того, что жилые помещения предназначены для проживания, то их использование должно осуществляться с учетом соблюдения прав и законных интересов как граждан, проживающих в данном жилом помещении, так и соседей. Законодатель также устанавливает, что при пользовании жилыми помещениями необходимо руководствоваться правилами, утвержденными Правительством РФ [1]. В связи с этим можно заключить, что законы субъектов РФ в какой-то степени направлены на реализацию тех норм, которые содержатся и в ЖК РФ, и в постановлении Правительства РФ. Так, Законом Омской области [2] установлено, что ответственность за нарушение тишины и покоя граждан влечет за собой административную ответственность в соответствии со ст. 7 Кодекса Омской области об административных правонарушениях, который предусматривает административный штраф [3].

6 июля 2019 г. вступило в силу соглашение между МВД России и Правительством Омской области [4], которое позволяет сотрудникам полиции составлять протоколы об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность,

предусмотренных Кодексом Омской области об административных правонарушениях. Таким образом, сотрудники полиции стали участниками отношений по защите жилищных прав граждан.

Вместе с тем привлечение к ответственности за нарушение законодательства об обеспечении тишины и покоя граждан имеет ряд существенных проблем. Одна из проблем — это фиксация правонарушения: в многоквартирном доме сложно определить, кто и когда из соседей допустил нарушения данного законодательства. Действия, которые повлекли нарушение тишины и покоя граждан, настолько разнообразны, что установление лица, которое совершило данное правонарушение, в некоторых случаях просто невозможно. Как показывает практика, к административной ответственности чаще всего привлекают лиц, которые неоднократно нарушали тишину и покой граждан [5–7].

Следует отметить, что нарушение тишины и покоя граждан — явление достаточно частое, особенно когда речь идет о многоквартирных домах. Сотрудники полиции не всегда имеют возможность быстро реагировать на подобные нарушения, поэтому необходимо искать дополнительный механизм охраны и защиты интересов граждан, проживающих в многоквартирных домах. Полагаем, некоторые полномочия, например по составлению актов о нарушении тишины и покоя граждан, могут быть предоставлены управляющим компаниям или товариществам собственников жилья. Такого рода акт может рассматриваться как одно из доказательств нарушения Закона о тишине. В настоящее время никаких ограничений на возможность составления этих актов законодательством не предусмотрено. Вместе с тем в рамках Закона об обеспечении тишины и покоя граждан можно предусмотреть такую норму.

Сегодня многие субъекты Российской Федерации приняли законы о защите тишины. Это свидетельствует не только о необходимости защиты интересов граждан, но и о регулировании данных отношений на более высоком уровне. По нашему мнению, одним из направлений развития законодательства об обеспечении тишины и покоя граждан является принятие соответствующего закона на федеральном уровне.

Список источников

1. *Об утверждении правил пользования жилыми помещениями* : постановление Правительства Российской Федерации от 21 января 2006 г. № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Об обеспечении тишины и покоя граждан на территории Омской области* : закон Омской области от 27 мая 2016 г. № 1878-ОЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Кодекс Омской области об административных правонарушениях* от 24 июня 2006 г. № 770-ОЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Об утверждении Соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Омской области о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных Законом Омской области от 24 июня 2006 г. № 770-ОЗ «Кодекс Омской области об административных правонарушениях», подписанного 21 мая 2019 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 июня 2019 г. № 1329-р.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Решение Омского областного суда от 22 декабря 2009 г. № 77-1182/953/2009 г.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Курганского областного суда по делу № 33-2435/2016.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда по делу № 33-4490/2018.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е. В. Кошелев

Некоторые аспекты участия полиции в защите прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации общества

Цифровизация — это направление современного развития общества, которое заключается в преобразовании любой информации, в том числе личной, в цифровую форму. В связи с этим возникает вопрос о защите личных прав человека в условиях цифровизации общества. Данное обстоятельство формирует и новые вызовы для правоохранительных органов.

Приоритетным направлением в деятельности полиции, исходя из п. 1 ст. 2 Закона о полиции, выступает защита общества, государства, а также защита личности от всевозможных противоправных посягательств.

«Определяющая в деятельности органов внутренних дел роль отведена также и защите прав человека, которая проявляется в предупрежде-

нии нарушений прав граждан от противоправных деяний, преступных посягательств, в результате которых реализация прав становится невозможной» [1, с. 64].

В нашей стране уже используется единая информационная система идентификации и аутентификации (ЕСИА), которая обеспечивает доступ граждан-заявителей и должностных лиц к информации, содержащейся в государственных и иных информационных системах, а также ГАС и ГИС в правоприменительной практике.

Все эти тенденции создают ситуацию, когда информационная среда становится ресурсом, нуждающимся в государственном контроле и конституционном закреплении. Наиболее интересен в этом аспекте опыт Китайской Народной Республики, создавшей уникальный защитный механизм, который подвергается незаслуженной критике в западном мире.

Цифровизация общества привела к появлению особых личных прав в цифровой среде. К таким правам относятся: право на доступ и использование различных гаджетов; право на свободное общение в сети Интернет; право на конфиденциальность. Как отмечалось выше, личные права человека вне цифровизации защищают специализированные органы — правоохранительные органы (органы внутренних дел и др.). С одной стороны, если мы говорим о правах человека в интернете, вся ответственность за защиту и обеспечение личных прав человека ложится на плечи интернет-провайдеров, но, с другой стороны, при возникновении ситуации, в которой нарушаются личные права, провайдер сделать практически ничего не может, необходимо участие государства.

В интернете человек чувствует себя свободно, безнаказанно, поэтому он не боится совершить правонарушение в отношении других людей. В сети появляются новые виды деяний, нарушающих права человека: кибербуллинг, киберрасизм. Кибербуллинг проявляется в травле, в различных оскорблениях, которые ущемляют право на самовыражение, на свободу слова, а также право на достижимый уровень физического и психологического здоровья. Человек, подверженный кибербуллингу, может получить как психологический, так и физический вред. Киберрасизм — разновидность кибербуллинга, основанная на ненависти на почве расовых различий.

Стоит сказать также об утечке данных человека в руки мошенников — это важная проблема, характерная для современного цифрового общества.

В экономической сфере процветает деятельность различных лиц, стремящихся обманом завладеть чужим имуществом. Как обоснованно

отмечает М. Ш. Сафиулин, для правоохранительных органов мошенничество в сфере цифровых активов — это еще *terra incognita*. Обращений в полицию сегодня крайне мало, но даже когда они происходят, расследования начинаются и идут трудно, а во многих случаях полиция просто отказывается рассматривать заявления потерпевших. Одна из основных причин — отсутствие знаний, как правильно квалифицировать деяния в сфере криптоотношений [2, с. 150].

Права человека в условиях цифровизации общества недостаточно защищены. Но все же цифровизация неизбежна, так как развивающиеся технологии активно внедряются в жизнь людей, поэтому государству необходимо обеспечить должную защиту прав своих граждан на законодательном уровне.

Российская Федерация в своей доктрине информационной безопасности предусматривает постепенный переход к цифровому регулированию в сфере управления и права. Это связано с тем, что еще значительное количество людей не готово к информационному переходу, а принцип гуманности должен соблюдаться во все периоды правовой трансформации.

Список источников

1. *Зиборов О. В., Войде Е. Г.* Обеспечение прав человека как приоритетное направление деятельности органов внутренних дел // Российский следователь. 2018. № 12.
2. *Цифровая революция в сфере финансов: правила безопасного поведения потребителя.* М., 2019. Вып. 24.

А. А. Кузнецов

Объяснение как средство проведения предварительной проверки сообщения о преступлении

Задача стадии возбуждения уголовного дела связана с проверкой повода (его законности) и установлением основания для принятия решения. Для этого следователь (дознаватель) собирает сведения, если возникает такая необходимость. Объем и характеристика подобных сведений определяются обстоятельствами происшедшего события и относятся к компетенции сотрудника, в чьем производстве находятся материалы проверки. Полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляется право получения необходимых объяснений от граждан, однако процедура данного процесса в Законе о полиции не прописана. Нет разъяснений и в Федеральном законе от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ о по-

рядке производства и фиксации объяснений, хотя этот способ производства проверки закреплен в законе. Такое положение нередко приводит к ошибкам в оформлении документов, а их содержанию не всегда уделяется должное внимание.

Возможна и иная ситуация, когда промедление с возбуждением уголовного дела может привести к потере доказательственной информации, например, при расследовании хищений с банковских карт, совершенных дистанционно с использованием IP-телефонии. Выполнение необходимых в рамках рассмотрения сообщения о преступлении следственных и процессуальных действий приведет к потере времени, поскольку не все следственные процессуальные действия, оперативные мероприятия можно провести в рамках доследственной проверки. Думается, в таких ситуациях достаточно подробного заявления о случившемся, в котором будут явно просматриваться признаки преступления. Получения объяснений в этой ситуации не требуется. В иных случаях, когда необходимо получение объяснений от участников предварительной проверки, следует не только исходить из формы процессуального доказывания, но и учитывать отдельные положения Закона о полиции, регламентирующие права полиции. Объяснения могут быть получены от любых лиц, имеющих отношение к событию, в связи с которым проводится проверка. Чаще всего получают объяснения от заявителя и очевидцев события, что касается иных участников, то по возможности следует предоставить это право следователю (дознавателю) в рамках уже возбужденного уголовного дела. Это связано с процедурой приглашения лиц для дачи объяснений, оценки полученных сведений. Если во время предварительной проверки использовать права, предусмотренные Законом о полиции, возможно, то просчитать тактические последствия таких действий не всегда удастся, например, в случае отказа лица от дачи объяснений, каким образом он будет доставляться в отдел полиции, либо ему будет разъясняться необходимость данного способа производства проверки. Привод для дачи объяснений недопустим (ст. 113 УПК РФ), так как он применяется к участникам уголовного процесса по возбужденному уголовному делу. Оценка полученных сведений при даче объяснений также часто связана с наличием противоречий, и здесь следует помнить, что установление достоверности данных возможно только в совокупности с иными доказательствами, которые появляются уже после возбуждения уголовного дела. Отступление от этого правила лишает следователя (дознавателя) возможности принять правильное тактическое решение при производстве следственных действий, особенно когда это связано с предъявлени-

ем доказательств. Получение объяснения не должно быть основано на принуждении, в крайнем случае требуется разъяснять необходимость получения данных, являющихся основанием для принятия решения по существу проверки.

В связи с тем что ни Закон о полиции, ни УПК РФ не предусматривают форму получения объяснения, правила проведения допроса не могут распространяться на данный способ проверки. Вместе с тем отдельные рекомендации могут быть использованы и рассматриваться как тактические приемы. Так, перед получением объяснения необходимо удостовериться в личности опрашиваемого. Со стороны заявителя, как правило, не возникает проблем при истребовании документов. Со стороны лиц, которые в будущем могут приобрести статус подозреваемого (обвиняемого), можно ожидать оказания противодействия в различных формах [1]. При получении объяснений для правильной оценки сообщенных сведений или преодолении стремления лица уклониться от дачи правдивой информации допустимо оглашение ранее полученных объяснений, предъявление документов, содержащих данные, свидетельствующие об осведомленности лица или его попытках ввести сотрудников полиции в заблуждение. Основой в принятии тактического решения будет установление психологического контакта с опрашиваемым. Достигается это путем проведения беседы. Следует помнить, что получение объяснения — это не допрос. Поэтому в случае возникновения противоречий уместно будет их подробно фиксировать в протоколе объяснения, затем дать ознакомиться с содержанием письменного документа и зафиксировать правильность отраженных в нем сведений. Использование видеозаписи можно рекомендовать в качестве дополнительного средства фиксации, без включения ее в качестве обязательных оснований [2, с. 79].

Лицо, давшее объяснение, удостоверяет его своей подписью. Если, прочитав запись объяснения, лицо требует внести изменения или поправки, то его требование должно быть удовлетворено. Отказ лица от подписи своего объяснения лишает данный документ какого-либо юридического значения. Его нельзя использовать для принятия решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела.

Сообщаемые опрашиваемым сведения не должны основываться на догадке, предположении, слухе. Лицо, дающее объяснение, должно иметь возможность указать источник своей осведомленности [3, с. 78]. Данное положение напрямую связано с ч. 1² ст. 144 УПК РФ, где говорится, что полученные в ходе проверки сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. ст. 75 и 89

УПК РФ. Особенно важно учитывать это положение при предварительной проверке материалов о преступлении, в котором принимали участие несовершеннолетние.

Нужно стремиться к получению тех объяснений, без которых невозможно решить вопрос о возбуждении уголовного дела, поскольку расширение круга лиц, дающих объяснения, чрезвычайно опасно в плане преждевременной утечки информации и затягивания сроков рассмотрения сообщений.

Таким образом, основные положения Закона о полиции и ст. 144 УПК РФ предоставляют широкие возможности сотрудникам полиции для применения такого способа производства предварительной проверки, как объяснение. Дальнейшие наработки практических органов по применению отдельных рекомендаций получения объяснений будут способствовать эффективному решению задач стадии возбуждения уголовного дела.

Список источников

1. *Карпенко О. А., Лавров В. П.* Противодействие расследованию преступлений посредством дачи заведомо ложных показаний и меры по его преодолению. М., 2020.
2. *Криминалистическая тактика : учеб. пособие для академического бакалавриата / под общ. ред. А. Г. Филиппова.* М., 2019.
3. *Артемова В. В.* Получение объяснений — новый способ проверки сообщения о преступлении // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7.

Л. Т. Культемирова

Служебная карьера как фактор конкурентоспособности сотрудника органов внутренних дел (на примере Республики Казахстан)

Вопросы службы в органах внутренних дел в силу своей значимости представляют интерес не только для специалистов в области правоохранительной деятельности, но и государственного администрирования. Необходимость регулярной целеориентированной работы по повышению эффективности деятельности органов внутренних дел, соответствующей приоритетам и программам развития государства, бесспорна. Актуальна проблема формирования профессионального кадрового корпуса, достижения результативности его деятельности, прогрессивного развития

и создания инновационного потенциала. Поиск конструктивных предложений, выступающих результатом тщательного анализа вопросов теории и практики, важен и требует своей дальнейшей разработки.

Уровень профессионализма сотрудников органов внутренних дел, нравственных аспектов их деятельности является составным элементом системы критериев, посредством которых характеризуется вся правоохранительная система. Критерии современного полицейского основываются как на профессиональных, так и на морально-нравственных характеристиках, требующих мобилизации знаний, опыта сотрудника, определяющих его возможность и способность выполнять задачи, возложенные государством.

Современная правоохранительная структура нуждается в высокоорганизованном, профессионально ориентированном, конкурентоспособном кадровом корпусе. Динамичность, интеллектуальная гибкость, творческая активность выступают основными критериями конкурентоспособности сотрудника органов внутренних дел, наделенного законодательством полномочиями субъекта правоохранительной деятельности. Это, несомненно, требует не только постоянного самообразования, но и мотивации профессионального развития и карьерного роста. Профессиональная карьера должна складываться на основе принципа меритократии, в строгом соответствии с индивидуальным уровнем профессиональной подготовки, компетентности.

Характеризующаяся динамикой изменений служебно-должностного положения деятельность сотрудников органов внутренних дел подвергается регулярному анализу, контролю со стороны как вышестоящих должностных лиц, так и общественности. В связи с этим представляет определенный интерес система оценивания профессиональных преимуществ, предложенная А. С. Гусевой, согласно которой необходимо учитывать три уровня измерения успешности: уровень социального восприятия образа государственного служащего массовым сознанием; уровень профессионализма личности, где фактором успешности карьеры выступает конкурентоспособность; уровень профессионализма деятельности, где фактором успешной карьеры является владение конкретными технологиями деятельности с учетом ее специфики, статуса и функций государственных служащих [1, с. 74–75].

При этом, на наш взгляд, следует проводить определенную градацию между понятиями «профессионализм личности» и «профессионализм деятельности». Так, профессионализм личности раскрывается через ее деловые качества, специальные знания, умения и навыки. Что касается профес-

сионализма деятельности, то здесь следует отметить, прежде всего, уровень компетентности в той или иной сфере, профессионально-творческий потенциал кадрового состава. Тандем указанных качеств является основным показателем высокой степени осуществляемого вида деятельности в целом и в системе правоохранительных органов в частности.

Аналогичной позиции придерживается А. В. Гыскэ и выделяет два уровня качеств, по которым может и должен развиваться кадровый потенциал, предназначенный для обеспечения безопасности и борьбы с преступностью: первичные, исходные качества, которыми призван обладать человек, претендующий на такую служебную деятельность; приобретаемые качества, формируемые в процессе исполнения своих обязанностей, накопления опыта и продвижения по службе [2, с. 251].

Личностный и профессиональный потенциал, способность выдерживать конкуренцию, добиться профессионального успеха в служебной карьере, закрепить эту успешность в сознании людей — все эти факторы характеризуют субъективную сторону конкурентоспособности сотрудника. Что касается факторов внешнего воздействия, влияющих на раскрытие конкурентных качеств и способностей, достижение профессионального успеха и образующих объективную сторону конкурентоспособности, то к их числу следует отнести специальные требования при поступлении на службу в органы внутренних дел, аттестацию, повышение квалификации, карьерный рост. Все эти факторы нашли отражение в нормативно-правовой базе, регламентирующей вопросы службы в правоохранительных органах.

Так, в рамках реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, в целях развития и совершенствования правоохранительной деятельности принят Закон «О правоохранительной службе». Данный правовой акт стал основой институционализации правоохранительной службы. Закон впервые в Казахстане унифицировал механизм правового регулирования правоохранительной службы, установил единые правовые стандарты, единые требования к квалификации и способам обеспечения дисциплины и законности в правоохранительных органах, особенности правового статуса сотрудников правоохранительных органов и их классификацию.

Правовым актом, определяющим специфику правоохранительной деятельности органов внутренних дел, является Закон Республики Казахстан «Об органах внутренних дел Республики Казахстан», принятый в 2014 г. в рамках реализации названной Концепции и сменивший ранее действовавший аналогичный закон об органах внутренних дел.

Направления развития правоохранительной службы в целом и органов внутренних дел в частности определены рядом программных документов, к числу которых относятся: Концепция кадровой политики правоохранительных органов Республики Казахстан, Дорожная карта по модернизации органов внутренних дел на 2019–2021 годы, Правила формирования Президентского резерва руководства правоохранительных и специальных государственных органов Республики Казахстан и др.

Перечисленные нормативные акты образуют правовую основу формирования служебной карьеры сотрудников органов внутренних дел. Реализация конституционной нормы о равном доступе граждан Республики Казахстан к государственной службе и установлении требований в отношении кандидатов на должность государственного служащего в строгом соответствии характеру должностных обязанностей отражена в Законе Республики Казахстан «О правоохранительной службе». Так, согласно статье 6 данного Закона на службу в правоохранительные органы на добровольной основе принимаются граждане Республики Казахстан, способные по своим личным, моральным, деловым, профессиональным качествам, состоянию здоровья и физическому развитию, уровню образования выполнять возложенные на них должностные обязанности. Этой же нормой установлены условия, исключающие возможность поступления на правоохранительную службу. К их числу относятся: признание лица недееспособным или ограничено дееспособным; наличие заболеваний, препятствующих выполнению должностных полномочий; отказ принять на себя ограничения, связанные с пребыванием сотрудника на правоохранительной службе, и антикоррупционные ограничения; привлечение в течение года перед поступлением на правоохранительную службу к административной ответственности за умышленное правонарушение и в течение трех лет — к административной ответственности за совершение коррупционного правонарушения; совершение коррупционного преступления и др.

Исходя из указанных условий для поступления на правоохранительную службу можно выделить возрастной, волевой и социальный критерии, которые предлагают теоретики-административисты при анализе правосубъектности личности. Отбор кандидатов на службу в органы внутренних дел, осуществляемый кадровыми службами, основан на изучении личных данных кандидата, уровня его образования и соответствия профессиональным компетенциям, результатов конкурса. Таким образом, начальный уровень конкурентоспособности, способствующей в дальнейшем служебной карьере в органах внутренних дел, определяется на стадии отбора кандидатов при поступлении на службу.

Следующий уровень конкурентоспособности сотрудников формируется в процессе их служебной деятельности, осуществляемой в должностях служб и подразделений органов внутренних дел. Постепенное выдвижение сотрудника по службе в соответствии с этапами должностного перемещения определяет его карьерный рост, характеризует степень профессионального развития и квалификации. Критериями назначения на должность и перемещения по службе являются профессиональные компетенции сотрудника и показатели его конкурентоспособности. В целях наиболее эффективного использования кадрового потенциала управленческого звена, применения их практического опыта в различных руководящих должностях предусмотрены кадровые ротации, осуществляемые в плановом порядке. В соответствии с законодательством о правоохранительной службе, а также с учетом положительной практики зарубежных стран ротация может производиться в межуровневом (центр-регион, регион-центр), межрегиональном (регион-регион), межсекторальном (центр-центр) порядке. При этом ротация, связанная с переездом в другую местность, может осуществляться как с письменного согласия сотрудника, так и без него, если речь идет об интересах службы.

Приоритетным направлением кадровой политики в органах внутренних дел является формирование кадрового состава на основе специальной подготовки сотрудников с учетом квалификационных требований и профессиональных компетенций, создания условий для их дальнейшего роста и повышения квалификации, а также формирование кадрового резерва, ресурсы которого способны обеспечить замещение квалифицированными кадрами вакантных должностей.

Одним из инструментов определения эффективности сотрудника, качества его работы и уровня конкурентоспособности является оценка деятельности, которая проводится ежегодно. Основными критериями оценки будут способность сотрудника выполнять возложенные обязанности, результаты его работы. По итогам трехлетней оценки деятельности сотрудника принимается решение о проведении его аттестации, в ходе которой определяется соответствие сотрудника ключевым показателям эффективности работы и его конкурентоспособности, профессиональным компетенциям в соответствии с занимаемой должностью. Кроме плановой аттестации, законодательством предусмотрена внеочередная аттестация, проводимая по решению Президента Республики Казахстан. Не детализируя механизмы проведения оценки профессионального уровня сотрудников органов внутренних дел, отметим, что главная их цель — обеспечение органов внутренних дел компетентным, профес-

сиональным кадровым корпусом, способным качественно выполнять возложенные функции в соответствии с задачами органов внутренних дел как субъекта правоохранительной деятельности государства.

Изучение международного опыта, особенностей формирования и функционирования кадрового аппарата позволили провести очередной этап реформирования казахстанской полиции. В результате проведенной аналитической работы с 2013 г. в Казахстане начала функционировать новая модель кадровой работы в правоохранительных органах, основная идея которой заложена в программном документе — Концепции кадровой политики правоохранительных органов Республики Казахстан. В действующее законодательство были внесены изменения и дополнения, отражающие принципиальные позиции новой модели кадровой политики, одним из признаков которой является кадровое планирование. На законодательном уровне закреплены такие понятия, как «показатель конкурентоспособности», «планирование ротации», «постаттестационное развитие», «карьерный рост», «кадровый прогноз» и др. Реализация таких принципов, как меритократия, гласность кадровых решений, научность, ответственность, перспективность, призвана придать новый импульс кадровой политике в органах внутренних дел, обеспечить эффективность системы подбора кадров, их обучения и дальнейшего продвижения.

Планирование ротации нашло свое отражение в формировании Президентского резерва руководства правоохранительных и специальных органов Республики Казахстан, цель которого заключается в обеспечении правоохранительных органов сотрудниками, прошедшими особый порядок отбора и подготовки для занятия руководящих должностей. Отбор кандидатов для зачисления в Президентский резерв осуществляется на основе оценки личных и деловых качеств сотрудников, результатов их служебной деятельности и решения аттестационной комиссии о соответствии занимаемой должности и рекомендации для зачисления в кадровый резерв или выдвижения на вышестоящую должность.

В заключение отметим, что казахстанская модель правоохранительной службы, предусматривающая профессионализацию ее кадров, основана на реализации кадровой политики в соответствии с принципами меритократии и карьерного планирования, продвижения по службе с учетом квалификации и профессиональных компетенций. Заимствованная практика кадровых ротаций направлена как на обеспечение эффективного использования профессионального управленческого опыта, так и на профилактику коррупционных правонарушений. Конкурентоспособный кадровый корпус органов внутренних дел является гарантией

профессиональной реализации государством своей главной задачи — обеспечения безопасности, прав, свобод и законных интересов граждан. Служебная карьера как важная составная часть системы мотивации обеспечивает профессиональную и социальную самореализацию сотрудников органов внутренних дел в соответствии с уровнем квалификации и опытом работы.

Список источников

1. Гусева А. С., Иглин В. А., Лытов Б. В. [и др.]. Служебная карьера / под ред. Е. В. Охотского. М., 1998.
2. Гыскэ А. В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества : монография. М., 2001.

А. М. Марат

Состав уголовного правонарушения как основа его квалификации

Слово «квалификация» происходит от лат. слов *qualis* (качество) и *facere* (делать). Следовательно, смысл этого составного слова сводится к установлению качественной характеристики определяемого объекта. Таким объектом в уголовном праве является совершенное лицом общественно опасное деяние, обладающее всеми обязательными признаками состава деяния, описанного в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан.

В теории уголовного права квалификация уголовного правонарушения рассматривается как одна из стадий применения уголовных норм правоохранительными органами. Она осуществляется надлежащими должностными лицами на стадии досудебного расследования, в судебном разбирательстве, если речь идет о таком виде квалификации, как официальная.

Действенность уголовного права Республики Казахстан выражается в трех основных понятиях: 1) применение уголовного закона; 2) толкование уголовно-правовой нормы; 3) квалификация уголовных правонарушений. Эти понятия однородны, органически связаны и направлены на выполнение одной общей задачи — соблюдение и укрепление правопорядка, установленного Конституцией государства и другими законодательными актами. Но по своей сущности и цели они различны. Применение уголовного закона есть строгое соблюдение всех исходных начал и норм законности. Квалификация уголовных правонарушений играет

важную и незаменимую роль при применении уголовного закона. Под ней в науке уголовного права обычно понимается установление соответствия или тождества признаков совершенного общественно опасного деяния признакам предусмотренного уголовным законом уголовного правонарушения [1, с. 562]. В юридической литературе дается не одно определение, раскрывающее понятие квалификации уголовных правонарушений. По своей сути они одинаковы, хотя автор каждого источника стремится уточнить их содержание. Так, по мнению Б. А. Куринова, квалификация преступлений занимает особое место в правоприменительной деятельности, так как является основанием, предпосылкой для осуществления многих других видов применения норм права. Например, только после осуществления судом квалификации уголовного правонарушения можно ставить и решать вопросы об избрании к подозреваемому меры пресечения, к виновному тех или иных видов наказания, об определении осужденному того или иного режима в исправительной или воспитательной колонии, об отсрочке исполнения наказания и т. д. [2, с. 4].

З. О. Ашитов под квалификацией преступления понимает юридическую оценку определенного факта действительности, которая осуществляется путем установления характерных, существенных признаков деяния [3, с. 4].

Нам представляется более точным, правильным и полным определение понятия квалификации преступления, сформулированное В. Н. Кудрявцевым: «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой». Автор относит квалификацию преступлений к числу общих проблем уголовного права, глубокое освоение которых способствует осуществлению правосудия в строгом соответствии с законом [4, с. 238].

По нашему мнению, квалификация уголовных правонарушений есть установление идентичности признаков содеянного и признаков состава уголовного правонарушения, указанного в нормах особенной части УК Республики Казахстан. Процесс квалификации обычно завершает вывод о том, какое именно преступление или уголовный проступок совершены лицом в данном случае и какой уголовно-правовой нормой они охватываются. Вывод о таком соответствии или тождестве (при отрицательном ответе — несоответствии) делается путем сопоставления признаков фактически совершенного деяния с признаками уголовно-правовой нормы, формулирующей тот уголовно-правовой запрет, который, как это предполагается, и нарушен этим деянием. Сопоставление происходит только

по признакам соответствующей уголовно-правовой нормы. Иные характеристики совершенного деяния, не предусмотренные ею, во внимание не принимаются, хотя они могут иметь важное значение для уголовной ответственности лица (например, для назначения наказания) или приобретать важное значение доказательственного плана.

Не вызывает сомнений, что процесс квалификации уголовных правонарушений — сложный логический процесс. Но как выделить те признаки, которые имеют квалификационное значение? Для этого служит конструкция состава уголовного правонарушения, т. е. совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление или уголовный проступок.

Кроме того, состав уголовного правонарушения является юридической основой квалификации уголовных правонарушений. Без точного установления признаков и элементов состава уголовного правонарушения невозможно осуществить правильную, точную и определенную квалификацию общественно опасного деяния.

В теории уголовного права существуют различные виды составов уголовных правонарушений. Но для квалификации важна группа, характеризующаяся по конструкции объективной стороны уголовного правонарушения. По конструкции выделяют следующие виды составов уголовных правонарушений: материальный, формальный и усеченный. Примером материального состава может служить состав убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, где для признания уголовного правонарушения окончанным необходимо наступление общественно опасного последствия. В усеченном составе преступление или уголовный проступок считаются окончанными на стадиях неоконченного уголовного правонарушения: на стадии приготовления к преступлению или покушения на преступление. Формальным же признается состав уголовного правонарушения, где для признания его таковым достаточно совершения общественно опасного деяния, независимо от наступления общественно опасного последствия. Не является исключением и состав получения взятки, который сконструирован как формальный, в связи с чем получение взятки считается окончанным преступлением с момента получения хотя бы части взятки. Следовательно, для правильной квалификации этого уголовного правонарушения не имеет значения выполнение или невыполнение специальным субъектом уголовного правонарушения действий (бездействия) в пользу взяткодателя, которые предварительно между ними были оговорены.

Основная роль для правильной, законной квалификации уголовного правонарушения всегда отводится составу уголовного правонарушения. Учение о составе уголовного правонарушения, базирующееся на обнаружении единой общей структуры всех уголовных правонарушений, состоящей из четырех основных групп признаков, характеризующих объект, объективную и субъективную стороны, субъекта уголовного правонарушения, — научное открытие в сфере уголовного права, практическое значение которого невозможно переоценить. Его главный смысл заключается в том, что два абсолютно одинаковых состава существовать не могут. Составы всех без исключения уголовных правонарушений различаются между собой хотя бы по одному признаку, который позволяет отделить данный вид уголовного правонарушения от других видов либо отграничить от иных правонарушений. Это учение имеет базовое значение для квалификации уголовных правонарушений, иначе говоря, является ее юридическим основанием. С позиции учения о составе уголовного правонарушения уголовно-правовая квалификация есть не что иное, как сопоставление законодательных признаков (особенностей), характеризующих каждую из сторон состава, с признаками (особенностями) конкретного общественно опасного деяния в том виде, в котором они установлены в ходе уголовно-процессуального доказывания (можно сказать и наоборот: признаки реального, конкретного деяния сопоставляются с признаками, выработанными научной абстракцией). Теория состава уголовного правонарушения позволяет определить принципы квалификации, т. е. основополагающие общие правила-требования, которым должна быть подчинена деятельность каждого юриста и по каждому уголовному делу независимо от его особенностей, в том числе требование точности и полноты квалификации. Точность квалификации уголовных правонарушений означает, что ее результаты должны быть отражены в соответствующем процессуальном документе в виде ссылки не только на статью Особенной части Уголовного кодекса, посвященную соответствующему виду уголовного правонарушения (убийство, разбой, грабеж, кража), но и на соответствующую ее часть, а если в этой части имеются пункты и подпункты, то и на них.

Правильная уголовно-правовая квалификация общественно опасного деяния означает точное и полное применение уголовного закона, который отражает государственно-правовую оценку всех уголовных правонарушений подобного рода, что, в свою очередь, способствует законному и справедливому назначению наказания.

Список источников

1. *Энциклопедический словарь*. М., 1985.
2. *Куринов Б. А.* Научные основы квалификации преступлений. М., 1976.
3. *Ашитов З. О.* Проблемы квалификации воинских преступлений. М., 1963.
4. *Кудрявцев В. Н.* Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963.

П. А. Маленков

Отдельные особенности реализации полномочий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность

Обязанностью государства по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина является в числе прочего использование любого средства из арсенала, имеющегося у государственных органов, строго в рамках закона, с соблюдением правовой процедуры. Это реализуется в точном выполнении нормативных предписаний, касающихся не только оснований, но и условий применения соответствующих мер.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] в ч. 1 ст. 15 наделил оперативные подразделения государственных органов правом прерывать предоставление услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

Одно из условий реализации указанной меры оперативно-розыскного характера — равенство всех перед законом и судом, определяющее то обстоятельство, что гражданство, национальность, пол, место жительства, имущественное, должностное и социальное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии и политические убеждения отдельных лиц не являются препятствием для осуществления прерывания предоставляемых им на территории Российской Федерации услуг связи, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Указанная оговорка об исключении из правил равенства не случайна и обусловлена специальными законодательными нормами, регламентирующими особый порядок осуществления мер государством, в том

числе оперативно-розыскной деятельности, в отношении некоторых категорий лиц. Например, Конституция РФ и Федеральный закон «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» предусматривают неприкосновенность депутатов обеих палат Федерального Собрания РФ [2]. При этом неприкосновенность распространяется не только на занимаемые ими помещения, принадлежащие документы, но и на используемые ими средства связи. Сходным статусом в соответствии с Федеральным конституционным законом обладает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, государство также гарантирует ему неприкосновенность используемых средств связи [3]. При этом важным является то, что недопустимость прерывания предоставления услуг связи как действие, подпадающее под запрет в соответствии с неприкосновенностью, усматривается исходя из смысла самого термина и конкретного указания законодателя на один из охраняемых предметов — «средства связи». Подтверждением того, что данный термин следует расценивать не как обозначение категории предметов для передачи и приема информации, а как возможность коммуникации вообще, может служить разъяснение Конституционного Суда РФ относительно статуса парламентариев, согласно позиции которого «неприкосновенность есть важнейшая правовая гарантия деятельности парламентария, которая призвана обеспечивать повышенную охрану законом его личности в силу осуществляемых им государственных функций, ограждая его от необоснованных преследований, способствуя беспрепятственной деятельности, самостоятельности и независимости» [4].

Таким образом, учитывая, что рассматриваемая мера оперативно-розыскного характера может существенно ограничивать неприкосновенность лиц с особым статусом, реализация полномочий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на прерывание предоставления услуг связи в отношении субъектов данной категории должна проводиться с соблюдением особого порядка.

Список источников

1. *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.
2. *О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации* : федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 2, ст. 74.

3. *Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации* : федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *О проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 г. «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации* : постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 9, ст. 828.

Д. А. Матанцев

Актуальные вопросы защиты органов внутренних дел от дискредитации в условиях информационного общества

Закрепленный в ст. 8 Федерального закона «О полиции» принцип открытости и публичности выступает важной гарантией обеспечения прав и свобод граждан, законности в деятельности органов внутренних дел. В условиях развития информационного общества реализация данного принципа становится необходимостью, которая, однако, не всегда имеет позитивный правовой результат. Специфика самой полицейской деятельности, неизбежно связанной с тесным взаимодействием с широкими слоями населения, которое выражается в ограничении прав и свобод и приобретает форму юридического конфликта, приводит к тому, что эта деятельность всегда находится в фокусе внимания общественности и становится предметом дискуссии и критики. При этом статистические данные показывают, что чаще всего негативный информационный фон развивается в отношении таких подразделений МВД России, как ГИБДД, уголовный розыск, подразделения по обеспечению охраны общественного порядка, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции [1, с. 126–129].

Следует отметить, что в законодательстве понятие «дискредитация» не раскрывается. Традиционной его формой является диффамация — распространение не соответствующих действительности сведений, которые порочат честь, достоинство и деловую репутацию физических и юридических лиц [2, с. 86–94]. Однако в современной практике встречаются и иные формы дискредитации — распространение порочащей информации, соответствующей действительности, но касающейся частной жизни сотрудника полиции, распространение сведений, которые не носят порочащий характер, но не соответствуют действительности. С развитием

информационных технологий и средств коммуникации дискредитирующие действия стали выражаться в публичном оскорблении сотрудника полиции и распространении соответствующей информации в социальных сетях. В них размещаются постановочные ролики, в которых блогеры незаконно носят форму сотрудников полиции и совершают порочащие стражей порядка действия.

Негативные последствия названных дискредитирующих действий могут проявляться на различных уровнях. Основная цель подобных деяний заключается в подрыве авторитета государственных органов, утрате доверия к государству со стороны общества. В этом контексте разворачивается традиционная дискуссия о балансе частных и публичных интересов при регламентации права на свободу информации и выражения мнения. Применительно к критике должностных лиц государства показательным является прецедентное решение Верховного суда США «*NewYorkTimesCo. v. Sullivan*», вынесенное еще в 1964 г. В указанном решении Верховный суд США, апеллируя к первой поправке американской Конституции, существенно ограничил возможность государственных должностных лиц обращаться с исками о диффамации. Основанием удовлетворения таких исков может быть только злой умысел со стороны обвиняемого, при котором он либо заведомо знает о ложности информации, либо безрассудно игнорирует проверку ее достоверности. В данном судебном решении также отмечалось, что «дебаты по общественным вопросам должны быть свободными, энергичными и широко открытыми, и что они вполне могут включать яростные, язвительные, а иногда и неприятно резкие нападения на правительства и государственных служащих» [3, р. 293]. Подобная позиция отражена в решении Европейского суда по правам человека «Лингенс против Австрии». Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» также отмечает, что государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного осуществления ими своих полномочий.

Таким образом, из приведенных правовых позиций следует, что пределы защиты чести, достоинства и деловой репутации должностных лиц сужены по сравнению с обычными гражданами в связи с необходимостью обеспечения права на свободу информации. Однако в современных условиях данная позиция нуждается в уточнении. Сегодня СМИ не являются единственными субъектами распространения массовой инфор-

мации. В условиях, когда информация может распространяться любым человеком, имеющим доступ к сети Интернет, и такое распространение имеет стремительный и массовый характер, требуется конкретизация права на информацию. К сожалению, Конституция РФ, закрепляя данное право в ст. 29, не содержит важной оговорки о принципе достоверности информации. Кроме того, ни в одной конституционной норме не закреплён в качестве общеправового принцип добросовестности. Соблюдение этих двух принципов является важным критерием надлежащего осуществления права на информацию.

Благодаря массовому стремительному распространению и некритическому восприятию со стороны адресатов ложная, дискредитирующая информация о деятельности полиции может привести к негативным последствиям в сфере общественного порядка и общественной безопасности. Именно этим обстоятельством можно объяснить повышенную юридическую ответственность за дискредитацию государственных должностных лиц в ряде государств. Так, лишение свободы как санкция за оскорбление должностных лиц, распространение порочащих о них сведений предусмотрена законодательством Германии, Италии, Нидерландов, Турции, Франции, ряда штатов США и др. [4]. В России в 2020 г. были внесены изменения в КоАП РФ (ст. 13.15) и УК РФ (ст. ст. 207¹, 207²), предусматривающие ответственность за публичное распространение не соответствующей действительности информации о чрезвычайных обстоятельствах либо повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью и иные тяжкие последствия.

Распространение дискредитирующей информации негативно сказывается не только на доверии людей к органам внутренних дел, но также на мотивации самих сотрудников полиции, приводит к утрате престижа службы, профессиональной деформации. Само государство в лице МВД России должно гарантировать защиту прав и законных интересов сотрудников. Вопросы защиты чести, достоинства и репутации сотрудников органов внутренних дел урегулированы в приказе МВД России от 19 декабря 2018 г. № 850. Однако данный приказ касается только дискредитации профессиональной деятельности сотрудника. Вместе с тем порочащие сведения могут касаться частной жизни сотрудника, что может оказать негативное влияние на его профессиональную репутацию. Противодействие дискредитации, помимо мер юридической ответственности, должно включать в себя формирование информационной политики по созданию позитивного имиджа органов внутренних дел в общественном сознании с использованием современных технологий и средств коммуникации.

Список источников

1. Дьяченко Н. Н. Влияние дискредитации на профессиональную мотивацию сотрудников органов внутренних дел к борьбе с преступностью // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1.
2. Невзгодина Е. Л., Парыгина Н. Н. Диффамация как правовая категория // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 2.
3. Schmidt C. New York Timesv. Sullivan and the legal attack on the civil right smovement. Alabama Law Review. 2014. Vol. 66.
4. Griffen S. Defamation and insult laws in the OSCE region: acomparative study. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/b/8/303181.pdf> (дата обращения: 25.05.2021).

К. С. Насуев

Проблема реформирования органов внутренних дел Российской Федерации в юридической науке

Исследование различных аспектов осуществления полицейской деятельности актуализировано в отечественной и зарубежной науке в связи увеличением запросов общества в сфере обеспечения безопасности и необходимостью их совершенствования в соответствии с направлениями модернизации государства. Выявление и обозначение проблем реформирования органов внутренних способствует взвешенному подходу к решению задач по их реформированию, выработке оптимальной модели развития.

Отдельные аспекты реформирования органов внутренних дел Российской Федерации освещены представителями различных юридических наук. Наиболее значимые работы можно выделить в области административного права (Ю. Е. Аврутин, Ю. П. Соловей, Л. Ф. Кваша и др.), истории государства и права (И. А. Андреева, А. В. Борисов, Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин, Н. С. Нижник и др.), а также в области социологии (Ю. Ю. Комлев, Д. А. Шпилев, Е. Н. Шлягина и др.).

Теоретические основы изучения реформы заложены одним из разработчиков Закона о милиции Ю. П. Соловьем, который утверждал, что советская милиция к началу 1990-х гг. являлась одним из «реформемых» российских государственных институтов [1, с. 3]. Эта оценка отдельными исследователями была распространена на систему органов внутренних дел в целом, уточнившими, что осуществляемые в ней изменения были имманентны социально-политической модернизации российского общества, неразрывно связаны со становлением и развитием новой государственности.

Авторы отмечают, что происходившие структурные изменения в системе органов внутренних дел в 1990-е гг. свидетельствуют о сужении предмета ведения МВД России до сферы охраны общественного порядка, осуществления полицейских функций. Л. Ф. Кваша в работе, посвященной организационно-правовому совершенствованию российской милиции, пришла к выводу, что «органы внутренних дел в современных условиях постепенно трансформируются в органы милиции (полиции)» [2, с. 26]. Ее преобразование в полицию С. П. Булавин и В. В. Черников охарактеризовали как обусловленный объективными факторами шаг, указав, что социальная модель милиции в принципе уже базировалась на выполнении профессиональных полицейских функций [3].

Анализируя исследования, посвященные реформированию органов внутренних дел, можно заметить, что большинство из них посвящены отдельным аспектам реформ. Условно их можно разделить на труды, посвященные Закону о милиции, и работы, посвящаемые Закону о полиции. В целом содержание законов авторы оценивают положительно, однако выделяют и определенные недостатки. В частности, Ю. П. Соловей, один из разработчиков Закона о милиции, считает, что на его качество повлияла непростая обстановка в стране. Однако это не умаляло значения данного нормативного акта, направленного, по образному выражению Ю. П. Соловья, на «департизацию, демилитаризацию, демифологизацию, деуниверсализацию милиции» [1, с. 379]. Закон дал толчок процессам децентрализации милиции, ориентировал ее работу на тесное взаимодействие и сотрудничество с населением и местной властью.

А. И. Дуров связывает продолжение реформ с обратной тенденцией — централизацией полиции [4, с. 57]. И это подтверждается самим Законом о полиции, определившим полицию как составную часть единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти, не создавшим механизмов контроля со стороны местной или даже региональной власти.

Реформа МВД нуждается в постоянном стимулировании. Речь должна идти о целенаправленном, планомерном, поступательном движении накопившихся не решенных реформой, а отчасти и порожденных самой реформой проблем. Это актуализирует необходимость всестороннего изучения опыта реформирования органов внутренних дел, формирование целостного представления об осуществленных в последние десятилетия преобразованиях. Полагаем, дальнейшее продвижение юридической науки может быть обеспечено преодолением разобщенности научных исследований представителей различных, прежде всего юридических, наук.

Список источников

1. Соловей Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.
2. Кваша Л. Ф. Милиция (полиция) в условиях переходного типа государства и права // История государства и права. 2006. № 3.
3. Булавин С. П., Черников В. В. Федеральный закон «О полиции»: предпосылки и концептуальные идеи. URL: <https://center-bereg.ru/m1519.html> (дата обращения: 25.05.2021).
4. Дуров А. И. Реформа МВД: полиция или милиция? // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2010. № 2.

С. А. Никифорова

Э. Н. Берендтс о государственной концепции управления на местах

Политико-правовые процессы, происходящие в современной России, вызывают неослабевающий интерес ученых различных областей знаний — юристов, политологов, социологов, историков. Новым импульсом к изучению вопросов государственного регулирования взаимоотношений между субъектами административного управления служат преобразования в сфере исполнительной власти и вызванные ими проблемы определения оптимальной модели взаимосвязи федеральных и региональных органов управления. Сложившиеся исторические споры также способствуют изучению этапов оформления и моделей отношений между центром и регионами.

Изучением вопросов организации и функционирования власти на местах занимался российский полицейист, административист, видный государственный деятель Эдуард Николаевич Берендтс (9 (21) декабря 1860 г., Санкт-Петербург — 4 августа 1930 г., Таллинн) [1; 2, с. 8; 3, с. 828–843].

В Российской империи к проблемам управления на местах стали обращаться гораздо позже, чем в европейских странах. Причиной тому были самодержавие в Российской империи и господство феодальных отношений. Европа уже пережила буржуазные революции, которые свидетельствовали о практической необходимости решения вопросов наделения общества властью. При этом к концу XIX – началу XX вв. и в России проблемы местного самоуправления приобрели актуальность. Имперскими учеными были сформулированы концепции местного самоуправления — общественно-хозяйственная и государственная [4, с. 30–31;

5, с. 12–14; 6, с. 162–167], в рамках которых сущность института местного самоуправления и особенности взаимоотношений общества и государства трактовались по-разному.

Основоположниками государственной концепции местного самоуправления были немецкие юристы Р. Гнейст и Л. Штейн. Идеи развития самоуправления в контексте государственной концепции нашли отражение также в трудах российских ученых: В. П. Безобразова, А. Д. Градовского, В. М. Гессена, Н. И. Лазаревского, А. И. Елистратова. Они рассматривали местное самоуправление как одну из форм организации государственного управления на местах, часть общей государственной системы.

Э. Н. Берендтс являлся представителем государственной концепции местного самоуправления. Изменения, происходившие в социально-экономической и общественно-политической жизни Российской империи в конце XIX – начале XX вв., побудили его к изучению актуальных проблем взаимоотношения власти и общества, исследованию вопросов централизации/децентрализации власти, анализу разработанных административистами методологических подходов зарубежного и отечественного опыта местного самоуправления и истории российского земства, а также условий, способствовавших и препятствовавших развитию земских учреждений.

Э. Н. Берендтс представлял управление на местах как составную часть государственного управления. Органы местного управления, по мнению ученого, должны действовать «ради и во имя интересов государственных, облеченные властью решения и принуждения, и охраняемые доверием правительства» [7, с. 69]. Он считал, что если следовать основным идеям государственной концепции, то механизм управления на местах можно сделать четче, организованнее и прочнее. Путь, по которому развивалось местное самоуправление Российской империи в конце XIX в., исследователь считал ошибочным [7, с. 257].

Возникновение земских учреждений в результате реформы 1864 г. Э. Н. Берендтс оценивал как значительный шаг на пути развития управления в административно-территориальных единицах. Однако выбранную за основу земской реформы общественно-хозяйственную концепцию он резко критиковал [6, с. 162–167; 8, с. 1–6].

Ученый подчеркивал, что главная цель органов местного управления — содействовать правительству для благоустройства каждой части государства [7, с. 244], оказывать влияние на развитие экономической, политической, социальной и духовной жизни общества. Рассматривая административно-территориальные единицы как часть живого государ-

ственного организма, Э. Н. Берендтс полагал, что достигнуть цели благоустройства органы местного управления могли, лишь выполняя «под доверием правительства» [7, с. 262] такие задачи, как обеспечение участия граждан всех сословий в решении местных вопросов, управление финансовыми средствами местного бюджета, создание условий для обеспечения необходимого уровня жизни всех слоев населения, развитие духовных и иных важных для общества услуг [9, с. 68].

Э. Н. Берендтс подчеркивал, что «ни о каких общественных установлениях не может быть речи там, где большинство населения не имеет человеческой свободы, является объектом права» [10, с. 4], предлагал придать земским учреждениям статус государственных органов. Целью местного самоуправления, по мнению исследователя, должно являться достижение общего блага. Земские органы, соблюдая принцип законности, должны приносить реальную пользу обществу и государству; граждане всех сословий — иметь право избирать и быть избранными в земские учреждения; а земские органы — отражать реалии общественной жизни и подлинные интересы всего населения [7, с. 7–8].

Список источников

1. *Российский государственный исторический архив*. Ф. 740. Оп. 24. Д. 845. Л. 9.
2. *Никифорова С. А.* Государственно-правовые воззрения Э. Н. Берендтса : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019.
3. *Никифорова С. А.* Российская полицейстика в лицах: Эдуард Николаевич Берендтс // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. URL: http://enotabene.ru/hr/article_16389.html (дата обращения: 30.04.2021).
4. *Бойко Н. А.* Местное самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX века (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
5. *Зотов В. Б.* Система муниципального управления : учебник. СПб., 2008.
6. *Цейтлин Р. С., Черняк Э. В.* «Общественно-хозяйственная теория самоуправления» и ее влияние на деятельность земств в социально-экономической сфере российского общества // Вестник Казанского технического университета. 2012. Т. 15, № 2.
7. *Берендтс Э. Н.* О прошлом и настоящем русской администрации: записка, составленная в декабре 1903 года. СПб., 1913.
8. *Шустов В. Г.* Теории местного самоуправления — политологический контекст // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. Вып. 2.

9. *Нижник Н. С., Никифорова С. А.* Государство и право в теоретико-правовых воззрениях Э. Н. Берендтса. М., 2019.

10. *Берендтс Э. Н.* Связь судебной реформы с другими реформами Александра II и влияние ее на государственный и общественный быт России. СПб., 1915.

К. Д. Николаев, И. А. Журавлева

О запретах и ограничениях, связанных со службой в полиции

Анализируя вопрос правовой регламентации запретов и ограничений, связанных со службой в полиции, следует обратиться к первоисточнику, закрепляющему правовое положение сотрудника полиции, — Федеральному закону «О полиции», в главе 6 которого даны правовые нормы, фиксирующие правовое положение сотрудника полиции, а именно нормы о понятии «сотрудник полиции» (ст. 25), специальных званиях сотрудника полиции (ст. 26), основных правах и обязанностях (ст. ст. 27, 28, 31), гарантиях правовой защиты сотрудников полиции (ст. 30) и их ответственности (ст. 33). Таким образом, в законе определены формальные критерии правового положения (статуса) сотрудника полиции, устанавливающие легальные пределы их профессиональной деятельности и ответственности. При этом фактически понятие «правовой статус сотрудника полиции» пересекается с распространенным общепринятым понятием «правовое положение (статус) личности», в которое включены такие формальные характеристики, как права, обязанности, запреты и ограничения.

В юридической теории отсутствует единая точка зрения относительно понятия правового положения (статуса) личности. Большинство исследователей определяет его как сложное явление, которое включает не только юридические права, конституционные свободы и обязанности, но и ряд дополнительных (факультативных) элементов, характеризующих личность и имеющих к этому понятию непосредственное отношение, а именно: правосубъектность, правоспособность [1, с. 42–50]; юридические гарантии прав и обязанностей [2, с. 3–11]; гражданство [3, с. 4]; законные интересы личности, т. е. интересы личности, которые не нашли прямого выражения и закрепления в юридических правах и обязанностях, но подлежат охране и защите со стороны государства [4, с. 110]; ответственность гражданина перед государством и обществом [5, с. 189–205].

Подобные формальные критерии закрепления правового положения (статуса), включая требования к профессиональной деятельности и ответственности, приняты в отношении государственных (гражданских) [6], а также в отношении муниципальных служащих [7].

Несмотря на указанное выше формально закрепленное понятие статуса сотрудника полиции в российском законодательстве, проблема его содержания остается актуальной, особенно в части профессиональных запретов и ограничений [8, с. 59–62; 9, с. 88–100]. При этом сами ограничения, обязанности и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел, являются новеллами в правовом регулировании прохождения службы в органах внутренних дел.

Положения ст. 14 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел» «Ограничения, обязанности и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел» [10] существенно не проясняют ситуацию, регламентируют вопросы осуществления профессиональной деятельности, включая требования антикоррупционного, уголовного, трудового, гражданского (в части вопросов определения дееспособности лица) и административного законодательства, сводя все фактически к обязанностям, например, обязанности предоставлять сведения о доходах и имуществе сотрудников и членов их семей.

Отметим необходимость конкретизации положений Федерального закона «О противодействии коррупции» в части уточнения субъектного состава регулируемых правоотношений применительно к сотрудникам полиции и понятия «служебное положение» в связи с тем, что действующее уголовное законодательство предусматривает во многих составах преступлений этот квалифицирующий признак. Формулировка «использование своего служебного положения» применима и к сотрудникам полиции. Так, уголовно-правовое значение данного признака состоит в том, что при использовании служебного положения происходит посягательство на дополнительный объект, а именно интересы службы. Заметим, что глава 23 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, в том числе такие составы, как «злоупотребление полномочиями». Глава 30 УК РФ содержит исчерпывающий перечень преступлений против государственной власти, интересов государственной службы, включая такие составы, как «дача взятки» (ст. 291 УК РФ) и «получение взятки» (ст. 290 УК РФ), что тоже может иметь отношение к службе в полиции в случае противоправного поведения сотрудника.

На наш взгляд, проблема состоит в следующем: так как прохождение службы в полиции, органах внутренних дел представляет собой особый вид государственной службы, чья деятельность направлена на обеспечение и охрану в первую очередь публичных (государственно-правовых) интересов и призвана поддерживать правопорядок и общественную безопасность, необходимо отграничить конституционно-правовые аспекты в регламентации правового статуса сотрудников полиции от служебных характеристик. Этот тезис появляется из самого смысла слова «ограничение» — правило, установление, ограничивающее чьи-либо права или действия [11]. Подтверждением этого может служить перечень служебных прав сотрудника полиции, закрепленный в главе 8 «Гарантии социальной защиты сотрудника полиции» Закона о полиции.

Таким образом, речь идет исключительно о содержании служебной деятельности сотрудника полиции, исходя из которого могут возникать основания его юридической ответственности. Целесообразно закрепить (разграничить) общий перечень профессиональных запретов, связанных со службой в полиции, например, как это закреплено в ст. 22 «Запреты и ограничения, связанные с применением специальных средств» Закона о полиции. Следует конкретизировать перечень профессиональных запретов и ограничений, связанных со службой в полиции, исходя из назначения данного вида публичной службы — правоохранительной. Важно отграничить его от конституционных, личных, трудовых прав сотрудников полиции, тем более что нормы главы 3 Закона о полиции устанавливают конкретные обязанности (ст. 12) и права (ст. 13) полиции, являющейся составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Список источников

1. Воеводин Л. Д. Содержание правового положения личности в науке советского государственного права // Сов. гос-во и право. 1965. № 2.
2. Лепешкин А. И. Правовое положение советских граждан. М., 1966.
3. Щетинин Б. В. Гражданство и социалистическое государство // Сов. гос-во и право. 1975. № 2.
4. Строгович М. С. Вопросы теории прав личности. Философия и современность. М., 1976.
5. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия (Теоретические проблемы субъективного права). Саратов, 1972.
6. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О муниципальной службе в Российской Федерации : федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Николаев К. Д. О соответствии норм Федерального закона «О полиции» Конституции Российской Федерации // Полиция — новый институт современной государственной правоохранительной системы : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (15–16 сентября 2011 г.). Омск, 2012.

9. Николаев К. Д., Черемнова Н. А., Щеглов И. В. Федеральный закон «О полиции» нуждается в совершенствовании // Политика, право, образование: история и современность : сб. науч. тр. кафедры правоведения, государственного и муниципального управления Омского государственного педагогического университета. Омск, 2012. Вып. 4.

10. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Толковый словарь Ефремовой. 2000. URL: hacademic.ru/dic.nsf/efremova/201621/Ограничениеhttps://dic.

И. В. Пенькова, С. В. Корягин

Формирование навыков стрельбы из табельного оружия в экстремальных ситуациях в процессе огневой подготовки

Профессия полицейского предполагает готовность сотрудника органов внутренних дел к пресечению преступлений с помощью огнестрельного оружия. Реализация данной меры силового воздействия, несмотря на установленный порядок этой процедуры в нормативной правовой базе, отличается различными дистанциями, положением для ведения огня, погодными условиями, освещенностью, психоэмоциональным и физическим состоянием и характеризуется большой вариативностью действий, определяющей различные тактические линии поведения, что подтверждается анализом всех обзоров по практике применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел. В результате опроса сотрудников полиции, проходящих повышение квалификации на базе факультета профессиональной подготовки Омской академии МВД России, было установлено, что применение огнестрельного оружия является одной из самых экстремальных ситуаций, с которыми сталкиваются сотрудники органов внутренних дел [1, с. 172].

Анализ научно-методической литературы позволил установить, что эффективность профессиональной деятельности сотрудников МВД России при выполнении служебных обязанностей зависит от следующих факторов:

- умений и навыков использования тактических способов и приемов действий в экстремальных условиях применения оружия, специальной техники и специальных средств;

- умения правильно использовать нормативные акты в экстремальных ситуациях, связанных с применением табельного оружия;

- умений и навыков стрельбы в ограниченное время в условиях активного физического и психологического противодействия со стороны правонарушителей, а также в различных физических условиях окружающей среды;

- способности объективно оценивать уровень своей огневой подготовленности;

- способности объективно оценивать уровень своей профессиональной готовности, психологической устойчивости к стрессам и умения прогнозировать развитие экстремальной ситуации.

В результате было установлено, что главным фактором, влияющим на принятие решения о применении оружия, является неспособность правильно выбрать тактический вариант применения оружия, на втором месте оказалась недостаточная правовая подготовка (т. е. неспособность моментально оценить правомерность применения оружия). На третьем месте — психологическая неподготовленность. Значительно реже респондентов останавливала от применения оружия неуверенность в уровне своей технической подготовленности [1, с. 173].

В связи с этим проблема формирования готовности курсантов образовательных учреждений МВД России к действиям в условиях влияния стрессовых факторов является актуальной и требует воплощения в учебных программах и планах.

Исходя из требований к модели личностных качеств и профессионального опыта сотрудников, необходимых в сложных и экстремальных ситуациях, следует определить профессиональную готовность к действиям в экстремальных ситуациях как процесс и результат профессиональной подготовки, включающей в себя совокупность специальных профессиональных знаний, умений, навыков и необходимых личностных качеств, позволяющих эффективно выполнять служебные обязанности в экстремальных ситуациях.

Организация обучения стрельбе из пистолета в целом имеет определенную периодизацию подготовки стрелка, базирующуюся на педагоги-

ческих закономерностях формирования двигательных умений и навыков. Современная ориентация обучения курсантов на соблюдение мер безопасности при стрельбе, правильность действий с оружием по подаваемым командам, шаблонные схемы выполнения упражнений оправдана лишь на начальном этапе освоения дисциплины «Огневая подготовка».

В дальнейшем в процессе обучения стрельбе курсантов должна учитываться обязательная составляющая любого применения оружия — экстремальность ситуации и ее влияние на психические функции человека, от которых зависит положительный для сотрудника исход применения оружия. Все это открывает широкие возможности совершенствования процесса обучения стрельбе и перевода его на более качественный уровень даже в рамках существующих упражнений. Моделирование экстремальной ситуации как ситуации, выходящей за пределы стрелкового опыта обучающегося и требующей от него принятия решений в крайне ограниченном промежутке времени, на данном этапе должно происходить без изменения условий, порядка и правил выполнения упражнения, с акцентом на строгое соблюдение мер безопасности. В качестве отвлекающих факторов можно использовать выполнение освоенных упражнений стрельб в условиях ограниченной видимости, или после физической нагрузки, или с использованием различных звуковых сигналов, таких как звук выстрела и т. д.

Заключительный период подготовки курсантов и слушателей предусматривает формирование умения производить выстрел с минимальным участием сознания в контроле выполняемых действий, с высокой быстротой, стабильностью итога, устойчивостью к сбивающим воздействиям. Моделирование направленности и продолжительности физической, психической нагрузки, решение вопроса законности и допустимости применения оружия, выбор тактико-технических вариантов выполнения упражнений стрельб из пистолета будут способствовать формированию готовности курсантов вузов МВД России к экстремальным ситуациям.

В заключение сформулируем ряд выводов.

1. Эффективность действий в экстремальных ситуациях, связанных с применением оружия, в процессе выполнения служебных обязанностей сотрудника полиции зависит от профессиональных знаний, умений и навыков, а также психологических качеств личности.

2. Процесс формирования устойчивых навыков стрельбы у курсантов многофункционален и состоит из совокупности компонентов, включающих правовую, тактико-специальную, стрелковую, физическую и психологическую подготовку.

3. Программа подготовки к стрельбе должна базироваться на основе самостоятельного выбора курсантом оперативных решений в экстремальных ситуациях в границах упражнений действующего Наставления.

4. Для формирования подготовленности сотрудника к стрельбе в ходе учебно-тренировочных занятий по огневой подготовке важно решать педагогические задачи в реальных условиях служебной деятельности. Этому способствует моделирование экстремальных ситуаций.

Список источников

1. Жуков В. М., Пенькова И. В., Ворожцов А. М. Соответствие содержания образовательного процесса по дисциплине «Огневая подготовка» требованиям компетентностного подхода // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 2(77).

Д. В. Попов

Проблематика полиции и применения полицейской силы в биополитике

Политическая философия XX в. не только не обходит вниманием проблематику полиции, полицейского права и применения полицейской силы, но, напротив, часто выделяет ее в качестве одной из фундаментальных для понимания современности. Так, сложившийся в результате исследований М. Фуко биополитический дискурс рассматривает полицию едва ли не важнейшим институтом, способствующим утверждению биовласти. Подводя итоги фундаментального исследования, посвященного теологической генеалогии экономики и управления, Дж. Агамбен отмечает, что «подлинная проблема, сокровенная тайна политики — это не суверенитет, а управление, не Бог, а ангел, не царь, а министр, не закон, а *полиция* [курсив мой. — Д. П.] — иными словами, та управленческая машина, которую они образуют и работу которой поддерживают» [1, с. 453].

Рождение биополитики, следуя логике М. Фуко, нерасторжимо связано с рождением полиции. Новая парадигма управления государством, складывавшаяся в процессе перехода от суверенной власти к биовласти, выражала тенденцию, которую Фуко обозначил как «обуправливание государства» [2, с. 165]. «Управленчество» — заложенная в XVIII в. тенденция, для которой характерно «доминирование того типа властных отношений, который можно назвать „правлением“ над суверенитетом и дисциплиной, и вызывающую развитие, с одной стороны, целого ряда специфических учреждений управления, а с другой — целой категории

особых знаний» [2, с. 163]. «Оправительствование государственности» [2, с. 164], следуя мысли Фуко, является переходом от средневекового государства юстиции и административного государства XV–XVI вв. к новому типу государства, а именно государству «оправительственному» [2, с. 163]. Новая парадигма «управленчества» проникает во все сферы жизни общества, регулирует, поддерживает, нормирует, стимулирует самые разнообразные начинания индивидов. Этой цели как раз и служит полиция. «С XVII в. начинают называть „полицией“ совокупность средств, которыми можно способствовать росту сил государства, поддерживая строй этого государства... полиция — это расчет и техника, позволяющие установить мобильное, но, несмотря на это, стабильное и контролируемое отношение между порядком в государстве и ростом его сил... Полиция — это то, что должно обеспечить величие государства... „Все, что может придать украшение, форму и величие городу“ [Тюрке де Майерн. — Д. П.], именно этим и занимается полиция» [2, с. 407].

Оправительственное государство, вовлеченное в систему международных отношений, закрепленную Вестфальским миром 1648 г., стремясь увеличить собственное могущество, обращается к населению как резервуару энергии для своих амбициозных проектов. Именно значимость регулирования жизненных процессов населения, исходя из телеологии государства, создает современную полицию. Целью полиции становится «правильное использование сил государства» [2, с. 408], от полиции требуется «обеспечить максимальный рост сил государства» [2, с. 408]. Полиция понимается как социальный институт управления жизнью, благополучием и даже счастьем населения. «Еще в XVIII веке понятие „полиция“ означало состояние доброго порядка в обществе... При этом полицейское состояние связано как с установлением и поддержанием общественного порядка и покоя, так и с регулированием благополучия и даже счастья индивидов... Таким образом, важнейшей задачей полицейской технологии власти раннего Нового времени было способствовать самореализации индивидов, ставших для государства важным элементом их могущества» [3, с. 22]. Итак, полиция становится институтом заботы о населении во имя государственных интересов. Олицетворяя континуум единого администрирования, полиция призвана гарантировать отсутствие произвола и правопорядок.

Проводимая оправительственным государством политика (которую вслед за Фуко мы с полным основанием можем считать биополитикой), оказалась эффективной. Полиция, имея в качестве прообразов *Oikonomia* (домашнее управление) и *Kameralwissenschaft* (камералисти-

ка), превратилась в разветвленную систему государственных служб и органов по охране общественного порядка, со временем избавившись от многочисленных функций, перешедших в ведение иных органов государственной власти под управлением правительства.

Развитие и специализация полиции, сосредоточившейся на борьбе с преступностью и обеспечении правопорядка, в условиях развития глобальной экономики и широкого использования арсенала биополитических средств управления породило проблему пределов применения полицейских сил и средств. Так, М. Хардт и А. Негри, утверждая, что био-власть во второй половине XX в. обрела планетарный характер, представ в образе глобальной Империи, отмечают: «Легитимность имперского порядка служит обоснованием использования полицейской власти, и в то же самое время действия глобальных полицейских сил демонстрируют реальную эффективность имперского порядка. Поэтому юридическое право на применение чрезвычайного положения и возможность использования полицейских сил являются двумя изначальными координатами, определяющими имперскую модель власти» [4, с. 31]. Глобализация экономики, управления и безопасности способствует тому, что «современная глобальная политическая власть, руководствующаяся принципом безопасности, трансформируется в полицию, которая обретает собственный суверенитет, определяемый, согласно К. Шмитту, способностью принимать решение о чрезвычайном положении» [5, с. 10]. Дж. Агамбен подводит своеобразный итог трансформации полиции, указывая, что «один из наименее двусмысленных уроков войны в Персидском заливе заключается в окончательном обретении полицией собственного суверенитета» [6, с. 105].

Подчеркивая, что «в том, что черты суверенитета проступают в образе полиции, нет ничего благотворного» [6, с. 107], Агамбен заключает, что «полиция, вопреки распространенному мнению, видящему в ней чисто административную функцию исполнения права, на деле, возможно, является местом, где с предельной ясностью демонстрируются во всей своей наготе близость и практически сам конститутивный взаимообмен между насилием и правом, характеризующие фигуру суверена» [6, с. 106]. Ранее то же положение отстаивал В. Беньямин. Для него суверенизация полиции означает разрыв в правовом континууме. «Утверждение, что цели полицейского насилия всегда идентичны целям остального права или хоть как-нибудь связаны с ними, является абсолютно ложным. Скорее, „право“ полиции обозначает в сущности то место, в котором государство, будь то от бессилия, будь то из-за имманентных связей внутри

любого правового порядка, больше не может посредством права гарантировать свои собственные эмпирические цели, которых оно желает достичь любой ценой» [6, с. 106–107].

Демонстрация оружия полицией, символически выражающая находящееся всегда наготове государства *суверенное насилие* [6, с. 106–107], выражает ту самую амбивалентность, которую отличает современное состояние биовласти, выбирающей «между заявленным намерением защитить жизнь и причинением фактической смерти» [7, с. 17]. Биовласть все чаще находится на перепутье, одновременно выступая в формах *power of life* и *power over life* — «власти ради жизни» и «власти над жизнью» (Р. Эспозито), что амбивалентно воздействует на полицию. Представляется, что многотрудное решение проблематики координации интересов государства, общества и личности соответствует интересам полицейской службы, сводя на нет тот сегмент избыточных «полицейских операций», который выходит за рамки диспозитива заботы о населении в пределах конструктивной повестки развития государственных и общественных сил [8, с. 41–50].

Список источников

1. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М., СПб., 2019.
2. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб., 2011.
3. Кильдюшов О. В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 3.
4. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
5. Яркеев А. В. Теологические основания современной власти: опыт деконструкции // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1.
6. Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике. М., 2015.
7. Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. Translated and with an Introduction by Timothy Campbell. University of Minnesota Press. Minneapolis, London, 2008.
8. Попов Д. В. Власть, полиция и население в логике биополитических стратегий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 3.

М. В. Савельева

О балансе частных и публичных интересов при оценке последствий полицейской деятельности

Одно из основных направлений деятельности полиции в соответствии с Федеральным законом «О полиции» — это выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам. Сотрудники полиции, производя дознание по уголовным делам, выявляя и раскрывая преступления, руководствуются нормами уголовного и уголовно-процессуального права. В случае незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного осуждения, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде при наличии соответствующих условий вред возмещается согласно п. 1 ст. 1070 Гражданского кодекса РФ. Этот состав гражданского правонарушения предусмотрен в усеченной форме, т. е. ответственность наступает без вины. Необходимо отметить, что если последствия причиненного вреда от уголовно-процессуальной деятельности не входят в перечень, содержащийся в п. 1 ст. 1070 ГК РФ, то вред подлежит возмещению (в соответствии с п. 2 ст. 1070 ГК РФ) по ст. 1069 ГК РФ [1].

На наш взгляд, важным является то, что в обязательствах вследствие причинения вреда последний должен быть причинен: 1) сотрудниками органов внутренних дел; 2) их действия (бездействие) должны носить служебный характер; 3) действия (бездействие) должны быть направлены на достижение целей и задач, стоящих перед органами внутренних дел.

На практике нередкими стали факты привлечения к гражданской ответственности и компенсации морального вреда за незаконное преследование в случае возбуждения уголовного дела и обвинения в преступлении с различными уголовно-правовыми составами, но оправдания по одному из составов. Так, Ж. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 228¹ УК РФ, пп. «а», «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, по совокупности преступлений и этим же приговором оправдан по предъявляемому обвинению в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, за недоказанностью его участия. С учетом конкретных обстоятельств данного дела суд пришел к выводу о частичном удовлетворении требований компенсации морального вреда в размере 12 000 рублей [2].

По нашему мнению, такое возмещение вреда не является справедливым, поскольку при возбуждении уголовного дела органы дознания действовали в рамках возложенных на них обязанностей по раскрытию преступлений, но в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела

за недоказанностью один уголовно-правовой состав не подтвердился, что не может служить основанием для привлечения сотрудников полиции к гражданско-правовой ответственности [3, с. 166–169].

Например, К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Этим же приговором оправдан в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Судом установлено, что мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении К. была избрана в том числе не в связи с подозрением в преступлении, в совершении которого он был оправдан. Приговором суда К. был осужден за совершение преступления и ему назначено наказание в виде лишения свободы. Размер компенсации морального вреда был определен в сумме 15 000 рублей [4].

Таким образом, законодатель дает правоприменителю возможность выбора иных обстоятельств, имеющих значение для определения размера компенсации морального вреда при получении права на реабилитацию, и, поддерживая частные интересы гражданина, нарушает баланс между частными и публичными интересами, поскольку выплата компенсаций морального вреда одним категориям граждан нарушает права других граждан. Это обусловлено тем, что казна Российской Федерации, откуда взыскиваются компенсации за вред, причиненный органами дознания, формируется в соответствии с законодательством за счет налогов, сборов и платежей, взимаемых с граждан и юридических лиц, которые распределяются и направляются как на возмещение вреда, причиненного государственными органами, так и на осуществление социальных и других значимых для общества программ для оказания социальной поддержки гражданам, на реализацию прав льготных категорий граждан.

Список источников

1. Кузбагаров А. Н. Обязательства вследствие причинения вреда сотрудниками органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.
2. Решение Дзержинского районного суда г. Ярославля от 17 мая 2019 г. № 2-1261/2019.
3. Савельева М. В. Гражданско-правовая ответственность, возникающая из причинения вреда незаконными действиями сотрудников полиции // Актуальные проблемы административной деятельности органов внутренних дел (посвящается 25-летнему юбилею кафедры административной деятельности органов внутренних дел) : мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. СПб., 2018.
4. Решение Октябрьского районного суда г. Мурманска от 20 августа 2020 г. № 2-2507/2020.

М. Н. Смирнова

Особенности возбуждения уголовных дел по факту незаконного пересечения государственной границы Российской Федерации

Возбуждение уголовного дела — основная первоначальная стадия уголовного процесса, которая имеет ключевое значение. Именно на данной стадии происходит обнаружение признаков преступления, затем его классификация и, наконец, собирание доказательственной базы по преступлению. По делам, связанным с незаконным пересечением государственной границы, запоздалое реагирование на сообщение о преступлении значительно затрудняет процесс расследования по горячим следам, к тому же может стать причиной утраты доказательств, что в последующем может сыграть отрицательную роль.

Посещение пограничной зоны регламентируется сразу несколькими актами: Законом РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации», приказом ФСБ России от 10 сентября 2007 г. № 458 «Об утверждении Правил пограничного режима», Административным регламентом, утвержденным приказом ФСБ России от 19 ноября 2008 г. № 572.

От быстроты реагирования органов дознания и следствия зависит удача в борьбе с незаконным пересечением Государственной границы, все это оказывает большое влияние на осуществление и поддержание правопорядка на участках, охраняемых пограничными органами, в особенности на тех участках, где было совершено преступление. Без возбужденного уголовного дела невозможно проводить как предварительное расследование, так и судебное рассмотрение. На данной первоначальной стадии принимается решение о начале уголовного судопроизводства, которое является юридическим фактом, порождающим возникновение уголовно-процессуальных отношений [1, с. 108].

Вопрос о своевременности возбуждения уголовного дела очень важен, так как, решив его, органы расследования могут приступить к процессуальным действиям, которые направлены на собирание доказательств, а также это позволяет сократить время между фактом обнаружения признаков преступления и выполнением неотложных следственных действий. Начало этой стадии — появление повода для возбуждения уголовного дела, конец — решение о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

На основании п. 2 ч. 2 ст. 151 УПК РФ незаконное пересечение Государственной границы должно расследоваться органами следствия ФСБ Рос-

сии, однако на деле этим первоначально занимаются органы расследования пограничной службы ФСБ. Так сложилось ввиду того, что следственные органы ФСБ обычно расположены далеко от застав и пунктов пропуска, поэтому, чтобы быстро и эффективно начать расследование, ответственность возлагается на пограничную службу ФСБ. Например, поселок городского типа Забайкальск относится к приграничной зоне, и когда на его территории совершается незаконное пересечение Государственной границы, в дело вступает пограничная служба ФСБ, которая проводит все необходимые первоначальные мероприятия, так как ближайшие следственные органы ФСБ расположены в Чите (на расстоянии 486 км). Таким образом, из-за большого расстояния снижается эффективность проведения необходимых мероприятий по поимке преступников.

Органами дознания ФСБ России являются те органы, которые наделены в соответствии с федеральными законами правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Эти органы уполномочены возбуждать уголовные дела по составам, указанным в п. 2 ч. 2 ст. 151 УПК РФ. При обнаружении признаков преступления органы дознания ФСБ России уполномочены возбуждать уголовные дела и проводить неотложные следственные действия в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ.

УПК РФ определяет пограничные органы ФСБ как органы, уполномоченные возбуждать уголовные дела по составам, указанным в п. 3 ч. 3 ст. 151. Полномочия пограничной службы ФСБ в части выявления и пресечения преступлений в рамках обеспечения национальной и военной безопасности говорят о том, что пограничная деятельность осуществляется без отрыва от борьбы с преступностью. Прослеживая появление полномочий по обнаружению и выявлению преступлений пограничных органов, можно отметить, что все начиналось с общих методов войсковой охраны границы, далее были добавлены оперативно-розыскные и уголовно-процессуальные меры.

В настоящее время деятельность дознавателей пограничных органов стала одной из основных и приоритетных. Пограничные наряды или дежурные смены при выявлении признаков преступления непосредственно в ходе выполнения своих служебных обязанностей докладывают об этом рапортом. Кроме того, признаки незаконного пересечения Государственной границы могут обнаружить и обычные граждане. В таком случае им необходимо доложить об этом дежурному наряду, начальнику смены или начальнику заставы, которые должны будут составить соответствующий рапорт об обнаружении признаков преступления. В нем необходимо указать дату, время и место незаконного пересечения границы.

Таким образом, своевременное возбуждение уголовного дела позволит быстро и эффективно бороться с преступностью. Как показывает практика, первичные материалы — это материалы административно-служебной деятельности пограничных органов, которые документируются рапортом. Это обусловлено тем, что пограничные органы обязаны документировать все действия, проводимые при обнаружении признаков незаконного пересечения Государственной границы. Далее материалы передаются пограничным органам дознания, которые уполномочены проводить дознание по данной категории дел. Успех их деятельности заключается в том, насколько полно и быстро проведены все мероприятия по выявлению незаконного пересечения Государственной границы РФ.

Список источников

1. *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 2003.

М. Б. Токсанова

Переход на сервисную модель в системе органов внутренних дел Республики Казахстан

В процессе реформирования деятельности органов внутренних дел вопрос внедрения сервисной модели требует особого внимания. К этому решению шли постепенно: буквально с начала установления независимости Республики Казахстан принимались президентские указы о мерах по дальнейшему реформированию правоохранительных органов, в рамках которых проходило реформирование полицейской службы.

Начало крупномасштабной реформы органов внутренних дел было заложено в Послании Первого Президента народу Казахстана от 5 октября 2018 года: «Полицейский нанят, чтобы служить людям и помогать им. Полицейский должен стать другом, который приходит на помощь, когда люди нуждаются в нем, граждане должны доверять полицейским и приходить со своими проблемами». Таким образом, глава государства поставил задачу перехода полиции на сервисную модель путем внедрения нового формата работы с населением, пересмотра критериев оценки полиции.

Еще в 2010 г. предпринята попытка изменения критериев работы полиции: исключена оценка полиции по раскрытию всех преступлений и оставлена лишь раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений.

Но в основном реформирование сводилось к структурным изменениям в системе органов внутренних дел. Непосредственный переход к сервисной модели полиции обозначен в ежегодном Послании народу Казахстана Президентом страны К. К. Токаевым 1 сентября 2020 г. «Казахстан в новой реальности: Время действий»: «„Слышащее государство“ — это, по сути, концепция строительства „Справедливого государства“. Недостаточно просто слышать и видеть проблемы граждан, главное — правильно и объективно реагировать на них. Нынешняя ситуация в стране предъявляет новые требования к правоохранительным органам, которые должны идти навстречу запросам граждан... Во всем прогрессивном мире институт полиции развивается на основе сервисной модели. Мы тоже заявили о переходе на такую модель, но пока работа привела к фрагментарным результатам. Важно научить сотрудников правоохранительных органов вести открытый диалог с людьми. Это направление должно стать приоритетным в системе подготовки и подбора кадров».

В настоящее время система ОВД нацелена на активный переход от подхода, ориентированного на контроль, к подходу, ориентированному на обслуживание, где основное внимание сосредоточено на предупреждении правонарушений. Решение о назначении первых заместителей руководителей органов внутренних дел по контролю и организации работы ОВД по линии обеспечения охраны общественного порядка и профилактики правонарушений свидетельствует о приоритете данного подхода.

Первым из правовых документов по реализации сервисной модели полиции можно назвать Дорожную карту по модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019–2021 годы, нацеленную на реформирование полиции.

В международной практике принято следующее определение сервисной полиции: «Сервисная полиция — общественный ориентированный подход в деятельности полиции — стиль управления, организационная стратегия, направленные на решение проблем и партнерство с обществом».

Эта модель применяется в каждой стране по-своему, с учетом криминогенной обстановки и других национальных характеристик. Поэтому пути развития новой модели не могут быть одинаковыми.

На данный момент в правовой базе Казахстана нет единого понимания «сервисной модели полиции». Научное сообщество решает вопрос ускорения разработки Казахстанской концепции «сервисной модели полиции», поскольку механическое внедрение различных зарубежных институциональных моделей не обеспечивает успех без адаптации их к менталитету государства.

Нормативное закрепление данного понятия необходимо в целях выработки единых подходов в его реализации сотрудниками органов внутренних дел и понимания обществом сути сервисного подхода в деятельности полиции.

Отметим основные принципы работы полиции по сервисной модели:

- узнаваемость и доступность: установление личных контактов полиции с гражданами для удобства обращения граждан;
- прозрачность и подотчетность: осуществление общественного контроля, обсуждение планов и итогов работы перед населением;
- доброжелательность и уважение: соблюдение этического кодекса, стандартов полицейского и всеобщих прав человека.

Очевидно, что условиями, гарантирующими успех новой модели, является взаимодействие полиции с населением, основанное на доверии и принципах партнерства. Именно связь с общественностью, поднятие имиджа государственного служащего поможет правоохранительным органам двигаться в сторону «слышащего государства», оперативно выявлять нарушения, а также развивать принцип нулевой терпимости к мелким правонарушениям. Полиция должна стремиться завоевывать общественное доверие путем постоянной демонстрации беспристрастного служения закону, чем заниматься благотворительностью и оказывать иную социальную помощь гражданам, чтобы добиться расположения общества.

Согласно Закону Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. «Об органах внутренних дел» «органы внутренних дел Республики Казахстан являются правоохранительным органом, предназначенным для защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от противоправных посягательств, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности». Наделение полиции функцией по оказанию сервиса является следствием тенденции, при которой она более активно интегрируется в общество и приближается к населению, приобретая статус социальной службы в дополнение к своему статусу правоохранительного органа, ответственного за соблюдение норм закона. Например, вместо задачи «снижать уровень преступности» полиция должна нацелить работу на решение тех проблем, на которые указывает общественное мнение: как устранить перенаселенность определенного района; что способствует грабежам, хулиганским действиям молодежи; исправить отсутствие освещения в скверах и местах отдыха, что делает опасным передвижение в темное время суток; нарушение покоя граждан в ночное время и др. Если граждане обращаются в полицию, они тем самым участвуют

в выявлении проблем безопасности. В связи с этим нужно применять новые методы сотрудничества для решения указанных проблем, что повлияет на состояние преступности, обеспечение правопорядка и безопасности. Одним из условий достижения доверия к полиции со стороны граждан является применение принципа «полиция в шаговой доступности», используемого местной полицейской службой.

Цель создания комплексной модели сервисной полиции — обеспечить безопасность граждан через эффективное взаимодействие всех госструктур и общества, через профилактику правонарушений, обеспечение общественного порядка, оказание своевременной помощи населению. Это должно привести к максимальной безопасности населения и полному доверию граждан к стражам порядка. Предполагается, что основные положения Концепции будут реализованы до конца 2025 г.

Для разработки Концепции сервисной полиции с 2019 г. запущен проект в трех регионах страны: Караганде, Алматы и Кокшетау. В целях эффективного внедрения сервисной модели полиции были сформулированы следующие задачи:

- 1) создание постоянной межведомственной группы по обеспечению безопасности при акимате (МГОВ);
- 2) привлечение общественности к решению проблем безопасности;
- 3) пересмотр стандартов и алгоритмов работы подразделений ОВД, непосредственно взаимодействующих с гражданами;
- 4) разработка и внедрение механизмов взаимодействия МГОВ, госорганов и общественности;
- 5) разработка и внедрение новых критериев оценки деятельности полиции и МГОВ;
- 6) разработка программ обучения по сервисному подходу для МГОВ, а также сотрудников местной полицейской службы;
- 7) информационное и технологическое обеспечение сервисного подхода;
- 8) развитие инфраструктуры для удобства и безопасности граждан;
- 9) внедрение проблемно-ориентированного подхода для решения проблем безопасности.

Первые результаты внедрения положительного опыта размещены на сайте МВД Республики Казахстан, где отмечено, что в городских и районных отделах полиции по принципу ЦОНов созданы 239 приемных для граждан, ежедневный охват обслуживания которых составляет свыше 5 тыс. граждан. Граждане, обращаясь в приемные, решают многие вопросы без посещения здания полиции. Подобные формы обслужива-

ния населения полицией создаются во всех подразделениях полиции, где в помещениях предусмотрена соответствующая инфраструктура для удобства граждан.

Кроме того, организовано проведение ежемесячных широкомасштабных акций «Приемная на дороге», посредством которой люди получили возможность оперативно решать свои проблемы, обращаться за юридической помощью с заявлением, вносить предложения по улучшению работы полиции.

В проекте Концепции предусмотрено использование новейших информационных технологий: видеокамер, систем сигнализации, фронт-офисов, а также создание мобильных приложений, открытие сайтов и форумов, посвященных данной теме, что существенно влияет на качество обслуживания. Так, запущено мобильное приложение «102». Сервис является частью проекта «Оmnиканальность процесса приема сообщений граждан», задача которого — сделать полицию ближе и доступнее для населения. С помощью разработанного приложения любое лицо, находясь на территории страны, может направлять информацию о совершенном правонарушении. Программа позволяет отследить местонахождение наряда полиции, выехавшего к месту вызова. Система рассчитана также на оказание услуг подачи обращений с помощью связи с оператором путем аудио- или видеозвонка.

На основе зарубежного опыта разработан проект «Кнопка SOS» — устройство экстренного вызова, которое МВД предлагает устанавливать на улицах, в общественных местах и на трассах. Принцип работы тревожной кнопки прост — путем нажатия можно передать сообщение о правонарушении или обратиться в полицию за помощью.

На сегодняшний день готова к запуску система детской безопасности «Найди меня», позволяющая отслеживать местоположение ребенка. Новая технология безопасности будет служить средством контроля родителей, которые с помощью смартфонов на расстоянии смогут следить за передвижениями детей. В случае опасности ребенок нажимает на кнопку, и тревожный сигнал автоматически будет передан родителям и в полицию, что позволит работать на опережение и предотвращать угрозы в отношении детей.

Все проекты, предлагаемые МВД Республики Казахстан, отмечены представительными органами, названы перспективными и отвечающими требованиям современности, всесторонне продуманы и просты в использовании. Действительно, автоматизация государственных услуг позволяет сократить сроки их оказания для населения и ориентирована

на результат. Вместе с тем считаем необходимым исследовать вопросы разработки методики оценки эффективности деятельности сотрудников в рамках сервисной полиции. Данное положение предусматривает заинтересованность каждого сотрудника в положительной оценке его деятельности со стороны граждан. Для мониторинга следует разработать автоматизированную базу по принципу оценки сотрудников ЦОН. В связи с этим на учебные заведения МВД Республики Казахстан возложена большая ответственность по подготовке профессиональных кадров, ориентированных на новый подход по обеспечению безопасности граждан, и это направление является приоритетным в системе подготовки и подбора кадров.

Е. А. Федоринова

Пути повышения уровня правовой культуры общества

Если рассматривать правовую культуру в широком смысле, необходимо выделить два главных направления. Первый подход напрямую связывает правовую культуру с цивилизационным и социально-историческим контекстом, в котором правовая культура включает существенное количество субъективных и объективных факторов. Согласно второму направлению правовая культура понимается в узком смысле, а именно во взаимосвязи с институтом государства, его социальной и правовой системой. В то же время правовая культура выступает одним из действенных инструментов государства по противодействию деликтам и продуцированию правомерного поведения [1, с. 153–154].

Таким образом, исходя из того или иного понимания правовой культуры происходит изменение в представлении об особенностях ее формирования. Данный двойственный подход затрудняет междисциплинарное исследование правовой культуры. Ученые, которые понимают правовую культуру в рамках соответствующей государственной политики, закономерно полагают, что ее развитие и генезис напрямую связаны с государством. Так, мнению М. М. Бетеевой и М. К. Дзаноговой, «первоочередной задачей государства является воспитание личности с высокой гражданской позицией, личности, которая будет уважать законы и активно участвовать в жизни страны» [2, с. 70]. В рамках данного подхода первостепенную роль играет именно характер «взаимосвязи между человеком и государством. В процессе осуществления политики института государства следует убрать препятствия, сделать предельно “прозрачным”

диалог между государственной властью, ее должностными лицами, организациями и негосударственными органами с одной стороны и гражданином с другой» [2, с. 70].

Возможными путями повышения уровня правовой культуры могут быть следующие.

1. Повышение правовой грамотности в средствах массовой информации. В настоящее время из газет, журналов, экранов телевизоров на граждан направлен обширный перечень информации о совершенных преступлениях, ходе расследования, судебных процессах, административных правонарушениях и т. д. Часто журналисты и редакторы журналов и каналов не разбираются в квалификации противоправных поступков: вместо причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, пишут об убийстве, не разграничивают категорий кражи, грабежа, разбоя, критикуют судебную систему. Все это влияет на общий уровень правовой культуры граждан. Для предотвращения такой проблемы необходимо ввести контроль за деятельностью СМИ, а именно за содержательной частью новостных программ.

2. Низкая заинтересованность в печатных изданиях правовой направленности. Обычно граждане обходятся лишь просмотром новостной ленты в популярных электронных ресурсах, которые не всегда несут достоверную информацию. Следует популяризировать юридическую литературу, повысить правовую грамотность СМИ и обеспечить широкое распространение юридической литературы, правовых справочников и комментариев для населения.

3. Создание во всех районах, городах, областях, краях и республиках единого центра правовой информации с использованием электронно-вычислительной техники, предоставляющего бесплатный доступ для всего населения.

4. Вовлечение граждан в законодательные и иные процессы в роли общественных наблюдателей, волонтеров и т. д. Ярким примером такой деятельности может послужить создание добровольческих и волонтерских отрядов «Волонтеры Конституции» в целях внесения конституционных поправок. Подобная деятельность совместно с усиленной агитацией поможет привлечь внимание граждан к происходящим процессам, увеличить активность на выборах и, как следствие, повысить уровень правовых знаний путем прочтения и толкования вносимых поправок, наблюдения за законодательным процессом [3, с. 46].

Таким образом, можно заключить, что уровень правосознания граждан не в полной мере соответствует идеологии правового государства.

Повышение правовой культуры и устранение причин, препятствующих этому, является одной из первостепенных задач государства и гражданского общества.

Список источников

1. Федоринова Е. А. Правовая политика государства в сфере правоохранительной деятельности // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 4.
2. Дзаногова М. К., Бетеева М. М. Правовая культура общества. Формирование и проблемы // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 36(78).
3. Мороз Е. В. Правовая культура как стабилизирующий фактор динамического развития российского общества // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 51.

О. В. Филимонов

Проблемы управления имиджем полиции в цифровом обществе

Статья 9 Федерального закона «О полиции» определяет, что «общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции». Помимо оценочной функции общественное мнение непосредственно влияет на формирование имиджа полиции. При множестве подходов к исследованию имиджа мы придерживаемся следующего определения: «Имидж организации есть целостное восприятие (понимание и оценка) организации различными группами общественности, формирующееся на основе хранящейся в их памяти информации о различных сторонах деятельности организации» [1, с. 10].

При исследовании имиджа органов внутренних дел РФ (полиции) акцент делается либо на общей коммуникативной природе имиджа [2; 3], либо на коммуникативной природе имиджа власти [4], так как эффективность деятельности полиции непосредственно влияет на общий имидж государственной власти. В этом смысле имидж выступает не только оценочной характеристикой в дихотомической связи «хороший — плохой», но и важным управленческим ресурсом. Но современные практики формирования имиджа МВД России (размещение новостей, пресс-релизы, брифинги, выходы к прессе), организуемые в основном подразделениями общественных связей и информации, проигрывают в эффективности воздействию оперативным возможностям цифровых медиа.

Современное состояние российской действительности характеризуется цифровизацией общественных связей, визуальным поворотом, эпохой виртуальной и дополненной реальности [5, с. 243]. Значительное число резонансных сообщений о деятельности полиции закономерно привело к снижению чувствительности и способности к объективной оценке происшедших событий, выискиванию во всем происходящем причины, а также тех, кто виновен в каждой конкретной причине произошедшего [6, с. 247].

В настоящее время в функционировании постсобытийного дискурса стремительно повышается роль интернет-среды, которая открыта для интерактивных комментариев на многочисленных тематических площадках [7, с. 305]. Особенно это касается событий, имеющих общественный резонанс, — стихийных бедствий, техногенных катастроф, применения оружия в публичном пространстве и т. д. Примером лавинообразного распространения информации о резонансных событиях в цифровой среде стал факт применения оружия сотрудником ДПС МВД России по Новосибирской области 28 мая 2021 г. Видео данного события, размещенное в интернете, в короткий срок набрало около 100 тыс. просмотров, не считая вторичных публикаций («репостов»). Комментарии к этому происшествию были от максимально агрессивных (причем в отношении обеих сторон) до попыток спокойной экспертной оценки [см., напр.: 8]. Информационный отклик подразделения общественных связей и информации ГУ МВД России по Новосибирской области относительно данного события был крайне сух [9], что не помогло повлиять на попытки понизить имидж сотрудников полиции.

МВД России как консервативный институт объективно не успевает адаптироваться к новым реалиям и пытается реагировать на них привычными методами. Более того, обладая легитимным правом на принуждение и имея для этого соответствующий аппарат, власть использует санкции для регулирования информационных потоков. Чаше для этого есть объективные причины: информационная деятельность радикальных оценок резонансных событий может привести к нелегитимным формам гражданской активности. Однако применение таких действий вызывает соблазн использовать их в сферах, где, возможно, возникает похожая активность. Социальные сообщества, таким образом, становятся удобным объектом воздействия, тем более что внешне для неискушенного наблюдателя все очень похоже: малоконтролируемый интернет, социальные сети с быстроменяющимися формами самоорганизации, специфическое арго, критический настрой. В сетевых сообществах формируется свое-

образный социум, чья активная социальная жизнь протекает преимущественно в онлайн-режиме. Часто пользователи сети утрачивают (снижают) связь с реальностью и формируют коммуникативный дискурс сообразно своим (идеализированным) представлениям. Низкая степень зрелости суждений как следствие онлайн-социализации может привести часть общества к радикальным взглядам [10, с. 177–178].

Список источников

1. Филимонов О. В., Передня Д. Г., Намруева Э. В. Имидж Академии управления МВД России в глазах выпускников : науч.-метод. пособие. М., 2020.
2. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М., 2005.
3. Луман Н. Медиакоммуникации / пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. М., 2005.
4. Попов В. Д., Федоров Е. С. Коммуникативные коды имиджа власти. М., 2004.
5. Треушников И. А., Ротанова М. Б. Преподавание в эпоху цифрового общества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1(49).
6. Малахова С. И. Медиа и коммуникации в глобальном обществе // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сб. науч. ст. и мат-лов III междунар. конф. Коломна, 12–14 февраля 2020 г. Коломна, 2020.
7. Постсобытийный интернет-дискурс и особенности интенциональной организации различных его видов / Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова, В. А. Афиногенова [и др.] // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сб. науч. ст. и мат-лов III междунар. конф. Коломна, 12–14 февраля 2020 г. Коломна, 2020.
8. Глава «Право на оружие»: полицейского, убившего человека при задержании в Новосибирске, наказывать не нужно. URL: <https://echo.msk.ru/> (дата обращения: 01.06.2021).
9. Руководством ГУ МВД России по Новосибирской области назначено проведение служебной проверки по факту применения табельного оружия. URL: <https://54.мвд.рф/news/24432011> (дата обращения: 29.05.2021).
10. Филимонов О. В. Взаимодействие полиции и сетевых сообществ социальной направленности // Социальная инженерия: как социология меняет мир : мат-лы IX междунар. социологической Грушинской конф. Москва, 20–21 марта 2019 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М., 2019.

Д. Ю. Фисенко

Право на применение сотрудником полиции огнестрельного оружия: некоторые проблемы правового регулирувания

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О полиции» охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений определены как назначение полиции. В целях обеспечения реализации возложенных на полицию задач сотрудники полиции наделяются широким перечнем полномочий, в том числе возможностью применения мер государственного принуждения. Среди мер государственного принуждения особое место занимает предоставленное сотрудникам полиции право на применение огнестрельного оружия. Ведь именно огнестрельное оружие обладает наибольшей поражающей способностью в сравнении со специальными средствами и физической силой, правом на применение которых сотрудники полиции также наделены по Закону о полиции.

Необходимо заметить, что в ст. ст. 23, 24 главы 5 Закона о полиции законодатель подробно расписал основания, условия, порядок, запреты и иные правила применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия. Согласно логике законодателя, сотрудник полиции, реализующий в связи со служебной необходимостью свое право на применение огнестрельного оружия, не подлежит юридической ответственности вне зависимости от наступивших последствий при условии, что его применение было осуществлено сотрудником согласно правилам, обозначенным в ст. ст. 23 и 24 Закона о полиции.

Ни для кого не секрет, что любая ситуация, в которой возникают основания для применения сотрудником полиции огнестрельного оружия, является стрессовой, часто неожиданной и конфликтной. В таких условиях далеко не всегда у должностного лица в распоряжении есть достаточное время для полной и всесторонней правовой оценки сложившейся обстановки. Более того, не исключено вмешательство посторонних факторов субъективного (например, поведение правонарушителя или третьих лиц) и объективного характера (погодные условия, поведение животных или нарушения в работе механизмов). Совокупность обозначенных обстоятельств может повлечь за собой факты необоснованного или даже незаконного применения сотрудником органов внутренних дел огнестрельного оружия.

Несмотря на подробную правовую регламентацию оснований, условий и порядка применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия, практически каждый факт такого применения связан с вполне обоснованным риском привлечения сотрудника полиции к различным видам юридической ответственности: дисциплинарной, материальной и даже уголовной. Такая ситуация дополнительно осложняется наличием в ст. ст. 23 и 24 Закона о полиции ряда нераскрытых законодателем понятий и правовых категорий оценочного характера, используемых при описании отдельных оснований, условий и запретов, связанных с реализацией права сотрудника полиции на применение огнестрельного оружия. Например, термины «значительное скопление граждан» и «групповое нападение» в Законе о полиции не раскрываются. В то время как от толкования этих и подобных терминов напрямую зависит признание факта применения сотрудником органов внутренних дел огнестрельного оружия законным и обоснованным. Так, в части 5 ст. 23 содержится формулировка «производство выстрела на поражение» в контексте установления запретов на применение огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел. Однако больше ни в ст. 23, ни в других статьях главы 5 указанного федерального закона не упоминается о конкретных случаях или основаниях, когда сотрудник полиции имеет право произвести выстрел на поражение, а также не разъясняется, какой именно характер вреда охватывается термином «выстрел на поражение». В связи с отсутствием на законодательном уровне разъяснений на этот счет не представляется возможным ответить на ряд следующих вопросов: какой характер вреда допустим при производстве сотрудником полиции выстрела на поражение? В каких случаях сотрудник полиции имеет право на применение огнестрельного оружия с производством выстрела на поражение?

В целях обеспечения реализации права сотрудников полиции на применение огнестрельного оружия, снижения количества случаев незаконного и необоснованного применения сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия, а также фактов необоснованного привлечения сотрудников полиции к юридической ответственности при реализации ими данного права представляется целесообразным раскрыть в ст. ст. 23 и 24 Закона о полиции содержание понятий и правовых категорий оценочного характера, используемых при описании отдельных оснований, условий и запретов, связанных с реализацией права сотрудника полиции на применение огнестрельного оружия. В частности, дать легальное определение понятию «выстрел на пораже-

ние», указав при этом допустимый характер вреда, который включает в себя данная правовая категория; закрепить перечень оснований, при наличии которых сотрудник полиции имеет право произвести выстрел на поражение.

А. В. Черняков

Элементы системы координации деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на районном уровне

Эффективность в достижении результатов несколькими лицами во многом (если не в основном) зависит не только от организации их деятельности, но и от координации их усилий.

Координация как самостоятельный и необходимый элемент эффективной деятельности правоохранительных органов не получила должного научного изучения и осмысления. Как справедливо отмечает В. М. Меркулов, «состояние научной литературы полностью отражается на качестве нормативных правовых актов, в которых упоминается координация» [1, с. 59]. В основном в законодательных и иных нормативных правовых актах (в том числе ведомственных) только содержится упоминание о координации как обязанности, но отсутствуют определение термина, его содержание и механизм реализации (характерным примером является приказ). В соответствии с Концепцией развития службы участковых уполномоченных полиции (далее — УУП) территориальных органов МВД России на 2020–2023 годы, утвержденной приказом МВД России от 30 марта 2020 г. № 191, предназначение службы УУП состоит «в обеспечении правопорядка на вверенной участковому территории, выстраивании конструктивного взаимодействия с гражданами, завоевании прочного доверия населения страны к полиции, повышении правовой культуры в обществе, своевременном и эффективном реагировании на совершаемые правонарушения, выявлении и устранении причин и условий, им способствующих».

С учетом специфики деятельности службы УУП к основным формам координации в данной сфере можно отнести:

— проведение совещаний, в том числе с участием (или без таковых) представителей органов местного самоуправления, представителей иных правоохранительных органов, суда, сотрудников иных подразделений органов внутренних дел;

- разработку нормативных правовых актов по направлению деятельности (в том числе ведомственных), подготовку распоряжений, указаний, иных управленческих решений;
- выпуск методических рекомендаций, информационных сборников, памяток и других информационных материалов;
- разработку перспективных планов оперативно-профилактической деятельности и организацию их реализации.

Анализ содержания системы координации деятельности службы УУП позволил выделить следующие элементы координации деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на районном уровне, определяющие ее сущность и содержание в рассматриваемой сфере: 1) наличие совокупности нижестоящих подразделений и должностных лиц (УУП), представляющих собой систему, имеющую потребность в координации; 2) присутствие в указанной совокупности подразделения (регионального уровня), способного реализовать соответствующее воздействие; 3) наличие устойчивых связей между первыми и вторыми; 4) наличие нормативно-правовой регламентации координационных отношений; 5) централизованное объединение форм, методов и ресурсов для решения поставленных задач и достижения общих целей.

Список источников

1. Меркулов В. М. Координация в политической и административной деятельности. Государственная служба // Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2010. № 2.

А. В. Шпак

Особенности рационализации отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних

В целях совершенствования института государственной защиты несовершеннолетних детей период с 2018 по 2027 год Президент РФ объявил Десятилетием детства [1]. Таким образом, решение проблем, связанных с обеспечением прав и законных интересов несовершеннолетних, стало приоритетным направлением деятельности государства.

В Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., являющейся международно-правовым документом, закреплён постулат об осо-

бых правах у детей, включающий право на особую заботу и помощь; кроме того, обращено внимание на элитарное обеспечение интересов детей, в том числе несовершеннолетних, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения [2]. Следует отметить, что в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ международное законодательство является составной частью правовой системы России, а ч. 3 ст. 1 УПК РФ разъясняет главенствующую роль международных договоров над законодательством РФ, что непременно свидетельствует об их безотлагательном исполнении. В рамках уголовного производства, участниками которого являются несовершеннолетние, возникает задача о привлечении к ответственности виновного лица, при этом должны быть обеспечены защита прав несовершеннолетних участников и учтены требования международного законодательства. Участие несовершеннолетних детей как в досудебном производстве, так и в судебном разбирательстве — это несомненный для них психологический стресс, который может оказать следующее влияние на развитие ребенка. По этому поводу законодатель устанавливает возрастные критерии несовершеннолетних участников исходя из их психологических особенностей и выделяет специфику различных следственных действий. В данном контексте уместно упомянуть нововведения в уголовно-процессуальном законодательстве, согласно которым была внесена новая редакция ст. 191 УПК РФ, новшества которой сводятся к обязательному фиксированию на видеозапись отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Данное нововведение обусловлено участием России в Конвенции Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений», принятой 12 июля 2007 г. Вытекающие из данного документа обязательства направлены на принятие необходимых мер по криминализации деяний, связанных с использованием услуг детской проституции, а также иных мер, обеспечивающих защитный подход к несовершеннолетним жертвам данного посягательства [3].

До сих пор сохраняет свою дискуссионность ряд процессуально значимых и нерешенных проблем обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних в рамках досудебного производства. К их числу относятся вопросы, связанные с использованием информационных технологий при выполнении следственных действий как средства обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних. Так, Е. П. Гришина утверждает, что «забота о благополучии ребенка означает уменьшение продолжительности контакта несовершеннолетних жертв и свидетелей с обвиняемыми при производстве расследования и судебного рассмо-

трения уголовных дел, а также замену, когда это возможно без ущерба для установления подлинной картины преступления, непосредственного участия ребенка демонстрацией видеозаписи, киносъемки его показаний, а также задействованием телекоммуникационных каналов в судебном разбирательстве уголовных дел» [4, с. 24–29].

Таким образом, максимально ограждая несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего от контакта с обвиняемым, можно решить двудединую задачу, направленную на обеспечение соблюдения общепризнанных норм международного права и на повышение уровня защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Не совсем ясно, как выполнить предписания норм международного права в ходе проведения отдельных следственных действий, таких как очная ставка, где одновременно участвуют обвиняемый и несовершеннолетний свидетель либо потерпевший. Решение данной проблемы возможно в случае активного введения в следственную практику информационных технологий, в частности систем видеоконференц-связи. Подобная практика уже введена в рамках судебного разбирательства, и законодателем предусмотрено ее нормативное регулирование. Например, допрос свидетеля или потерпевшего возможно осуществить в ходе судебного следствия с помощью видеоконференц-связи (ч. 4 ст. 240 УПК РФ), а особенности такого допроса разъяснены в ст. 278¹ УПК РФ.

Подводя итоги, следует отметить, что предполагаемая методика применения высокоэффективных информационных технологий в досудебном производстве, в частности при проведении такого следственного действия, как очная ставка с участием несовершеннолетнего, в обозримом будущем позволит достигнуть выполнения предписаний международного законодательства и обеспечить достойную государственную защиту прав несовершеннолетних.

Список источников

1. *Об объявлении* в Российской Федерации Десятилетия детства : указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 23, ст. 3309.

2. *Конвенция* о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993.

3. *Council of Europe Convention on Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse*. Официальный сайт Совета Европы. URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/children/default_en.asp (дата обращения: 18.04.2021).

4. *Гришина Е. П.* Демонстрация видеозаписи и киносъемки показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в уголовном судопроизводстве (международные нормы, правовые позиции Европейского суда по правам человека и российского законодательства) // Мировой судья. 2017. № 9.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллина Индира Салаватовна — преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

Абишев Эльдар Хасанович — адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России (г. Москва)

Акиев Арби Русланович — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Красноярск)

Алмагамбетова Амина Солдатовна — начальник Управления по реформированию системы органов внутренних дел Департамента кадровой политики МВД Республики Казахстан (г. Нур-Султан)

Амиров Рустем Загирович — доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Андреев Денис Владимирович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Андреева Ирина Анатольевна — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)

Анес Асем Кыргызбеккызы — старший преподаватель кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова

Антонов Александр Игоревич — заместитель начальника отдела кадров Омской академии МВД России

Антонов Ян Анатольевич — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России

Астафичев Павел Александрович — профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

Астафьев Иван Николаевич — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Афзалетдинова Гульнара Хасановна — старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

Балмочных Светлана Юрьевна — старший преподаватель кафедры административного права Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук

Бекетов Олег Иванович — начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Бекмурзинова Камила Кайратовна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Беляева Елена Геннадьевна — начальник отдела морально-психологического обеспечения Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

Бокова Ирина Борисовна — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Бучакова Марина Александровна — начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент

Веренич Анастасия Владимировна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Водяная Мария Юрьевна — доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Волков Кирилл Сергеевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Воронов Анатолий Иванович — старший преподаватель кафедры физической подготовки Омской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент

Выштикалюк Владимир Федорович — доцент кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

Галимов Олег Хамитович — заведующий кафедрой уголовного права и процесса Сибирского института бизнеса, управления и психологии, доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического инсти-

тута МВД России, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск)

Голованова Татьяна Валерьевна — доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Гоман Ольга Сергеевна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Давлетшина Ландыш Ханифовна — адъюнкт Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (г. Домодедово)

Денисенко Виктор Васильевич — профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

Денисенко Снежана Геннадьевна — старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук

Дизер Олег Александрович — заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе), доктор юридических наук, доцент

Жданова Александра Николаевна — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Жиенгалиева Айгерим Алтынбековна — докторант 1 курса Алматинской Академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова, магистр юридических наук

Жиляев Артур Валерьевич — доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Журавлева Ирина Александровна — доцент кафедры правоведения Омского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук

Зайцева Екатерина Васильевна — доцент кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Зайцев Юрий Александрович — дежурный дежурной части отдела полиции № 1 УМВД России по г. Омску

Засыпкин Михаил Александрович — доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Каплунов Андрей Иванович — профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Карпов Константин Валерьевич — начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Кирюхин Владимир Викторович — доцент кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

Климович Евгений Владимирович — доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Кнаус Олег Андреевич — доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

Кожевников Олег Александрович — профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург)

Козинникова Екатерина Николаевна — старший преподаватель кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

Козун Александр Владимирович — доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Корыц Сергей Иванович — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Корягин Сергей Владимирович — старший преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент

Кошелев Евгений Викторович — доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Кузнецов Александр Александрович — профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор

Культемирова Лейла Тимуровна — начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова

Куянова Арина Викторовна — заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Литвякова Светлана Викторовна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Луговик Виктор Федорович — профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Ляшук Анна Валерьевна — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Маленков Павел Анатольевич — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Маллекер Диана Ивановна — слушатель 5-го курса Барнаульского юридического института МВД России

Мамлеева Дилара Радиковна — доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

Марат Айгул Мараткызы — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова

Матанцев Дмитрий Александрович — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

Насуев Казбек Сайдмагомадович — адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России (г. Москва)

Никитин Александр Викторович — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Иркутск)

Никифорова Славяна Алексеевна — старший преподаватель кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук

Николаев Константин Дмитриевич — заместитель начальника кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Олейник Руфина Рушановна — старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук

Осипов Олег Олегович — заместитель начальника кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

Пережогин Александр Александрович — главный эксперт-специалист отдела анализа и мониторинга миграционной ситуации информационно-аналитического управления ГУВМ МВД России (г. Москва)

Пенькова Ирина Витальевна — доцент кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент

Пивоваров Данила Владимирович — начальник кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Попов Дмитрий Владимирович — начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент

Рахмет Ерлан Дауытказиевич — доцент кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова

Савельева Мария Владимировна — доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Сахно Александр Иванович — заведующий кафедрой административного и финансового права Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Севрюгин Виктор Егорович — профессор-консультант кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Сеногноев Андрей Владиславович — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Сергеев Михаил Викторович — старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Омской академии МВД России

Сивочкин Егор Валерьевич — преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

Смирнова Милла Николаевна — курсант 4-го курса факультета подготовки следователей и судебных экспертов Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

Сорокина Елена Анатольевна — старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, кандидат исторических наук (г. Москва)

Старостин Александр Александрович — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Степанова Ольга Геннадьевна — начальник управления правового и кадрового обеспечения Министерства по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области, кандидат юридических наук

Степанян Анна Игоревна — адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России

Сургутсков Вадим Игоревич — заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Тихонов Илья Николаевич — преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

Токсанова Майя Булатовна — старший инспектор по особым поручениям Комитета административной полиции МВД Республики Казахстан (г. Нур-Султан)

Толстоба Сергей Николаевич — адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России

Федоринова Елена Анатольевна — доцент кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук

Федяев Евгений Александрович — заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России

Фисенко Дарья Юрьевна — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Красноярск)

Филимонов Олег Викторович — заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, доктор социологических наук, доцент (г. Москва)

Филимонов Родион Николаевич — старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России

Филиппов Олег Юрьевич — начальник кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Чернова Эльвира Рамилевна — доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

Черняков Александр Васильевич — заместитель начальника отдела УОДУУП и ПДН УМВД России по Омской области

Чукаев Тимур Омарович — старший преподаватель кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

Шапошников Сергей Геннадьевич — адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России (г. Москва)

Шилехин Константин Евгеньевич — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Шишкин Павел Евгеньевич — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

Шпак Александр Викторович — преподаватель кафедры административного права Воронежского института МВД России

Яценко Жанна Дмитриевна — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА

Алмагамбетова А. С. Основные направления модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан	3
Амиров Р. З. Историко-правовые аспекты кадрового обеспечения деятельности полиции Российской империи: военизированные императивы.	6
Астафичев П. А. Национальная безопасность: концептуальные основы современных стратегий обеспечения.	10
Афзалетдинова Г. Х. К вопросу об особенностях норм полицейского права	13
Бекетов О. И. Феномен «чрезвычайного» в административном, полицейском праве и политической практике	15
Выштикалюк В. Ф., Тихонов И. Н., Филимонов Р. Н. Историческое развитие полицейских функций в России	20
Кнаус О. А. Реформа МВД СССР 1968–1969 гг. (по материалам УВД Иркутского облисполкома)	22
Кирюхин В. В. Становление европейской полицейской системы: моделирование современного пространства внутренней безопасности. ...	25
Козинникова Е. Н. «Положение чрезвычайной охраны» как форма чрезвычайного правового режима в Российской империи в конце XIX — начале XX веков.	28
Кожевников О. А. Конституционно-правовые аспекты обеспечения сотрудниками полиции правопорядка во время проведения публичных мероприятий.	32
Куянова А. В. О системе и источниках полицейского права	40
Луговик В. Ф. Кодификация оперативно-розыскного права: иллюзия или реальность	44

Насуев К. С. Проблемы реформирования органов внутренних дел Республики Беларусь (1991–2007)	50
Олейник Р. Р. Деятельность органов внутренних дел по снижению уровня детской беспризорности и безнадзорности в послевоенные годы	53
Степанян И. А. Полицейская система: подходы к определению сущностных характеристик в современной юридической науке	56
Сургутсков В. И. О законодательном определении понятия «правоохранительный орган»	57
Толстоба С. Н. Публично-правовая ответственность за ненадлежащее содержание дорог и дорожных сооружений по Соборному уложению 1649 г.	60
Чернова Э. Р. Деятельность органов милиции по поддержанию паспортного режима в годы Великой Отечественной войны	63
Чукаев Т. О. Вопросы соотношения общественного права с иными отраслями права в отечественной теоретико-правовой мысли	65

РАЗДЕЛ II. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андреев Д. В. Угрозы, исходящие от продажи гражданами спиртосодержащей продукции	68
Андреева И. А. Право на изображение сотрудников полиции: зарубежный опыт	70
Анес А. К. Применение Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан в деятельности органов внутренних дел	73
Водяная М. Ю. Восстановление деятельности специальных учреждений, выполняющих функции по вытрезвлению граждан.	75
Волков К. С. Устные приказы, распоряжения руководителя (начальника) как административно-правовые акты	77
Голованова Т. В. Организация предоставления государственных услуг органами внутренних дел Российской Федерации.	79
Денисенко В. В. Дуализм правового статуса сотрудников органов внутренних дел (полиции) в административно-деликтных отношениях.	81
Дизер О. А. Трансформация функций полиции по охране общественного порядка в условиях цифровизации.	83

Климович Е. В. Субъекты административной ответственности в условиях автоматической фиксации административных правонарушений (сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь).....	85
Пережогин А. А. Особенности иммиграционной политики Российской Федерации на современном этапе	87
Рахмет Е. Д. Правовое регулирование деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан как субъекта обеспечения безопасности дорожного движения.....	90
Севрюгин В. Е. Социальная функция полицейского права и ее значение в период преодоления последствий пандемии	95
Сенюгов А. В. Применение полицией мобильных средств видеofиксации при осуществлении деятельности по охране общественного порядка.....	98

РАЗДЕЛ III. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Абдулина И. С. Особенности квалификации мелкого хищения чужого имущества.	101
Акиев А. Р. Проблемы юридической ответственности за управление водителем транспортным средством в состоянии опьянения	104
Астафьев И. Н. О полицейском контроле за исполнением судебного запрета на использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет	107
Балмочных С. Ю. К вопросу о привлечении к административной ответственности несовершеннолетних.....	109
Бекмурзинова К. К. Использование материалов, полученных с помощью средств видеofиксации, в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения	111
Бокова И. Б. Осуществление сотрудниками органов внутренних дел (полиции) административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.....	113
Бучакова М. А. Федеральный государственный миграционный контроль (надзор)	115
Веренич А. В. Правовой анализ административной ответственности за нарушение прав детей членами семьи	116

Гоман О. С. Исполнение административного наказания в виде конфискации оружия: проблемы и перспективы	118
Давлетшина Л. Х. Вопросы применения полицейской силы в России и зарубежных странах	120
Денисенко С. Г. Полицейское усмотрение при квалификации административных правонарушений и передаче дел о них на рассмотрение судье	123
Засыпкин М. А. Международная правовая помощь по делам об административных правонарушениях.....	126
Каплунов А. И. Значение понятия «способ принудительного воздействия» для регламентации мер административного принуждения, применяемых полицией	128
Козун А. В., Сергеев М. В. Некоторые аспекты оптимизации обязанности полиции по противодействию экстремистской деятельности.....	133
Корыц С. И. Исполнение сотрудниками Госавтоинспекции постановлений о наложении административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами	135
Литвякова С. В. Цели административного наказания в отношении несовершеннолетних	136
Ляшук А. В., Зайцев Ю. А. Реформирование правомерных мер предупреждения и пресечения семейно-бытового насилия.....	138
Мамлеева Д. Р. Применение сотрудниками полиции мер процессуального обеспечения в рамках пресечения правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность.....	140
Никитин А. В. К вопросу о соотношении показаний лица, в отношении которого были применены физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, и показаний сотрудников полиции.....	143
Сахно А. И. Меры государственного принуждения в период глобальных ограничений	145
Сорокина Е. А. Полиция как субъект противодействия эпидемии коронавируса в Швеции	148
Старостин А. А. К вопросу о задержании и дальнейшем содержании иностранных граждан и лиц без гражданства в полиции	152

Степанова О. Г. Проблемные вопросы квалификации действий по ч. 1 ст. 5.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	153
Федяев Е. А., Маллекер Д. И. Срок административного задержания для отдельных субъектов производства по делам об административных правонарушениях.....	155
Филиппов О. Ю. О необходимости систематизации законодательства о применении полицейской силы сотрудниками правоохранительных органов	158
Шапошников С. Г. Десять лет административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в России: взгляд в будущее	160
Шилехин К. Е. Место ответственности за правонарушения в области налогов и сборов в системе юридической ответственности	162
Шишкин П. Е. О некоторых актуальных вопросах, возникающих при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.9.1 КоАП РФ	164
Яценко Ж. Д. О профилактической деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей	166

РАЗДЕЛ IV. ИНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Абишев Э. Х. О демилитаризации правоохранительных органов Республики Казахстан: замыслы и осуществление	169
Антонов А. И. Особенности привлечения к ответственности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации за совершение коррупционных правонарушений	172
Антонов Я. А. Институт особых правовых режимов в России: история и современность	174
Беляева Е. Г. О некоторых проблемных аспектах, связанных с применением к сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации дисциплинарных взысканий	176
Воронов А. И. Педагогическое сопровождение процесса обучения навыкам правомерного применения полицейской силы в форме боевых приемов борьбы	179
Выштикалюк В. Ф., Сивочкин Е. В., Тихонов И. Н. Применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции в условиях ограниченной видимости	182

Галимов О. Х. Применение органами внутренних дел положений статьи 427 УПК РФ при производстве дознания	184
Жиенгалиева А. А. Совершенствование уголовного законодательства о провокации преступления в Республике Казахстан	186
Жиляев А. В. Перспективы кодификации миграционного законодательства Российской Федерации	191
Зайцева Е. В., Пивоваров Д. В., Осипов О. О. Отдельные аспекты обучения сотрудников полиции действиям, связанным с применением огнестрельного оружия	193
Жданова А. Н. Гражданско-правовая ответственность в производстве по делу об административном правонарушении	196
Карпов К. В. Деятельность органов внутренних дел в сфере охраны соседских прав: на примере реализации законодательства о соблюдении тишины и покоя граждан.....	198
Кошелев Е. В. Некоторые аспекты участия полиции в защите прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации общества	200
Кузнецов А. А. Объяснение как средство проведения предварительной проверки сообщения о преступлении	202
Культемирова Л. Т. Служебная карьера как фактор конкурентоспособности сотрудника органов внутренних дел (на примере Республики Казахстан)	205
Марат А. М. Состав уголовного правонарушения как основа его квалификации	211
Маленков П. А. Отдельные особенности реализации полномочий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность... ..	215
Матанцев Д. А. Актуальные вопросы защиты органов внутренних дел от дискредитации в условиях информационного общества	217
Насуев К. С. Проблема реформирования органов внутренних дел Российской Федерации в юридической науке	220
Никифорова С. А. Э. Н. Берендтс о государственной концепции управления на местах	222
Николаев К. Д., Журавлева И. А. О запретах и ограничениях, связанных со службой в полиции.....	225
Пенькова И. В., Корягин С. В. Формирование навыков стрельбы из табельного оружия в экстремальных ситуациях в процессе огневой подготовки	228

Попов Д. В. Проблематика полиции и применения полицейской силы в биополитике	231
Савельева М. В. О балансе частных и публичных интересов при оценке последствий полицейской деятельности.	235
Смирнова М. Н. Особенности возбуждения уголовных дел по факту незаконного пересечения государственной границы Российской Федерации	237
Токсанова М. Б. Переход на сервисную модель в системе органов внутренних дел Республики Казахстан	239
Федоринова Е. А. Пути повышения уровня правовой культуры общества	244
Филимонов О. В. Проблемы управления имиджем полиции в цифровом обществе.	246
Фисенко Д. Ю. Право на применение сотрудником полиции огнестрельного оружия: некоторые проблемы правового регулирования	249
Черняков А. В. Элементы системы координации деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на районном уровне.	251
Шпак А. В. Особенности рационализации отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних	252
Сведения об авторах.	256

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА

Редакторы А. Н. Великих, Е. А. Жукова

Корректор М. В. Виноградова

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 01.10.2021. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 15,8. Уч.-изд. л. 15,2. Тираж 165 экз. Заказ № 217.

